

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ НОВИЗНА. ЭКСПЕРИМЕНТ. ТРАДИЦИИ

Novelty

Experiment

Traditions

N.Ex.T

КАРЬЕРА В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

Российский научно-практический журнал
(сетевое издание)

ISSN 2949-3625

Новизна. Эксперимент. Традиции Н.Экс.Т

**Novelty. Experiment. Traditions
N.Ex.T**

Журнал является периодическим сетевым научно-практическим, образовательным изданием, в котором публикуются результаты теоретических и практических исследований по отраслям науки, образовательным направлениям специальностей и направлений подготовки для обучения по образовательным программам среднего профессионального образования и высшего образования, которые реализуются в Северо-Западном институте управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

**Том 11, выпуск № 1 (29) – 2025
Издается с 2015 года,
выходит 4 раза в год**

Санкт-Петербург
2025

Главный редактор: Алёхина И. С. — доцент кафедры конституционного и административного права ЮФ СЗИУ РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент, действительный государственный советник Санкт-Петербурга 3-го класса

Редактор: Копятина Ю. Н.

Председатель редакционной коллегии: Азаров А. А. — проректор по науке РАНХиГС, кандидат технических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Азаров А. А. — проректор по науке РАНХиГС, кандидат технических наук

Алёхина И. С. — главный редактор журнала, доцент кафедры конституционного и административного права ЮФ СЗИУ РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент, действительный государственный советник Санкт-Петербурга 3-го класса

Баженова О. И. — доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук

Буланакова М. А. — заведующая кафедрой международных отношений ФМОПИ СЗИУ РАНХиГС, кандидат исторических наук

Ворона А. А. — доцент кафедры менеджмента СЗИУ РАНХиГС, кандидат экономических наук, доцент

Ганц Н. В. — доцент кафедры иностранных языков и лингвистики СПбГИК, профессор Языкового центра в АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге», доцент кафедры иностранных языков СЗИУ РАНХиГС, кандидат филологических наук, доцент

Кашина М. А. — ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС, кандидат философских наук, доктор политических наук, доцент

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор

Межевич Н. М. — директор проекта Научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор

Соловьева А. К. — заведующая кафедрой конституционного и административного права ЮФ СЗИУ РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент

Тулупьева Т. В. — советник проректора по науке РАНХиГС, кандидат психологических наук, доцент

Цыганкова И. В. — профессор кафедры экономики СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор

Чубинская-Надеждина С. В. — доцент кафедры экономики ФЭФ СЗИУ РАНХиГС, кандидат экономических наук, доцент

Шепелева С. В. — доцент кафедры уголовного права ЮФ СЗИУ РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент

Шишкун В. В. — заведующий отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук, доктор исторических наук, доцент

Шматко А. Д. — директор ФГБУН «Институт проблем региональной экономики Российской академии наук», доктор экономических наук, профессор, профессор Российской академии образования, почетный работник науки и высоких технологий РФ

Журнал: <https://www.nxtjournal.ru>.

Адрес редакции:

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61, тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10.

E-mail: stud_editor-sziu@ranepa.ru.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ЭЛ № ФС 77-82820 от 18 февраля 2022 г. («Новизна.

Эксперимент. Традиции» (Н.Экс.Т) / “Novelty. Experiment. Traditions” (N.Ex.T))

(С 2014 по 2021 г. журнал выпускался под названием “Administrative Consulting”,

свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77-59415 от 22 сентября 2014 г.)

ISSN 2949-3625 (для «Новизна. Эксперимент. Традиции»), ISSN 2713-3230 (для “Administrative Consulting”).

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на «Новизна. Эксперимент. Традиции» (Н.Экс.Т) / “Novelty. Experiment. Traditions” (N.Ex.T) обязательна.

Статьи размещаются в Научной электронной библиотеке, доступной по адресу: <http://elibrary.ru>.

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025

© Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025

© Все права защищены.

СОДЕРЖАНИЕ

1.	Буличников С. Ю. О правотворчестве и правовых новациях в части защиты от утечек персональных данных Научный руководитель: Харин Вадим Витальевич , старший преподаватель	6
2.	Жаркова Д. В., Зайцева А.В., Попова Д.М. Гегемония традиций: часть 1. «Образы маскулинности в популярном русскоязычном кинематографе и музыкальных хитах» Научный руководитель: Кашина Марина Александровна , д-р полит. наук, доцент	16
3.	Каминский М. А. Сравнительный анализ межгосударственных саммитов как дипломатического инструмента России и США во взаимоотношениях с африканскими лидерами*	31
4.	Крылов Н. С., Гуров М. С. Влияние миграционных процессов на социально-экономический потенциал субъектов Российской Федерации, входящих в состав Северо-Западного федерального округа Научный руководитель: Антончева Ольга Алексеевна , канд. полит. наук, доцент	43
5.	Ли Цайюэ, Шу Вэнъхуэй, Чжэн Тунлинь Экономические последствия американо-китайской торговой войны для финансового рынка Китая Научный руководитель: Жиряева Елена Васильевна , д-р экон. наук, доцент.....	56
6.	Палашов В. А. Классификация способов совершения мошенничества в оккультно-магической сфере (по материалам практики судов Северо-Западного федерального округа) Научный руководитель: Титкова Ольга Игоревна , канд. юрид. наук.....	68
7.	Спиридонова В. Д. Анализ проблем в сфере юриспруденции: особенности преимущественных прав и прав привилегий в контексте современного правоприменения Научный руководитель: Шурупов Сергей Евгеньевич , преподаватель высшей категории	77
8.	Трапезников А. Ю., Ли Цайюэ, Ян Бойи Торговые войны: влияние взаимозависимости и асимметрии в экономических отношениях на их результаты Научный руководитель: Жиряева Елена Васильевна , д-р экон. наук, доцент	85
9.	Щеглова А. К. Проблемные аспекты правового регулирования «культуры отмены» в России** Научный руководитель: Кречуняк Георгий Александрович , преподаватель	102
10.	Эвнян В. А. Некоторые проблемные аспекты противодействия незаконному обороту наркотиков в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» Научный руководитель: Горенко Максим Геннадьевич , канд. юрид. наук	113

* Статья была рекомендована к публикации в журнале «Новизна. Эксперимент. Традиции» оргкомитетом конкурса научных работ по политологии, состоявшемся в июне 2024 года на факультете международных отношений и политических исследований РАНХиГС – Санкт-Петербург. По итогам которого работа получила второе место в номинации «Международные отношения».

** Статья подготовлена в рамках участия в программе обучения молодых исследователей «Научный код» (Президентская академия, 2023–2024 уч. год). Результаты обучения были представлены на Молодежной секции научной конференц-сессии «Государственное управление и развитие России: новые горизонты и образ будущего», состоявшейся 20–21 мая 2024 года.

CONTENTS

1. Stanislav Yu. Bulochnikov	
On Law-making and Legal Innovations in Terms of Protection against Personal Data Leaks	
Academic Supervisor: Vadim V. Harin , Senior Lecturer.....	6
2. Darya V. Zharkova, Anna V. Zaitseva, Diana M. Popova	
Hegemony of Tradition: Part 1. Masculinity in Popular Russian Cinema and Music Charts	
Academic Supervisor: Marina A. Kashina , Doctor of Political Sciences, Associate Professor	16
3. Maxim A. Kaminsky	
Comparative Analysis of Interstate Summits as a Diplomatic Tool of Russia and the United States	
in Relations with African Leaders***	31
4. Nikolay S. Krylov, Maksim S. Gurov	
The Influence of Migration Processes on the Socio-economic Potential of the Subjects of the	
Russian Federation, which are the Part of the North-Western Federal District	
Academic Supervisor: Olga A. Antoncheva , PhD of Political Sciences, Associate Professor	43
5. Li Caiyue, Shu Wenhui, Zheng Tonglin	
Economic Implications of the U.S.-Sino Trade War for China's Financial Market	
Academic Supervisor: Elena V. Zhiryaeva, Doctor of Economics Sciences, Associate Professor	56
6. Victor A. Palashov	
Classification of Ways of Committing Fraud in the Occult-Magical Realm (Based on the Court	
Practice of the North-Western Federal District)	
Academic Supervisor: Olga I. Titkova , PhD of Jurisprudence.....	68
7. Victoria D. Spiridonova	
Analysis of Problems in the Field of Jurisprudence: Peculiarities of Pre-emptive Rights and Rights	
of Privilege in the Context of Modern Law Enforcement	
Academic Supervisor: Sergey E. Shurupov , teacher of the highest category	77
8. Andrey Y. Trapeznikov, Li Caiyue, Yang Boyi	
Trade Wars: Impact of Interdependence and Asymmetry in Economic Relations on their Outcomes	
Academic Supervisor: Elena V. Zhiryaeva , Doctor of Economics Sciences, Associate Professor	85
9. Anna K. Sheglova	
Problematic Aspects of the Legal Regulation of the «Cancel Culture» in Russia****	
Academic Supervisor: Georgy A. Krechunyak , teacher	102
10. Victoria A. Evinyan	
Some Problematic Areas of Countering Drug Trafficking in the Internet Information and	
Telecommunications Network	
Academic Supervisor: Maxim G. Gorenko , PhD of Jurisprudence	113

*** The article was recommended for publication in the journal "Novelty. Experiment. Traditions" by the organizing committee of the competition of scientific papers on political science, held in June 2024 at the Faculty of International Relations and Political Studies RANEPA – St. Petersburg. According to the results of which the work received the second place in the nomination "International Relations".

**** The article was produced within the framework of participation in the training program for young researchers "Academic Code" of the Presidential Academy (2023–2024 academic year), the results of having been presented at the Youth Section of the Scientific Conference Session "Public Administration and Development of Russia: New Horizons and Image of the Future" held on 20–21 May 2024."

О правотворчестве и правовых новациях в части защиты от утечек персональных данных

Булохников Станислав Юрьевич, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Институт права и национальной безопасности (Тамбов, Российская Федерация)
студент 3-го курса специалитета;
e-mail: bulochnikov03@mail.ru
ORCID: 0009-0001-7619-0643.

Научный руководитель:

Харин Вадим Витальевич, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Институт права и национальной безопасности; кафедра специальной подготовки и обеспечения национальной безопасности (Тамбов, Российская Федерация)
старший преподаватель;
e-mail: harin@tsutmb.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу правовых новаций и законодательных изменений в области защиты персональных данных от утечек, вызванных вызовами цифровизации и глобализации. Автор подчеркивает рост киберугроз и необходимость совершенствования законодательства для противодействия этим вызовам.

В исследовании использован сравнительно-правовой анализ законодательства, а также рассмотрены последние изменения в нормативно-правовых актах, направленные на усиление защиты персональных данных. Автор анализирует ключевые проблемы, такие как рост утечек данных, и предлагает меры по их устранению, включая введение киберстрахования и усиление ответственности за утечки.

Выявлены основные проблемы в области защиты персональных данных, такие как увеличение числа утечек и незаконное использование данных с помощью технологий Deepfake. Предложены меры по улучшению законодательства, включая введение киберстрахования и усиление административной и уголовной ответственности за утечки данных. Также рассмотрены правовые механизмы борьбы с технологиями Deepfake. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего совершенствования законодательства в области защиты персональных данных, а также для повышения осведомленности граждан о киберрисках. Предложенные меры, такие как киберстрахование и усиление ответственности, могут способствовать снижению числа утечек данных и повышению уровня информационной безопасности. Исследование также подчеркивает необходимость гармонизации законодательства и повышения компетенций специалистов в области ИТ и права.

Ключевые слова: персональные данные, цифровизация, киберстрахование, киберриски, утечки данных, правотворчество, технология распознавания лиц, защита изображения лица, искусственный интеллект, информация.

On Law-making and Legal Innovations in Terms of Protection against Personal Data Leaks

Stanislav Yu. Bulochnikov, Derzhavin Tambov State University, Institute of Law and National Security (Tambov, Russian Federation)
specialized student;
e-mail: bulochnikov03@mail.ru
ORCID: 0009-0001-7619-0643.

Academic Supervisor:

Vadim V. Harin, Derzhavin Tambov State University, Institute of Law and National Security; Department of Special Training and National Security (Tambov, Russian Federation)

Senior Lecturer:

e-mail: harin@tsutmb.ru

Abstract

The paper deals with the analysis of recent legal innovations and amendments in the legislation related to personal data protection against the leaks caused by digitalization and globalization challenges. The author emphasizes the increasing number of cyber threats as well as the need for improved legislation to address these challenges.

The research employs a comparative legal analysis of existing legislation, as well as some recent amendments to regulatory legal acts aiming to strengthen personal data protection. The author examines such key issues as the growth of data breaches, and proposes some measures to address them, including implementing cyber insurance and increasing liability for data leaks.

The main issues in the area of personal data protection have been identified, including the increase in data breaches and illegal use of information through the employment of Deepfake technologies. To address these issues, measures have been proposed, such as improving legislation through the introduction of cyber insurance and increasing administrative and criminal penalties for data breaches. Additionally, legal mechanisms to combat Deepfake technologies have been considered.

The research findings can be utilized to further refine the legislation in the realm of personal data protection and raise the citizens' awareness of cyber risks. The suggested measures, including cyber insurance and heightened accountability, can be instrumental in reducing the frequency of data breaches and enhancing information security. Furthermore, the study emphasizes the necessity for harmonizing legislation and enhancing the skills of IT professionals and legal experts.

Keywords: personal data, digital transformation, cyber insurance, cybersecurity risks, data breaches, deep fake, legislative process, innovations, globalization, facial recognition technologies, face image protection, artificial intelligence, information.

ВВЕДЕНИЕ

Правовые новации в сфере новых и развивающихся технологий включают изменения и обновления законодательства, направленные на адаптацию правовых норм к современным экономическим и социальным условиям. Эти изменения разрабатываются и принимаются государственными органами в рамках правотворческого процесса, который направлен на совершенствование правового регулирования.

Правотворчество — это процесс разработки, принятия, изменения или отмены правовых норм компетентными государственными органами. В сфере частного права правотворчество играет ключевую роль в обеспечении актуальности и эффективности правового регулирования. Оно позволяет своевременно реагировать на изменения в экономике, социальной сфере и технологиях, обеспечивая защиту прав и интересов участников гражданского оборота [5].

По мнению С. С. Вашуриной, государство для регулирования новых процессов и технологий в эпоху цифровизации вводит лишь программно-стратегические акты, а не полноценные законы или иные систематизированные и конкретные нормы [3]. Однако

в последние годы в законодательстве произошел ряд значительных изменений, направленных на улучшение правового регулирования и создание более благоприятных условий для развития бизнеса и экономики в условиях цифровизации. Примеры последних изменений отражены в таблице 1.

Таблица 1*

Вид изменений	Суть изменений
Изменения в Гражданском кодексе Российской Федерации	Внесены поправки в отношении недвижимости, наследства, интеллектуальной собственности, которые уточнили и упростили правовые нормы в этих сферах ¹
Принятие новых законов	В недавнее время были приняты новые законы, регулирующие отношения в сфере электронной торговли, кредитных историй, защиты данных и других областях ²
Развитие нормативно-правовых актов	Разработаны и приняты новые подзаконные акты, уточняющие и конкретизирующие нормы федеральных законов в различных сферах частного права ³

* Составлено (разработано) автором.

Конечно же, современные правовые новации неразрывно связаны с развитием новых технологий. Цифровизация охватывает всё больше сфер жизни, способствуя развитию экономических отношений, в этой связи роль информационно-телекоммуникационной системы Интернет сложно переоценить [7]. Для пользователей Интернета остро стоит вопрос о безопасности персональных данных. Эти данные часто становятся мишенью для киберпреступников.

РОСТ УТЕЧЕК ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РОССИИ

По данным InfoWatch (российской компании, специализирующейся на информационной безопасности), в 2023 году количество утечек конфиденциальных данных в мире увеличилось в 2,4 раза. Число скомпрометированных записей персональных данных возросло в 6 раз и достигло 18,3 миллиарда. В России этот показатель составил 705 миллионов⁴.

Более того, по данным центра противодействия кибератакам Solar JSOC (ГК «Солар»), злоумышленники сформировали базу персональных данных на каждого жителя страны. Это может привести к активизации преступности в цифровой и информационной среде. В частности, повысится уровень мошенничества, шантажа, кибератак и число обзвонов граждан для введения их в заблуждение⁵. В ноябре 2024 года президент ПАО «Ростелеком» Михаил Осеевский заявил, что персональные данные абсолютно всех россиян уже продолжительное время находятся в открытом доступе⁶.

¹ См. напр., Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 24.07.2023 № 339-ФЗ.

² См., напр., Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ.

³ См., напр., Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил ведения реестра лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, и Правил ведения реестра операторов майнинговой инфраструктуры» от 31.10.2024 № 1464.

⁴ Доклад компании InfoWatch об утечках персональных данных в 2023 году. – URL: <https://www.infowatch.ru/company/presscenter/news/chislo-utechek-personalnykh-danniykh-v-mire-uvelichilos-v-2-4-raza> (дата обращения: 14.01.2025).

⁵ ТАСС. Эксперт предупредил о возможном наличии базы почти на всех россиян у хакеров. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/21982447> (дата обращения: 14.01.2025).

⁶ ТАСС. Глава «Ростелекома» считает, что личные данные всех россиян уже утекли в сеть – URL: <https://tass.ru/ekonomika/22439315> (дата обращения: 14.01.2025).

Безусловно, привлечение всеобщего внимания к проблеме защиты информации и персональных данных частных лиц способствует запуску процессов изменений и в других сферах. Так, наряду с необходимостью внесения изменений в гражданское, уголовное, административное и законодательство сфере страхования неизбежные изменения произойдут в экономических отношениях между государством и гражданами, государством и коммерческими структурами, оказывающими комплексные услуги страхования. Это подтверждает Е. В. Михайлова, которая выделяет не только позитивные стороны цифровых ресурсов, но и отрицательные, например, новые способы уклонения от уплаты налогов и нарушения авторских прав [9]. Очевидно, что субъектам законотворчества необходимо реагировать на эти изменения и принимать соответствующие меры.

Одновременно с этим достижение успеха невозможно без привлечения компетентных специалистов в ИТ-отрасли, а также повышения соответствующих навыков у юристов и адвокатов.

МЕХАНИЗМ СТРАХОВАНИЯ КИБЕРРИСКОВ (КИБЕРСТРАХОВАНИЕ)

Законодатель пытается урегулировать распространение персональных данных в цифровой среде. Так, в 2024 году сенаторы предложили ввести понятие «киберстрахование» — страхование от киберрисков, связанных с утечкой и неправомерным использованием персональных данных. С помощью этого механизма граждане России могут начать получать компенсации в случае утечек своих персональных данных из ФГИС «Госуслуги». Выплачивать компенсации будет Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры РФ) из собственных средств, поскольку является оператором персональных данных. Важно, чтобы операторы, работающие с персональными данными, имели финансовое обеспечение для выплаты компенсаций в случае утечек данных и ущерба, причиненного гражданам. Что касается государственных организаций, то компенсации в пользу граждан также возможны: их могут выплачивать либо из бюджета, либо из финансовых средств непосредственного виновника утечки⁷.

Компенсация за утечки данных — это важный аспект в области защиты данных и приватности. В современном цифровом мире, где персональная информация может быть скомпрометирована из-за кибератак, утечек данных или других сбоев в безопасности, компенсация является механизмом, который позволяет пострадавшим получить возмещение ущерба, понесенного в результате таких инцидентов.

В. Ф. Бадюков в своих работах приводит несколько исследований, подтверждающих опасность и перспективность вопросов утечек персональных данных еще в 2020 году. Отмечалось, что в силу отсутствия проработанной нормативно-правовой базы интерес российских компаний и предприятий к рынку страхования утечек персональных данных практически отсутствовал [1].

Западные страны разработали и применяют политику информационной безопасности как комплекс законотворческих, социально-экономических и общественных реформ, что, в свою очередь, позволяет нам рассуждать над используемыми понятиями: «киберриски», «киберпреступление» и «киберстрахование» [6].

Одно из коммерчески популярных решений за рубежом, которое позволяет защищать предприятия и частных лиц от финансовых потерь, вызванных подверженностью киберрискам, является киберстрахование (англ. cyber insurance). В частности, бизнес-решения

⁷ РИА Новости. Россияне могут начать получать компенсации от «Госуслуг» за утечки данных. – URL: <https://ria.ru/20240320/kompensatsii-1934374284.html> (дата обращения: 14.01.2025).

в области киберстрахования диверсифицируют своих клиентов по типу киберрисков (высокий, средний, низкий). Кроме того, они позволяют покрывать свои собственные расходы и ответственность перед третьими лицами (например, ответственность электронных СМИ, сетевая безопасность, предотвращение утечек персональных данных и ответственность за конфиденциальность) [10].

Нужно отметить, что и в Российской Федерации делаются существенные шаги в решении указанных проблем. В течение всего 2024 года депутаты Государственной Думы ФС РФ обсуждали и принимали законопроекты, ужесточающие ответственность за утечки персональных данных. Теперь мера административной ответственности будет сопряжена с количеством незаконно распространенных сведений и информации о конкретном человеке⁸. В таблице 2 представлены количество субъектов (идентификаторов) и ответственность за неправомерную передачу информации (предоставление, распространение, доступ).

Таблица 2*

Количество субъектов (идентификаторов) персональных данных	Мера административной ответственности
От 1000 до 10 000 субъектов и (или) от 10 000 до 100 000 идентификаторов	Административный штраф на граждан в размере от 100 000 до 200 000 рублей; на должностных лиц — от 200 000 до 400 000 рублей; на юридических лиц — от 3 000 000 до 5 000 000 рублей
От 10 000 до 100 000 субъектов и (или) от 100 000 до 1 000 000 идентификаторов	Административный штраф на граждан в размере от 200 000 до 300 000 рублей; на должностных лиц — от 300 000 до 500 000 рублей; на юридических лиц — от 5 000 000 до 10 000 000 рублей
Более 100 000 субъектов и (или) более 1 000 000 идентификаторов	Административный штраф на граждан в размере от 300 000 до 400 000 рублей; на должностных лиц — от 400 000 до 600 000 рублей; на юридических лиц — от 10 000 000 до 15 000 000 рублей

* Составлено (разработано) автором.

Примечательно, что одновременно были внесены и соответствующие поправки в Уголовный кодекс⁹. Отныне за незаконное использование, передачу, сбор или хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, грозит штраф в размере 300 000–400 000 рублей или принудительные работы на срок до четырех лет, либо лишение свободы на срок до четырех лет.

Следует отметить, что государство приспосабливает действующее законодательство к современным реалиям, стремясь удовлетворить потребности общества в защите информации, и особенно — персональных данных граждан.

Однако ни одна из инициатив не сработает, если сами граждане не начнут ответственно относиться к безопасности своих персональных данных. В этой связи перед государством стоит задача не только разъяснить простым обычайтелям смысл проводимых реформ, но и сформировать у них необходимые компетенции, путем проведения ряда образовательных мероприятий.

Осуществление компенсационных выплат, так называемое страхование киберрисков, из средств бюджета в пользу гражданина, чьи персональные данные стали достоянием общественности, формирует представление о государстве, которое не только признает, но и уважает сведения каждого конкретного взятого гражданина. Киберстрахование в данном случае выступает как правовой и экономических механизм социальной направленности, не связанный с противоправными либо виновными действиями самого государства (государственных организаций и институтов). Этот механизм позволяет минимизировать негативные последствия от утечки персональных данных.

⁸ Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.11.2024 № 420-ФЗ.

⁹ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 30.11.2024 № 421-ФЗ.

Остаются неразрешенными вопросы о процедуре оценки страховых рисков и страховых случаев, критериях оценки размера компенсационной выплаты в зависимости от социального статуса потерпевшего гражданина либо от размера причиненного ущерба. Не стоит забывать, что гражданское законодательство и сложившаяся судебная практика испытывают определенные сложности с оценкой размера компенсации морального вреда, например, в сфере защиты авторских прав, либо компенсации вреда вследствие совершенных противоправных действий в отношении личности. Из-за отсутствия четких критериев оценки размера компенсации морального вреда в каждом конкретном случае размер компенсационной выплаты индивидуален¹⁰.

Это же относится и к страховым выплатам, подлежащим выплате в случае кибератак на персональные данные, размещенные (хранящиеся), к примеру, во ФГИС «Госуслуги». В ходе расследования уголовных дел и привлечения виновных к ответственности государство правомочно восполнить бюджет для целей выплаты страховых возмещений, а также развития материально-технической базы и комплексного укрепления информационной безопасности.

Может ли идти речь о страховании, если утечка персональных данных произошла из-за халатного отношения, неисполнения требований информационной безопасности или нарушения положений Федерального закона о персональных данных сотрудниками ФГИС «Госуслуги», а также представителями иных государственных структур (организаций)? В этой связи обсуждению подлежит вопрос о наличии вины в тех или иных действиях (бездействии), вследствие которых произошло разглашение персональных данных, а также о пределах ответственности Минцифры РФ как крупнейшего оператора персональных данных.

В таком случае компенсация причиненного морального вреда и материального ущерба гражданину должна проходить через призму гражданско-правовой ответственности, а не через механизм страховых выплат. Процедура получения пострадавшим гражданином страховых выплат либо возмещение вреда (ущерба) из бюджета представляется надежной, скоротечной и гарантированной.

Данное нововведение является интересным дополнительным механизмом стимулирования государственных органов на примере Минцифры РФ и к повышению обеспечения уровня защищенности персональных данных, особенно в условиях участившихся случаев утечки такого рода информации [4]. Этот прецедент наилучшим образом отразится на изменении отношения государственных и коммерческих организаций к политике обеспечения безопасности персональных данных, а субъектам персональных данных наконец-то дадут возможность получения компенсации материального и морального вреда от неправомерного использования их данных.

Государственная Дума приняла законопроект об обязательном страховании вреда, причиненного искусственным интеллектом (ИИ), в рамках работы экспериментальных правовых режимов (ЭПР). Документ (№ 512628-8) правительство внесло в Государственную Думу в декабре 2023 г. Поправки вносятся в закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в РФ», а в июле 2024 год Президентом был подписан указ о введении этого режима¹¹.

Сейчас страхование рисков в ЭПР носит добровольный характер. «Программой экспериментального правового режима может предусматриваться требование к субъекту

¹⁰ Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Веретениковой Анны Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации» от 15.07.2004 № 276-О.

¹¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации“» от 08.07.2024 № 169-ФЗ.

экспериментального правового режима о необходимости страхования им гражданской ответственности за причинение указанного вреда при реализации экспериментального правового режима», — говорится в законе. Эту норму предлагается убрать и сделать страхование обязательным. «Программа ЭПР должна содержать (...) положения о страховании участниками ЭПР своей гражданской ответственности за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц при реализации ЭПР, в том числе в результате использования решений, созданных с применением технологий искусственного интеллекта, а также требования к условиям такого страхования, в том числе к минимальному размеру страховой суммы, перечню рисков и страховых случаев», — говорится в принятом во втором чтении законопроекте.

ТЕХНОЛОГИЯ DEEPFAKE И НЕЗАКОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ГРАЖДАН

Следующая технология, которую необходимо рассмотреть, — это DeepFake (англ. «глубокая подделка»). Она основана на использовании искусственного интеллекта и машинного обучения для создания фальшивых цифровых материалов, таких как видео, аудио или изображения, которые могут реалистично имитировать оригиналы. Очевидно, что в основе этих материалов часто лежат персональные данные граждан, которые с большой долей вероятности используются незаконно [8].

Существует несколько видов технологии DeepFake:

- FaceSwap — замена лица на видео с использованием глубоких нейронных сетей;
- Audio DeepFake — синтез речи, создание фейковых аудиозаписей, имитирующих голос человека;
- Text-to-Speech (TTS) — генерация речи из текстового ввода, с помощью которого можно создавать видео, где люди «произносят» вещи, которые они никогда не говорили.

Эта технология, безусловно, имеет преимущества и может помочь человечеству в решении различных задач. Однако в контексте исследования особый интерес представляют негативные последствия применения DeepFake и правовые механизмы их устранения. А. А. Бычинская и С. И. Иванова выделяют такие последствия, как манипуляции и обман; нарушение приватности; рост киберпреступлений [2].

В сентябре 2024 года в Государственную Думу было внесено сразу два законопроекта, направленных на защиту от дипфейков. Законопроект № 718538-8 «О внесении изменений в УК РФ» предлагает определить использование дипфейков как отягчающее обстоятельство для таких преступлений, как клевета (ст. 128.1), мошенничество (ст. 159), кража (ст. 158) вымогательство (ст. 163) и причинение имущественного ущерба (ст. 165). В случае принятия закона использование дипфейка по указанным выше статьям будет квалифицироваться судом как преступление, совершенное с отягчающими обстоятельствами, по которым наказание может быть увеличено. Например, за клевету штраф может быть поднят до 1,5 млн рублей (без отягчающих обстоятельств штраф за клевету ограничен 500 тыс. рублей), а за мошенничество срок лишения свободы может быть ужесточен до 6 лет (без отягчающих обстоятельств лишение свободы ограничено двумя годами)¹².

Второй законопроект, № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», вносит в ГК новую статью 152.3. «Охрана голоса

¹² Законопроект № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (в части установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности). – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 14.01.2025).

гражданина»¹³. Она закрепляет за гражданином право распоряжаться записями своего голоса, в том числе и синтезированного с помощью искусственного интеллекта. Правда, предполагаются три исключения, если:

- использование голоса гражданина осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах;
- голос гражданина записан при видео- или аудиозаписи, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях;
- запись голоса гражданина производилась за плату.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие новых технологий и способов взаимодействия с персональными данными представляет собой сложный и динамичный процесс, который требует непрерывного внимания и усилий со стороны государства, правоприменителей и самих граждан. Можно сказать, что правовые новации в этой сфере в России являются результатом динамичного процесса правотворчества, который отражает изменения в обществе и экономике. Правотворчество направлено на улучшение правового регулирования и создание более благоприятных условий для развития бизнеса, экономики и безопасности населения в цифровой среде.

На процесс правотворчества влияют как внутренние, так и внешние факторы, включая глобализацию, которая способствует интеграции российского законодательства в международную правовую систему. Государство играет ключевую роль в правотворчестве, обеспечивая разработку и принятие законодательных актов, а также контроль за их соблюдением.

Литература:

1. Бадюков, В. Ф. Риски цифровой экономики: особенности и перспективы развития киберстрахования в России / В. Ф. Бадюков, М. Н. Докучаев // Страховое право. – 2021. – № 1 (90). – С. 42–44. – EDN UKGJBK
2. Бычинская, А. А. Deepfake: новая реальность / А. А. Бычинская, С. И. Иванова // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2024. – Т. 10, № 2 (26). – С. 32–39. – EDN TGTRQG
3. Вашурина, С. С. Влияние цифровизации на конституционные права граждан / С. С. Вашурина // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2024. – № 1 (19). – С. 74–83. – EDN EEVHNK
4. Градобоева, П. А. Утечка персональных данных в России / П. А. Градобоева // Молодой ученый. – 2024. – № 17 (516). – С. 179–181. – EDN NPTHXJ
5. Гусева, С. Г. Правотворчество: основные понятия и принципы / С. Г. Гусева, Т. Я. Коняхина // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 6. – С. 257–259. – EDN YLGJNB
6. Казарин, О. В. Современные концепции кибербезопасности ведущих зарубежных государств / О. В. Казарин, А. А. Тарасов // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. – 2013. – № 14 (115). – С. 58–74. – EDN RLYGMT

¹³ Законопроект № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (об охране голоса). – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8> (дата обращения: 14.01.2025).

7. Михайлова, Е. В. Цифровизация права в контексте его сущности и применения / Е. В. Михайлова // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 7 (161). – С. 83–86. – EDN OBWWXA
8. Распознавание Deepfake фотографий и видео с помощью глубокого обучения / К. В. Санталов, О. В. Панкратьева, И. Д. Котилевец, И. И. Иванова // Управление в современных системах: сборник трудов XI Всероссийской (национальной) научно-практической конференции научных, научно-педагогических работников и аспирантов. Челябинск, 15 декабря 2021 года. – Челябинск: Южно-Уральский технологический университет, 2021. – С. 332–340. – EDN EKOVHC
9. Фроленко, Н. А. Цифровизация права: процессы цифровизации и ее особенности / Н. А. Фроленко, Ю. В. Оsipova // Вестник науки. – 2024. – Т. 2, № 2 (71). – С. 184–188. – EDN LAUBTI
10. Ranjan Pal, Peihan Liu, Taoan Lu, and Ed Hua. (2023) How Hard Is Cyber-risk Management in IT/OT Systems? A Theory to Classify and Conquer Hardness of Insuring ICSs. ACM Trans. Cyber-Phys. Syst. 6, 4, Article 35 (October 2022), 31 pages. <https://doi.org/10.1145/3568399>

References:

1. Badyukov V. F., Dokuchaev M. N. risks of digital economy: features and prospects of development of cyber insurance in Russia. – 2021. – No. 1(90). – Pp. 42–44. – EDN UKGJBK.
2. Bychinskaya A. A., Ivanova S. I. (2024) Deepfake: new reality // Novelty. Experiment. Traditions (N. Ex.T). – Vol. 10, No. 2 (26). – Pp. 32–39. – (In Russ.) – EDN TGTRQG
3. Vashurina S. S. (2024) Influence of digitalization on constitutional rights of citizens // Theoretical and applied jurisprudence. – No. 1 (19). – Pp. 74–83. – (In Russ.) – EDN EEVHNK
4. Gradoboeva P. A. (2024) Utechka personal data in Russia // Young Scientist. – No. 17 (516). – Pp. 179–181. – (In Russ.) – EDN NPTHXJ
5. Guseva S. G., Konyakhina T. Ya. (2026) Pravotvorchestvo: osnovy kontseptsii i principy [law-making: basic concepts and principles]. Vestnik ekonomiceskoi Bezopasnosti [Bulletin of economic security]. – No. 6. – Pp. 257–259. – (In Russ.) – EDN YLGJNB
6. Kazarin O. V., Tarasov A. A. (2013) Sovremennye kontseptsii kiberbezopasnosti vedushchikh zarubezhnykh gosudarstv [modern concepts of cyber security of leading foreign states]. Series: document Science and archiving. Informatics. Information protection and information security. – No. 14 (115). – Pp. 58–74. – (In Russ.) – EDN RLYGMT
7. Mikhailova E. V. (2021) Digitalization of law in the context of its essence and application // Theory and practice of Social Development. – No. 7 (161). – Pp. 83–86. – (In Russ.) – EDN OBWWXA
8. Recognition of deepfake photos and videos with the help of deep learning (2021) / K. V. Santalov, O. V. Pankratieva, I. D. Kotilevets, I. I. Ivanova // Management in modern systems: a collection of works of the XI all-Russian (national) scientific and Practical Conference of scientific, scientific and pedagogical workers and aspirants. Chelyabinsk, December 15, 2021. Chelyabinsk: South Ural Technological University. – Pp. 332–340. – (In Russ.) – EDN EKOVHC
9. Frolenko N. A., Osipova Yu. V. (2024) Digitalization of law: processes of digitalization and its features // Vestnik nauki. – Vol. 2, No. 2 (71). – Pp. 184–188. – (In Russ.) – EDN LAUBTI

10. Ranjan Pal, Peihan Liu, Taoan Lu, and Ed Hua. (2023) How Hard Is Cyber-risk Management in IT/OT Systems? A Theory to Classify and Conquer Hardness of Insuring ICSs. ACM Trans. Cyber-Phys. Syst. 6, 4, Article 35 (October 2022). – 31 p. – <https://doi.org/10.1145/3568399>

Для цитирования / For citation:

Булоchников С. Ю. О правотворчестве и правовых новациях в части защиты от утечек персональных данных // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2025. – Т. 11. – № 1 (29). – С. 6–15.

Гегемония традиций. Часть 1. Образы маскулинности в популярном русскоязычном кинематографе и музыкальных хитах

18+

Жаркова Дарья Владимировна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, факультет экономики и финансов (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
студентка 4-го курса бакалавриата;
e-mail: d.zharkova-21@edu.ranepa.ru

Зайцева Анна Вячеславовна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, факультет экономики и финансов (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
студентка 4-го курса бакалавриата;
e-mail: azaytseva-21-02@edu.ranepa.ru

Попова Диана Михайловна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, факультет международных отношений и политических исследований (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
студентка 3-го курса бакалавриата;
e-mail: d.popova-22-02@ranepa.ru

Научный руководитель:

Кашина Марина Александровна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; кафедра социальных технологий (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
профессор кафедры, доктор политических наук, доцент;
e-mail: kashina-ma@ranepa.ru

Аннотация

Цель исследования — определить характер наиболее популярных мужских образов, представленных в русскоязычной массовой культуре. Объектом выступают популярные русскоязычные фильмы и музыкальные треки. Применяя комплексный подход, сочетающий методы анализа документов и дискурс-анализа, авторы рассматривают представленность традиционной и новой форм маскулинности в популярных фильмах, текстах песен. Для анализа эмпирического материала был разработан авторский классификатор. Исследование было проведено в рамках новой этики. В проанализированном медиаконтенте традиционный тип маскулинности пока остается доминирующим. Массовая культура, по большей части, укрепляет традиционные гендерные представления, демонстрируя мужчин, идентичность которых строится на насилии и эмоциональной сдержанности. Направления дальнейших исследований связаны с оценкой влияния традиционной и новой маскулинности на построении межличностных отношений, проверке гипотезы о связи традиционной маскулинности и толерантности к насилию в различных формах.

Ключевые слова: гендерные роли, гендерные стереотипы, качественный анализ материалов, гегемонная маскулинность, массовая культура, медиа, конвергентная культура, идентичность.

Hegemony of Tradition: Part 1. Masculinity in Popular Russian Cinema and Music Charts

Darya V. Zharkova, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Faculty of Economics and Finance (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student;

e-mail: d.zharkova-21@edu.ranepa.ru

Anna V. Zaitseva, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Faculty of Economics and Finance (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student;

e-mail: azaytseva-21-02@edu.ranepa.ru

Diana M. Popova, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Faculty of International Relations and Political Studies (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student;

e-mail: d.popova-22-02@ranepa.ru

Academic Supervisor:

Marina Alexandrovna Kashina, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Department of Social Technologies (Saint Petersburg, Russian Federation)

Professor of the Department, Doctor of Political Sciences, Associate Professor;

e-mail: kashina-ma@ranepa.ru

Abstract

This study aims to compare popular representations of masculinity in Russian-language mass culture with the online user queries related to masculinity. The research focuses on the images of masculinity presented in contemporary Russian media content. Employing a comprehensive approach combining document analysis and discourse analysis, the authors examine the prevalence of traditional and new forms of masculinity in popular films and song lyrics. A custom-designed classifier was developed to analyze and categorize the empirical data. The analysis revealed that traditional masculinity remains dominant in the examined media content. Mass culture, for the most part, reinforces traditional gender roles, portraying men whose identities are constructed around violence and emotional restraint. Future research perspectives include assessing the impact of traditional and new masculinities on interpersonal relationships and testing the hypothesis of a link between traditional masculinity and tolerance for violence in various forms.

Keywords: gender roles, gender stereotypes, qualitative analysis of materials, hegemonic masculinity, mass culture, media, convergent culture, identity.

ВВЕДЕНИЕ

Депопуляция признается одной из насущных проблем современного российского общества. Российское государство, реализуя пронаталистскую политику, использует комплексный подход: помимо денежных выплат семьям с детьми и увеличения размера

материнского капитала, ведется пропаганда ценности создания семьи. Так, в 2022 году вышел Указ Президента РФ о сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В нем провозглашается защита института брака — союза мужчины и женщины — как одна из задач государства. Однако статистика разводов за 2023 год свидетельствует о том, что на 10 браков в России приходится 7 разводов¹. Среди причин высокого числа разводов выступает конфликт личных ожиданий супругов, предписанных образцов и норм поведения женщин и мужчин в семье. Массовая культура является одним из источников таких норм, поэтому важно понять, какие мужские образы она транслирует, насколько они отвечают ожиданиям женщин и способствуют ли укреплению института семьи.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Маскулинность — это конструируемое понятие, которое формируется в процессе взаимодействия людей и зависит от социокультурного контекста [12, с. 10; 20, с. 3–4]. Существуют различные типы маскулинности, разделяющиеся на гегемонные и протестные [8, с. 29]. Они формируются в зависимости от трех структур: труда, либидного влечения и власти [9, с. 31]. Ключевым элементом гегемонного типа является гетеросексуальность, и в большей или меньшей степени гегемонная маскулинность конструируется как гендерная позиция, которая настолько же «не гейская», насколько и «не женская» [14, с. 1265–1268; 18, с. 24–25]. Структурная теория Р. Коннела [12, с. 10–11] показывает иерархическую зависимость типов маскулинности и подчеркивает, что гегемонный тип, который по сути является патриархальным, сохраняет свое господствующее положение в современном обществе.

Традиционная (гегемонная) маскулинность — это социально сконструированная модель мужского поведения, характеризующаяся доминированием, соревновательностью, эмоциональной сдержанностью, обязательной гетеросексуальностью и разделением гендерных ролей, где мужчины занимают превосходящую позицию по отношению к женщинам и маргинализированным группам, а также проявляют склонность к насилию [10, с. 170–173]. Этот канон предполагает соответствие жестким нормам, основанным на противопоставлении женственности, и поддерживает патриархальный порядок в обществе. Новая маскулинность — это социально сконструированная модель мужского поведения, характеризующаяся отходом от гегемонной мужской роли и включающая в себя гибкость моделей поведения, эмоциональную вовлеченность, участие в семейной жизни и готовность к равноправному разделению обязанностей, допуская феминные черты, не противоречащие мужской идентичности [8, с. 27]. Этот тип маскулинности ориентирован на личностную самореализацию через баланс между карьерой, семьей и индивидуальными ценностями.

Массовая культура и интернет-пространство оказывают заметное влияние на формирование у широких слоев населения представлений о поведении мужчин. Среди исследователей, изучающих влияние массовой культуры на конструирование гендерных норм, есть как российские ученые, такие как Е. А. Здравомыслова и А. А. Тёмкина [3, с. 57–58], так и зарубежные. Например, Р. Гилл и Д. Батлер утверждают, что гендер не является фиксированной биологической категорией, а формируется через социальные практики [13, с. 8–10; 16, с. 7–8]. При этом гендерные стереотипы глубоко укоренены в обществе, и в этом плане именно массовая культура выступает практикой, которая может поддерживать сложившиеся «гендерные контракты» между людьми.

¹ Статистика разводов в России ЕМИСС (единая межведомственная информационно-статистическая система). URL: <https://fedstat.ru/indicator/33535> (дата обращения: 07.10.24).

Как явление, массовая культура характеризуется производством и потреблением культурных продуктов, доступных широким слоям населения. Генри Дженкинс акцентирует внимание на феномене пользовательского контента и роли фанатской среды, это было показано в исследованиях феномена популярности К-поп групп [17, с. 19; 1, с. 76].

Д. Фиск и другие анализируют, как аудитория участвует в интерпретации и переосмыслении культурных продуктов, которые также используются в сопротивлении доминирующим идеологиям и создании альтернативных культурных смыслов [15, с. 102; 19, с. 159–162].

В отечественной науке проводились исследования, в которых рассматривалось, как менялся образ мужчины в массовой культуре, включая кинематограф и рекламу. Например, в своей статье Т. М. Дадаев и П. С. Портнов приходят к выводу, что образ мужчины в кинематографе претерпевал изменения с 1960-х по 2000-е годы в зависимости от идеологических запросов, при этом современное положение требует дополнительного анализа [2, с. 8–9.] Помимо работы с кинематографом, отечественные исследователи, такие как К. В. Игаева и Н. В. Шмелева, обращаются и к рекламе как продукту массового потребления, отмечая, что, несмотря на расширение представлений о мужчинах и трансляцию новой маскулинности, сохраняется обращение к традиционному мужскому образу [4, с. 123–125.]

Рассмотренные выше работы подробно изучают дискурс маскулинности, однако исследования, анализирующие современные тенденции в трансформации представлений о маскулинности в русскоязычной массовой культуре, а также рассматривающие влияние цифровых технологий и социальных медиа на этот процесс, не представлены широко в отечественной науке. Исходя из этого **наш исследовательский вопрос состоит** в следующем: какие мужские образы — традиционные или новые — пользуются большей популярностью в русскоязычной массовой культуре, а именно в музыкальных треках и кинематографе, и какими сведениями и о какой маскулинности интересуются пользователи рунета.

Ответу о популярных типах маскулинности посвящена первая часть статьи. Во второй части статьи будут рассмотрены интересы пользователей интернета в отношении маскулинности. В основе исследования лежит триангуляция качественных и количественных методов.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА

Настоящее исследование выполнено в рамках новой этики, которая представляет собой возникшую в условиях цифровой коммуникации совокупность норм и принципов, направленных против современных проявлений дискриминации и насилия [11, с. 477].

Оно основано на концепциях социальных структур и иерархий. Центральной социологической теорией выступает теория гегемонной маскулинности Р. Коннела. Важно исследовать именно динамику изменения нарративов, возникающих в массовой культуре, фиксирование того, что гендерные рамки допустимого мужского поведения становятся более вариативными. Применяя теорию Д. Фиска, мы рассматриваем аудиторию как активного участника, чьи интересы и запросы оказывают влияние на формирование и продвижение контента в массовой культуре. Это создает обратную связь, при которой культурные продукты начинают учитывать изменяющиеся запросы аудитории, включая пересмотр гендерных норм и ожиданий.

Цель исследования — определить характер наиболее популярных мужских образов, представленных в русскоязычной массовой культуре. **Объект** — популярные русскоязычные фильмы и музыкальные треки. **Предметом исследования** выступают нарративы традиционной и новой маскулинности.

Задачи:

1. Разработать классификатор контент-анализа новой и традиционной маскулинности.
2. Провести систематизацию нарративов о маскулинности в текстах песен и сценах из фильмов.
3. Провести контент-анализ отобранного эмпирического материала.

Гипотеза: сегодня в массовой русскоязычной культуре наиболее популярны образы традиционной гегемонной маскулинности, несмотря на появление и новых моделей маскулинности, представленных в кино, музыке и других сферах культуры.

Методы исследования:

Для решения первой задачи была проведена операционализация понятий на основе категорий, предложенных И. Коном и И. Клециной [5, с. 73–74; 6, с. 65–67; 7]. Далее был разработан авторский классификатор (Приложение 1), который позволил проанализировать и систематизировать характеристики двух типов маскулинности: новой (протестной) и традиционной (гегемонной). Классификатор включал четыре категории анализа: отношения к родительству/партнерству, нормы поведения, языковые признаки, профессиональная успешность.

На основе авторского классификатора был проведен контент-анализ выделенных текстов песен и сцен из фильмов. В процессе анализа музыкальных и кинотекстов применялся как количественный, так и качественный подходы. В рамках количественного подхода использовались единицы счета (например, проявление агрессии, заботы и т.д.). Качественный подход был направлен на понимание тональности и контекста, в которых выделяются нормы традиционной (гегемонной) или новой (протестной) маскулинности.

Характеристика эмпирического материала:

Для анализа были отобраны музыкальные произведения и фильмы, поскольку они являются одной из основных форм массовой культуры, влияющей на формирование новых и поддержание сложившихся гендерных контрактов между людьми. Оба вида продуктов массовой культуры позволяют анализировать проявление норм традиционной и новой маскулинности, а популярность этих форм среди русскоязычного населения обеспечивает их релевантность в рамках решения задачи анализа транслируемых гендерных норм.

Музыкальные произведения. Для анализа музыкальных предпочтений был выбран чарт Яндекс.музыки², который формируется по количеству уникальных прослушиваний. Было проведено две выгрузки композиций (28.05.2024 и 27.08.2024). Для анализа было выбрано 30 наиболее популярных произведений из каждой выборки. Всего был произведен анализ 46 песен (Приложение 2). Некоторые треки попали в оба топа. Часть композиций оказалась не русскоязычной.

Кинофильмы. Фильмы для анализа также отбирались при помощи платформ Яндекса. Был использован Топ-250 на Кинопоиске³. Чтобы фильм мог попасть в лонг-лист фильмов для рейтинга, он должен быть полнометражным и набрать за год не меньше 500 оценок. Для расчета рейтинга фильма или сериала в списке Топ-250 используется формула⁴, которая препятствует его накрутке недобросовестными пользователями. Из этого топа мы отобрали 17 наиболее популярных (Приложение 3) русскоязычных картин разных периодов.

² Музыкальный стриминговый сервис России.

³ «Кинопоиск» — русскоязычный интернет-сервис с условно свободно редактируемой базой данных и интернет-издание о кинематографе.

⁴ Rating = $(V/V+M) \times R + (M/V+M) \times C$, где: V — количество голосов за фильм или сериал за последние 365 дней. M — порог голосов, который нужен для участия в рейтинге Топ-250. R — среднее арифметическое всех голосов за фильм или сериал. C — среднее значение рейтинга всех фильмов или сериалов за последние 365 дней.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ АНАЛИЗ

1. Маскулинность в популярных песнях и кинофильмах

Рассмотрим, как представлены образы маскулинности в популярных произведениях русскоязычной массовой культуры. Для этого проанализируем их содержание, используя категории авторского классификатора.

1.1. Отношение к родительству/партнерству

В традиционной маскулинности отношение к родительству и партнерству понимается патриархально: мужчина авторитарен, насилие (физическое, психологическое, сексуализированное) в отношениях воспринимается «нормой», в том числе запреты и наказания детей в воспитательных целях. Присутствует стереотип о том, что мужчина должен в первую очередь состояться в профессиональной среде, быть добытчиком, а уже потом проявляться как партнер или отец. Для новой маскулинности, напротив, характерна партнерская модель отношений, проявленная забота по отношению к семье, включенное воспитание детей.

Тема родительства в проанализированных нами песнях не поднималась, так же как и семейные отношения, но те цитаты о построении партнерских отношений, которые удалось найти, подчеркивают доминирование традиционных норм.

Так, в треке «Харизма» исполнителя Wallem описывается манипулятивное поведение мужчины и самоутверждение за счет женщины:

*«Играл на твоих чувствах,
 Прости, это правда.
 Но я не безобразный тип,
 Мне нравится загадка».*

Нормы новой маскулинности в этой категории анализа найти почти невозможно, но рассмотрим строчки из песни «Можно я с тобой» исполнителя AP\$ENT:

*«Но звонок — тебе грозит срок за пару строк.
 Да, тут так себе вайб.
 Видимо, пора. Ну что ж, бывай, родный край!»
 «Я бы до зари с тобой мог говорить,
 Но тебе снова пора.
 Как всегда, какие-то дела с утра».*

В отличие от того, что мы можем слышать в нарративах традиционной маскулинности, здесь просматривается уважение к потребностям женщины, готовность поступиться своим комфортом чтобы остаться рядом с партнершей, готовность следовать за женщиной, позволять ей принимать ключевые решения.

В кинематографе тема семейных и детско-родительских отношений поднимается активнее. Так, например, в фильме «Дурак» женщина ожидает, что ее супруг, несмотря на собственное желание и мнение, должен обеспечивать и улучшать качество жизни их семьи:

*— Всю жизнь: «Нам чужого не надо, нам чужого не надо». А у нас вон, ни чужого, ни своего. Вот ты и сидишь правильный, в грязи всю жизнь. А толку?
 — Рот закрой. Достала.*

- Да кому ты нужен, пыли кусок. Ты и тут-то всем надоел.
- Правильно. Тебе в первую очередь. Все, понимаешь, воруют, все как могут, а я нет.
- А ты болта страного в дом не принес. Вон трубы текут, а тебе похрен. Карасёвы и те заменили⁵.

Мужчин, реализующих и транслирующих ролевые модели «нового» отца в проанализированном нами материале гораздо меньше, однако включенные отцы присутствуют в спортивных драмах «Хоккейные папы» и «Лёд 3». В фильме «Хоккейные папы» отцы стали героями для своих детей в попытках сохранения ледового дворца, где занимались их сыновья⁶. В киноленте «Лёд 3» разворачивается история, в которой главный герой растил дочку один, поэтому в родительстве во многом через него транслируется образ родителя, который заботится о своем ребенке, включен в воспитание и т. д. Образ отца-одиночки крайне нетипичен для российских фильмов:

- Стоять! А чего мы хромаем?
- Пап, всё нормально!
- А ну-ка, давай, иди на меня. Надюх, я вижу, ты хромаешь!⁷

Нельзя сказать, что герои этих двух фильмов обладают преимущественно чертами новой маскулинности, но в российском контексте в них можно увидеть зачатки «новых» отцов, противопоставленных отстраненным, прибегающим к наказаниям и жестокости — «традиционным».

1.2. Нормы поведения

Традиционная маскулинность содержит нормы твердости, убеждение в том, что мужчине требуется физическая сила, эмоциональная твердость, готовность рисковать. Он также придерживается норм антиженственности и гетеросексуальности (выраженной через гомофобию), мужчина не может позволить себе обладать феминными чертами. Также зачастую встречается ориентация на обезличенные сексуальные отношения, которые только подчеркивают статус и силу. Нормы новой маскулинности, которые предстают гораздо реже, транслируют эмоциональную открытость мужчины, его физическая сила не центральна и не является решающим аргументом. Новая маскулинность допускает мягкость, заботу о внешнем виде (которая не приравнивает мужчину к гомосексуалисту). Мужчина уважительно относится ко всем дискриминируемым социальным группам, в том числе к женщинам.

Романтизация физического насилия и высокая толерантность к побоям активно представлена в музыке. Рассмотрим несколько цитат. Дуэт А.В.Г. и Макана «Спой»:

«Улица болеет, но врача не ждёт.
И на очередном нас тут занесёт.
На асфальте кровь, новый поворот.

⁵ Дурак (2006): драма: видеофильм / реж. Ю. Быков. 01:56:02 (время воспроизведения). URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/808639/> (дата обращения: 07.10.2024). Доступно на: [hd.kinopoisk.ru](https://www.kinopoisk.ru/film/808639/): онлайн-сервис.

⁶ Хоккейные папы (2023): семейный фильм: видеофильм / реж. А. Булатов. 02:10:23 (время воспроизведения). URL: https://www.kinopoisk.ru/film/76b0a3c87afdf45d1a31691316717da19?content_tab=overview&from_block=kp-button-online (дата обращения: 07.10.2024). Доступно на: [hd.kinopoisk.ru](https://www.kinopoisk.ru/film/76b0a3c87afdf45d1a31691316717da19?content_tab=overview&from_block=kp-button-online): онлайн-сервис.

⁷ Лёд 3 (2024): спортивная драма: видеофильм / реж. Ю. Хмельницкий. 02:13:54 (время воспроизведения). URL: https://www.kinopoisk.ru/film/011a201fd056462fa468ccb8f01a6ffb?from_block=kp-button-online (дата обращения: 07.10.2024). Доступно на: [hd.kinopoisk.ru](https://www.kinopoisk.ru/film/011a201fd056462fa468ccb8f01a6ffb?from_block=kp-button-online): онлайн-сервис.

*Тут выдыхают дым в потолок с Афгана.
Я прожигаю опыт, это рана за раной.
Я любил, но чаще это дама за дамой».*

Кинематограф отражает также традиционные представления о нормах мужского поведения. В фильме «Война» есть сцена, в которой отец хвалит сына за участие в боевых действиях. Отец с горечью говорит, что хотел бы встать и пойти на войну:

«А это хорошо, что ты на войне-то был. Война из парня мужика делает. А мужиком быть правильно. В мужике сила. Всё на нём держится»⁸.

Индустрингия музыки всё так же оказывается более открытой к новым формам мужественности, поэтому можно найти такие строки:

*«Я расплываюсь
В улыбке, как дурак,
Как шоколадка
На лобовом окне».*

Это текст песни «Шоколадка» исполнительницы Минаевой, в которой мужчина предстает эмоционально-уязвимым, он не стремится демонстрировать силу перед девушкой, в которую влюблен.

1.3. Языковые признаки

Языковые признаки традиционной маскулинности логично продолжают нормы поведения. Мужчина нарочито груб, часто прибегает к угрозам и насмешкам, всеми способами старается подчеркнуть в себе «мужское», отвергнуть «женское». Для новой маскулинности характерно проявление эмпатии, готовность к открытому диалогу, использование мягких формулировок в процессе коммуникации.

В музыке мужские образы в подавляющем большинстве прибегают к традиционным языковым признакам. В песне «Далеко», написанной Bushido Zho, автор прибегает к нарочитой грубоности, укреплению авторитета через агрессию:

*«Крысы завидуют, крысы боятся.
Порву ваши ж*пы раз и навсегда».*

Песня, которая долгое время держалась на вершине чарта, — «Последняя любовь» рэпера MORGENSHTERN⁹ — построена на гиперболизации всех негативных черт традиционной маскулинности. Лирический герой осознает всё, что делает болезненного, но понимает, что его выберут и он будет востребован как романтический партнер именно таким:

*«И я подонок, я изменщик, я gaslighter и абыузер...
Я с детства знал, что все девчонки любят плохих парней»¹⁰.*

Если говорить о языковых признаках в кинематографе, то проявление в нем традиционных черт можно заметить и по предыдущим цитатам. Отметим фильм, в котором герои проявляют языковые признаки новой маскулинности. В фильме «Хоккейные папы»

⁸ Война (2002): боевик: видеофильм / реж. А. Балабанов. 01:59:55 (время воспроизведения). URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/41431/> (дата обращения: 07.10.2024). Доступно на: hd.kinopoisk.ru : онлайн-сервис.

⁹ Признан Министром РФ иностранным агентом. Дата принятия Министром России решения о включении в реестр: 06.05.2022.

¹⁰ Материал произведен иностранным агентом Моргенштерном Алишером Тагировичем. Дата принятия Министром России решения о включении в реестр: 06.05.2022.

Артем в течение всего фильма совершает негативные поступки в благих целях. Несмотря на это оказывается его связь с отцом, и через его доброту и любовь Артем обретает уверенность перед финальной игрой.

— Я сейчас смотрю твой матч и понимаю, какого сына я воспитал. Я понимаю: я — счастливый человек! Я горжусь тобой, сын! Знаешь что? Забей гол! Забей такой классный гол — это будет лучшее лекарство для меня! Я верю в тебя, Артём!

— Пап, я тебя люблю!

— И я тебя, сын!¹¹

1.4. Профессиональная успешность

Как уже было сказано, традиционная маскулинность предполагает, что мужчина — добытчик, его финансовый статус очень важен для него и его партнерши. Работе по сравнению с личными отношениями придается большая важность. Для мужчин, носителей новой маскулинности, работа — лишь одна из сфер жизни, равная другим.

Иронично о важности финансового благополучия для мужчины сказано в песне «ГЛАМУР», которую исполняют ARTEM SHILOVETS, Nkeeee и Unique:

«наш лайв стиль
гламур
бабки
гламур
иномарки
а а»

Найти фрагмент, напрямую подчеркивающий важность финансового статуса и само-реализации для мужчины, в проанализированных фильмах не удалось. Везде эта идея присутствует как убеждение, что карьера центральна для настоящего мужчины.

Представления о профессиональной успешности, характерные для новой маскулинности, также не были найдены в рассмотренном эмпирическом материале.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, анализ русскоязычных медиапродуктов свидетельствует о доминировании традиционных представлений о мужественности, ассоциируемых с агрессией, эмоциональной закрытостью и культом силы в массовой культуре.

Из 46 песен, проанализированных при помощи указанного выше классификатора, образы традиционной маскулинности прослеживались в 66,67 % случаев, 22 % репрезентировали новую маскулинность, и только 11 % не брали в основу сюжета межличностные отношения и мужские образы. В фильмах образы традиционных мужчин были представлены в 82 % проанализированных произведений.

Можно сделать вывод, что в наиболее популярных произведениях русскоязычной массовой культуры происходит нормализация деструктивного мужского поведения, такого как алкоголизм и агрессия. В отдельных случаях можно наблюдать романтизацию подобного поведения, его противопоставление феминным чертам среди мужчин.

¹¹ Хоккейные папы (2023): семейный фильм: видеофильм / реж. А. Булатов. 02:10:23 (время воспроизведения). URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/4920181/> (дата обращения: 07.10.2024). Доступно на: hd.kinopoisk.ru: онлайн-сервис.

Важно отметить, что потребителями массовой культуры являются в той или иной мере почти все жители России. Согласно аналитике¹² трафика Яндекс.музыки, в месяц ресурс посещает порядка 80,5 млн человек, из которых 60,7 % составляют мужчины. 54,91 % мужской аудитории Яндекс.музыки находится в возрасте от 18 до 34 лет. В этой ситуации сложно переоценить роль массовой культуры в формировании ролевых моделей в межличностных отношениях.

Однако появляются и новые модели маскулинности, представленные в кино, музыке и других сферах культуры. Эти модели характеризуются эмоциональной открытостью, заботой о близких, развитым чувством ответственности и стремлением к саморазвитию. Такие герои, как правило, не боятся проявлять слабость и ищут поддержки у окружающих. Такие фильмы, как «Хоккейные папы», «Доктор» и «Лед 3», и некоторые музыкальные композиции свидетельствуют о сдвиге в сторону нормализации проявления «иной» маскулинности. В этих произведениях мужчины — герои с развитым эмоциональным интеллектом, они представляют собой включенных отцов, равных романтических партнеров. Эти кейсы предполагают тонкую, но существенную социальную перестройку, благодаря которой освещается потребность мужчин в проявлении уязвимости и в эмоциональных связях с другими людьми.

Несмотря на эти позитивные изменения, традиционные представления о мужественности остаются преобладающими в массовой культуре и оказывают значительное влияние на формирование мужской идентичности и типа поведения.

Как отмечалось во введении, в России очень высокий процент разводов. Материалы нашего исследования показывают, что пока у зрителей и слушателей более популярна традиционная маскулинность, она признается нормой, но, возможно, в реальной жизни женщины не готовы мириться с агрессией и насилием со стороны своих мужей, поэтому предпочитают браку развод. Это актуализирует задачу презентировать в массовой культуре ненасильственные практики решения конфликтных ситуаций, партнерские модели отношений и «новые» подходы к воспитанию детей. Увидев новую маскулинность на экране и услышав ее в песнях, российские мужчины поймут, что есть альтернатива традиционной (гегемонной) маскулинности. На самом деле этот процесс уже идет. Его описанию будет посвящена вторая статья, в которой будут проанализированы запросы о маскулинности пользователей рунета.

Литература:

1. Белая, Е. К. К-pop, социальные сети, гендерные представления: проблемы презентации и восприятия (на примере творчества группы BTS) / Е. К. Белая, М. А. Кашина // Управленческое консультирование. – 2022. – № 11 (167). – С. 69–75.
2. Дадаева, Т. М. Кто они, герои эпохи? Или образы маскулинности в российском кинематографе (анализ советского и постсоветского кино) / Т. М. Дадаева, П. С. Портнов // Огарев-online. – 2020. – № 9. – С. 8–9.
3. Здравомыслова, Е. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей / Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина // Мониторинг. – 2018. – № 6 (148). – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>
4. Игаева, К. В. Трансформация маскулинности в рекламе середины XX – начала XXI вв. / К. В. Игаева, Н. В. Шмелева // Международный журнал исследований культуры. – 2020. – № 1 (38). – С. 123–125. – DOI: 10.24411/2079-1100-2020-00009

¹² Анализ трафика Яндекс.музыки за декабрь 2024 показал, что в месяц ресурс посещают 80,5 млн человек. Источник: SimilarWeb [электронный ресурс]. – URL: <https://www.similarweb.com/ru/website/music.yandex.ru/#overview> (дата обращения: 28.01.2025).

5. Клецина, И. С. Нормы женского поведения: традиционная и современная модели / И. С. Клецина, Е. В. Иоффе // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 3. – С. 72–90.
6. Клецина, И. С. Нормы мужского и женского поведения в оценках студенческой молодежи / И. С. Клецина, Е. В. Иоффе // Южнороссийский журнал социальных наук. – 2016. – № 3. – С. 61–72.
7. Кон, И. С. Маскулинность в меняющемся мире [Электронный ресурс] / И. С. Кон // Электронный сборник статей портала психологических изданий PsyJournals.ru. – 2011. – Т. 3, № 2011-1.
8. Куимов, В. С. Проблема типологии маскулинности в гендерных исследованиях / В. С. Куимов // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 4. – С. 26–30.
9. Мордвинов, А. А. Маскулинность в работах Р. Коннелл и Дж. Мосса: культурный VS социально-экономический детерминизм / А. А. Мордвинов, К. В. Игаева // Вестник ВятГУ. – 2018. – № 2. – С. 30–34.
10. Сухушина, Е. В. Современные образы маскулинности / Е. В. Сухушина, М. О. Абрамова, А. Ю. Рыкун // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2017. – № 4 (27). – С. 168–177.
11. Сычев, А. А. «Новая этика» в экспертной оценке академического сообщества: социокультурные основания и нормотворческие перспективы / А. А. Сычев, Н. В. Жадунова // Интеграция образования. – 2024. – Т. 28, № 3. – С. 469–482. – URL: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.116.028.202403.469-482>
12. Хитрук, Е. Б. Концепция гегемонной маскулинности в теории Рэйвин Коннелл: от XX к XXI столетию / Е. Б. Хитрук // Социологический журнал. – 2017. – № 4. – С. 10–19.
13. Butler, J. (1999). *Gender Trouble: Tenth Anniversary Edition* (2nd ed.) / J. Butler. – Routledge. – <https://doi.org/10.4324/9780203902752>
14. Diefendorf, S. (2020). On the enduring relationship between masculinity and homophobia / S. Diefendorf, T. Bridges // Sexualities. – Vol. 23, No. 7. – Pp. 1264–1284. <https://doi.org/10.1177/1363460719876843>
15. Fiske, J. (2010). Understanding popular culture / J. Fiske. – Routledge. – <https://doi.org/10.4324/9780203837177>
16. Gill, R. (2007). *Gender and the Media* / R. Gill. – Polity. – <https://archive.org/details/gendermedia0000gill>
17. Jenkins, H. (2008). Convergence culture / H. Jenkins, M. Deuze // Convergence. – Vol. 14, No. 1. – URL: <https://hostnezt.com/cssfiles/journalism/Convergence%20Culture%20Where%20Old%20and%20New%20Media%20Collide%20By%20Jenkins.pdf>
18. Konopka, K. et al. (2021). The role of masculinity threat in homonegativity and transphobia // Journal of Homosexuality. – Vol. 68, No. 5. – Pp. 1–24. – <https://doi.org/10.1080/00918369.2019.1661728>
19. Kord, S. (2013). Contemporary Hollywood masculinities: gender, genre, and politics / S. Kord, E. Krimmer. – Springer. – URL: <https://archive.org/details/contemporaryholl0000kord>
20. Waling, A. (2019). Problematising ‘toxic’ and ‘healthy’ masculinity for addressing gender inequalities / A. Waling // Australian Feminist Studies. – Vol. 34, No. 101. – Pp. 1–14. – <https://doi.org/10.1080/08164649.2019.1679021>

References:

1. Belya E. K., Kashina M. A. Belya, E. K. K-pop, social media, gender representations: issues of presentation and perception (using the example of BTS group creativity) / E. K. Belya, M. A. Kashina // Management Consulting. – 2022. – No. 11(167). – Pp. 69–75.

2. Dadaeva, T. M. Who are they, the heroes of the era? Or images of masculinity in Russian cinematography (analysis of Soviet and post-Soviet cinema) / T. M. Dadaeva, P. S. Porthnov // Ogaryov-online. – 2020. – No. 9. – Pp. 8–9.
3. Zdravomyslova, E. A. What is “masculinity”? Conceptual keys to critical studies of men and masculinities / E. A. Zdravomyslova, A. A. Temkina // Monitoring. – 2018. – No. 6 (148). – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>
4. Igaeva, K. V. Transformation of masculinity in advertising from the mid-20th to the early 21st centuries / K. V. Igaeva, N. V. Shmeleva // International Journal of Cultural Studies. – 2020. – No. 1 (38). – Pp. 123–125. – DOI: 10.24411/2079-1100-2020-00009
5. Kletcina, I. S. Norms of female behavior: traditional and modern models / I. S. Kletcina, E. V. Ioffe // Woman in Russian Society. – 2019. – No. 3. – Pp. 72–90.
6. Kletcina, I. S. Norms of male and female behavior in the assessments of student youth / I. S. Kletcina, E. V. Ioffe // South-Russian Journal of Social Sciences. – 2016. – No. 3. – Pp. 61–72.
7. Kon, I. S. Masculinity in a changing world [Electronic resource] / I. S. Kon // Electronic collection of articles from the portal of psychological publications PsyJournals.ru. – 2011. – Vol. 3, No. 2011-1.
8. Kuimov, V. S. The problem of masculinity typology in gender studies / V. S. Kuimov // Theory and Practice of Social Development. – 2015. – No. 4. – Pp. 26–30.
9. Mordvinov, A. A. Masculinity in the works of R. Connell and J. Moss: cultural vs socio-economic determinism / A. A. Mordvinov, K. V. Igaeva // Bulletin of Vyatka State University. – 2018. – No. 2. – Pp. 30–34.
10. Sukhushina, E. V. Modern images of masculinity / E. V. Sukhushina, M. O. Abramova, A. Yu. Rykun // Vectors of Well-being: Economy and Society. – 2017. – No. 4 (27). – Pp. 168–177.
11. Sychev, A. A. “New ethics” in the expert assessment of the academic community: socio-cultural foundations and normative perspectives / A. A. Sychev, N. V. Zhadunova // Integration of Education. – 2024. – Vol. 28, No. 3. – Pp. 469–482. – URL: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.116.028.202403.469-482>
12. Khitruk, E. B. The concept of hegemonic masculinity in Raewyn Connell’s theory: from the 20th to the 21st century / E. B. Khitruk // Sociological Journal. – 2017. – No. 4. – Pp. 10–19.
13. Butler, J. (1999). Gender Trouble: Tenth Anniversary Edition (2nd ed.) / J. Butler. – Routledge. – <https://doi.org/10.4324/9780203902752>
14. Diefendorf, S. (2020). On the enduring relationship between masculinity and homophobia / S. Diefendorf, T. Bridges // Sexualities. – Vol. 23, No. 7. – Pp. 1264–1284. <https://doi.org/10.1177/1363460719876843>
15. Fiske, J. (2010). Understanding popular culture / J. Fiske – Routledge. – <https://doi.org/10.4324/9780203837177>
16. Gill, R. (2007). Gender and the Media / R. Gill. – Polity. – <https://archive.org/details/gendermedia0000gill>
17. Jenkins, H. (2008). Convergence culture / H. Jenkins, M. Deuze // Convergence. – Vol. 14, No. 1. – URL: <https://hostnezt.com/cssfiles/journalism/Convergence%20Culture%20Where%20Old%20and%20New%20Media%20Collide%20By%20Jenkins.pdf>
18. Konopka, K. et al. (2021). The role of masculinity threat in homonegativity and transphobia // Journal of Homosexuality. – Vol. 68, No. 5. – Pp. 1–24. – <https://doi.org/10.1080/00918369.2019.1661728>
19. Kord, S. (2013). Contemporary Hollywood masculinities: gender, genre, and politics / S. Kord, E. Krimmer. – Springer. – URL: <https://archive.org/details/contemporaryholl0000kord>

20. Waling, A. (2019). Problematising ‘toxic’ and ‘healthy’ masculinity for addressing gender inequalities / A. Waling // Australian Feminist Studies. – Vol. 34, No. 101. – Pp. 1–14. – <https://doi.org/10.1080/08164649.2019.1679021>

Приложение 1

Классификатор контент-анализа типов маскулинности: традиционной (гегемонной) и новой (протестной)¹³

Смысловые единицы, категории анализа	Единицы счета	
	Традиционная маскулинность	Новая маскулинность
Отношение к партнерству/родительству	Авторитарность Отношение к членам семьи как к подчиненным Запреты и наказания детей Алкоголизм как норма Насилие (физическое, психологическое, сексуализированное)	Равенство / партнерская модель отношений Включенное воспитание детей Следование здоровому образу жизни Заботливое отношение к семье
	Норма статуса: <i>мужчина должен в первую очередь состояться в профессии, быть добытчиком, главой семьи / Вертикальные социальные связи</i>	Горизонтальные социальные связи: отражает фокус на развитие равноправных взаимодействий между людьми, основанных на взаимопомощи и не зависящих от статуса, власти и иерархии
Нормы поведения	Норма твердости: <i>мужчине требуется физическая сила, эмоциональная твердость и готовность рисковать</i> Норма антиженственности Гетеросексуальность / гомофobia Ориентация на обезличенные сексуальные отношения (мужчина-мачо)	Эмоциональная открытость, физическая сила — не центральный признак мужчины Мягкость в отношениях, забота о внешнем виде Уважение к женщинам, принятие / не отрицание фемининности в себе и партнере В сексуальных отношениях важна личность партнера
	Негативное отношение к дискриминируемым социальным группам, равное отношение только к другим гетеро-мужчинам	Выражение искренних эмоций и чувств, уважительное отношение ко всем социальным группам
Языковые признаки	Угрозы и насмешки Вербальное подчеркивание мужественности/уничижение женственности	Проявление эмпатии Осмысленные диалоги / готовность к диалогу
Профессиональная успешность	Финансовый статус, отведение особой роли и важности работе по сравнению с личными отношениями	Работа — лишь одна из сфер жизни, отсутствие акцента на уровне заработка в межличностных контактах

Приложение 2

Список проанализированных песен¹⁴:

№	Название композиции	Автор композиции
1	Дарите женщинам цветы	Jazzdauren
2	Можно я с тобой	AP\$ENT
3	Далеко	Bushido Zho
4	Матушка	Татьяна Куртукова
5	Последняя Любовь	MORGENSHTERN ¹⁵

¹³ Составлено авторами по материалам статей: И. С. Клецина, Е. В. Иоффе. «Нормы женского поведения: традиционная и современная модели», «Нормы мужского и женского поведения в оценках студенческой молодежи»; И. С. Кон. «Маскулинность в меняющемся мире».

¹⁴ Составлено авторами на основании чарта Яндекс.музыки. Было проведено две выгрузки композиций (28.05.2024 и 27.08.2024)

¹⁵ Признан Минюстом РФ иностранным агентом. Дата принятия Минюстом России решения о включении в реестр: 06.05.2022.

Окончание табл.

№	Название композиции	Автор композиции
6	Харизма	Wallem
7	Пожары	Xolidayboy
8	Поезда	Женя Трофимов и Комната культуры
9	Про Неё	TIGO & Wallem
10	Селфхарм	Монеточка ¹⁶
11	Дым	JONY и Егор Крид
12	Мир	Гио Пика
13	Дорога дальняя	Jakone
14	Царица	Анна Асти
15	Это было в России	Монеточка ¹⁷
16	Были бы крылья	Merab Amzoevi
17	Она безумна	Mult96 и Wallem
18	Наполняй	Miyagi, TumanYO
19	ПОДАРОК	АКУЛИЧ и Молодой Платон
20	Какая?	Whyspurky
21	Дымок	Ицык Цыпер
22	juice	Дарьяна
23	Громче города	NILETTO, Лёша Свик и Олег Майами
24	Давай сбежим (Искорки)	5УТРА
25	Пыняла	Аигел
26	я не могу тебя найти	Слава Марлоу
27	Спой	A.V.G и Макан
28	Прощание	Три дня дождя
29	Асфальт	Jacone
30	GODZILLA	BEARWOLF
31	Supersonic	Big Baby Tape, Aarne
32	Ameli	Big Baby Tape, Aarne, Toxi\$
33	Привыкаю	MACAN
34	Шоколадка	Минаева
35	SOS	Aarne, BUSHIDO ZHO
36	ГЛАМУР	ARTEM SHILOVETS, Nkeei, и Unique
37	Ревную	Aarne, BUSHIDO ZHO
38	Айдахар	Ирина Кайратовна
39	Горы	BLIZKEY
40	Мир	Гио Пика, MIRAVI
41	Как же	MACAN
42	Заново	MACAN
43	Как быть	BUTTUEV, NANSI&SIDOROV
44	Zachem	6YNTHAME, 5sta Family, BAByBoi
45	Самолеты	Женя Трофимов
46	Лагерная	FRIENDLY THUG 52 NGG, SALUKI

Приложение 3

Список проанализированных фильмов¹⁸

№	Название фильма	Год выпуска	Режиссер
1	Брат	1997	Алексей Балабанов
2	Брат-2	2000	Алексей Балабанов
3	В августе 44-го	2001	Михаил Пташук
4	Крик тишины	2019	Владимир Потапов
5	Доктор	2022	Артем Темников

¹⁶ Признан Минюстом РФ иностранным агентом. Дата принятия Минюстом России решения о включении в реестр: 20.01.2023.¹⁷ Признан Минюстом РФ иностранным агентом. Дата принятия Минюстом России решения о включении в реестр: 20.01.2023.¹⁸ Составлено авторами на основании чарта Кинопоиска. Было проведено две выгрузки произведений (28.05.2024 и 27.08.2024)

Окончание табл.

№	Название фильма	Год выпуска	Режиссер
6	Дурак	2014	Юрий Быков
7	Балканский рубеж	2019	Андрей Волгин
8	Небо	2021	Игорь Копылов
9	Война	2002	Алексей Балабанов
10	Подольские курсанты	2020	Вадим Шмелев
11	Ворошиловский стрелок	1999	Станислав Говорухин
12	Легенда № 17	2013	Николай Лебедев
13	Лед 3	2024	Юрий Хмельницкий
14	Хоккейные папы	2023	Андрей Булатов
15	Особенности национальной охоты	1995	Александр Рогожкин
16	День выборов	2007	Олег Фомин
17	О чем говорят мужчины	2010	Дмитрий Дьяченко

Для цитирования / For citation:

Жаркова Д. В., Зайцева А. В., Попова Д. М. Гегемония традиций. Часть 1. Образы маскулинности в популярном русскоязычном кинематографе и музыкальных хитах // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2025. – Т. 11. – № 1 (29). – С. 16–30.

Сравнительный анализ межгосударственных саммитов как дипломатического инструмента России и США во взаимоотношениях с африканскими лидерами*

Каминский Максим Алексеевич, Финансовый университет при Правительстве РФ, факультет социальных наук и массовых коммуникаций (Москва, Российская Федерация)
студент 4-го курса бакалавриата;
e-mail: 211081@edu.fa.ru

Аннотация

Проблема исследования заключена в выявлении наиболее эффективной стратегии поддержки отношений с Африканским континентом посредством международных саммитов на основе сравнения подходов России и США к данному вопросу. Методология исследования включает в себя системный и статистический подходы. В рамках исследования особый акцент сделан на методе шкалирования. В результате исследования установлена высокая важность международных саммитов как внешнеполитического инструмента. В рамках сравнительной парадигмы российских и американских саммитов приведен спектр отличительных черт национальных подходов к организации данных мероприятий с характеристикой их достоинств и недостатков. Практическое применение работы заключено в возможности использования ее результатов для поддержки деятельности российских внешнеполитических институтов и развития научного осмысливания отечественных учебно-методических материалов высших учебных заведений. Предлагаемый способ сравнения внешнеполитических стратегий проведения международных саммитов России и США с африканскими лидерами является универсально применимым.

В статье проведен комплексный анализ по количественным и качественным характеристикам межгосударственных саммитов России и США с африканскими лидерами. В ходе исследования получены данные, унифицированные в единую сводную таблицу для их дальнейшего сопоставления. Для составления унификации полученных данных были использованы следующие индикаторы: «Количество стран-участников», «Процентное соотношение стран-участниц с общим числом стран на Африканском континенте», «Количество африканских стран, представленных на первом и на втором уровнях власти», «Процентное соотношение стран, представленных на высшем уровне, с общим числом участников форума», «Количество двухсторонних встреч лидеров государств на высшем уровне», «Процентное соотношение африканских лидеров, с которыми были проведены переговоры, от общего числа лидеров», «Число заключенных соглашений в рамках саммитов», «Сумма контрактов, заключенных в рамках саммитов», «Сумма обещанных инвестиций со стороны страны-организатора».

В результате исследования интерпретирована значимость межгосударственных саммитов с африканскими лидерами как актуального дипломатического инструмента внешней политики мировых держав. Выделены причины организации подобных саммитов мировыми державами и поводы для участия в таких мероприятиях представителей стран Глобального Юга.

* Статья была рекомендована к публикации в журнале «Новизна. Эксперимент. Традиции» оргкомитетом конкурса научных работ по политологии, состоявшегося в июне 2024 года на факультете международных отношений и политических исследований РАНХиГС – Санкт-Петербург. По итогам которого работа получила второе место в номинации «Международные отношения».

Ключевые слова: Африка, саммит, форум, Россия, США, дипломатия, инвестиции, африканские лидеры.

Comparative Analysis of Interstate Summits as a Diplomatic Tool of Russia and the United States in Relations with African Leaders**

Maxim A. Kaminsky, Financial University under the Government of the Russian Federation, Department of Social Sciences and Mass Communications (Moscow, Russian Federation)

BA student;

e-mail: 211081@edu.fa.ru

Abstract

The research consists in identifying the most effective strategy for supporting relations with the African continent via international summits building on comparing the approaches of Russia and the United States to this issue. The research methodology includes systemic and statistical approaches. Within the framework of the study, special emphasis is placed on the scaling method. The study has established the high importance of international summits as a foreign policy instrument. Within the framework of the comparative paradigm of Russian and American summits, a range of distinctive features of national approaches to organizing these events is given featuring their advantages and disadvantages. The practical application of the work lies in the possibility of applying its results to support the activities of Russian foreign policy institutions and furthering academic awareness of domestic educational and methodological materials of higher education institutions. The proposed method for comparing foreign policy strategies for holding international summits of Russia and the United States with African leaders is universally applicable.

The article provides a comprehensive analysis of the quantitative and qualitative characteristics of interstate summits of Russia and the United States with African leaders. The study obtained data have been unified in a summary table for their further comparison. The following indicators have been used to compile the unification of the obtained data: “The number of participating countries”, “Percentage of participating countries to the total number of countries on the African continent”, “The number of African countries represented at the first and second levels of government”, “Percentage of countries represented at the highest level to the total number of forum participants”, “Number of bilateral meetings of state leaders at the highest level”, “Percentage of African leaders with whom negotiations were held to the total number of leaders”, “The number of agreements concluded within the framework of summits”, “The number of contracts concluded within the framework of summits”, “The amount of promised investment by the host country”.

The study results in interpreting the significance of interstate summits with African leaders as a relevant diplomatic instrument of foreign policy of world powers. The author highlights the reasons for organizing such summits by world powers, as well as the reasons for the participation of representatives of the Global South in such events.

Keywords: Africa, summit, forum, Russia, USA, diplomacy, investment, African leaders.

** The article was recommended for publication in the journal “Novelty. Experiment. Traditions” by the organizing committee of the competition of scientific papers on political science, held in June 2024 at the Faculty of International Relations and Political Studies RANEPA - St. Petersburg. According to the results of which the work received the second place in the nomination “International Relations”.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы обусловлена возросшим значением Африканского континента в мировой политике. В настоящее время Африка стала одним из регионов, вокруг которого разворачивается противостояние ведущих сверхдержав. Бывшие метрополии теряют свои позиции на Африканском континенте. При этом формируется новая система взаимоотношений крупных держав с африканскими странами. Важное значение приобретает вопрос статуса отношений современных мировых центров силы с государствами Африканского континента. Межгосударственные саммиты представляют собой актуальный инструмент внешней политики мировых держав по увеличению своего влияния на Африканском континенте.

Целью исследования является анализ отличительных черт саммитов лидеров России и США с лидерами африканских стран в контексте их противостояния в борьбе за влияние на регион. Были поставлены следующие задачи, способствующие раскрытию темы. Во-первых, установить причины интереса мировых держав к Африканскому континенту. Во-вторых, выявить преимущества саммитов как инструмента внешней политики. В-третьих, провести сравнительный анализ саммитов России и США с лидерами африканских стран. В-четвертых, оценить результаты состоявшихся саммитов в сравнительной парадигме. В-пятых, установить перспективы продолжения сотрудничества России и США с африканскими государствами посредством саммитов.

Объектом исследования являются стратегии сотрудничества России и США с лидерами африканских стран. Предметом исследования выступают межгосударственные саммиты России и США с руководством африканских государств.

Теоретическую базу исследования составили исследования российских и иностранных африканистов и экспертов в области международных отношений. Методология исследования: системный, статистический и метод шкалирования. Информационную базу исследования составляют официальные данные администраций президентов России и США, Ростекногресса, а также российских и зарубежных СМИ.

Научная новизна исследования заключена в сравнительном сопоставлении межгосударственных саммитов России и США с лидерами африканских стран. Данная работа является первым комплексным исследованием межгосударственных саммитов России и США с официальными представителями стран Африканского континента. Выявлены характерные черты проведения Россией и США международных форумов с Африкой. Установлены преимущества каждой из сторон. В то же время указаны и проблемы сотрудничества. Сформирована авторская унифицированная сводная таблица значимых сравнительных аспектов международных саммитов.

Значение исследования заключено в развитии теоретического осмысления взаимоотношений России и США с африканскими странами. Благодаря этому исследованию вносится значительный вклад в понимание внешнеполитических процессов в современной системе международных отношений. Предлагаемый способ классификации сотрудничества России и США с африканскими странами является общедоступным и универсально применимым.

Практическая значимость работы заключена в возможности применения ее итогов в деятельности внешнеполитических ведомств Российской Федерации. Материалы исследования также могут быть применены в рамках образовательных дисциплин, таких как сравнительная политология, мировая политика и других.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В декабре 2022 года в Вашингтоне прошел межгосударственный саммит национальных лидеров «США – Африка». Общей целью было обозначено укрепление и восстановление

отношений между африканскими странами и США. Уже в июле 2023 года в Санкт-Петербурге состоялся саммит и форум «Россия – Африка». Примечательно, что как для России, так и для США эти саммиты стали вторыми в истории отечественной и американской дипломатической практики. Исследовательский интерес у автора вызывает сопоставление проведенных саммитов путем сравнительного анализа ввиду открытой внешнеполитической конфронтации между Россией и США.

Как отмечают российские эксперты НИУ ВШЭ А. А. Маслов и Д. В. Суслов, роль африканских стран для международного положения России значительна. Государства Африканского континента занимают преимущественно дружественную позицию по отношению к России. Также официальные представители Африки воздерживаются от проведения недружественной политики по отношению к России. При этом африканские страны поддерживают российские идеи формирования многополярного мира. Позитивный образ России поддерживается на континенте благодаря отсутствию у Москвы систем доминирования над регионом, как прошлых, так и проектируемых. В то же время значение Африки в международной системе повышается за счет роста населения и экономики. Наличие близких позиций по международным вопросам сближает Россию с Африкой. Перечисленные факторы формируют условия для совместного благотворного сотрудничества между странами [6].

С достижением существенных результатов экономического развития Африканского континента рынок сбыта стран региона стали интересовать крупные партнеры. США решили воспользоваться потребностью африканских стран в современных технологиях, предложив свои инвестиции. Позитивный образ США на континенте американские институты публичной дипломатии продвигают с помощью аргументации отсутствия колониального опыта и подобных планов, как у Китая [8].

Первый саммит США с лидерами Африканского континента был проведен в 2014 году по инициативе президента США Б. Обамы. Активизация интереса в США к Африке произошла в середине 1990-х годов. В 2000-х годах были сформированы инструменты экономического (ключевой — закон АГОА) и военного (АФРОКОМ) представления своих интересов на континенте. Вход США в Африку сопровождался оказанием гуманитарной и экономической помощи развивающимся странам. Президент Б. Обама продолжил политику своих предшественников по усилению позиций США на континенте. Под влиянием возросшей конкуренции за континент администрация Б. Обамы приняла решение организовать саммит с африканскими лидерами [9, с. 2–3].

В начале 2014 года Белый дом официально объявил о проведении саммита с африканскими лидерами в августе. На встречу были приглашены большинство лидеров стран Африканского континента и представители Африканского союза. Приглашения не получили страны «с нехорошей репутацией», по мнению Вашингтона: Зимбабве, Судан и Эритрея. Также не были приглашены представители Западной Сахары, которую не признают США, и ЦАР, на тот момент исключенная из Африканского союза. Большинство приглашенных африканских стран были представлены на высшем уровне¹.

Основное внимание в дни проведения саммита было уделено экономической составляющей отношений. В дни саммита были заключены крупные сделки между американским бизнесом и африканскими странами. Обсуждался вопрос продления и обновления АГОА. Был сформирован консультативный комитет при Белом доме из представителей американского бизнеса для выработки предложений по укреплению экономических связей США с Африканским континентом [9, с. 5–6].

¹ U.S.-Africa Leaders Summit. The White House. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/us-africa-leaders-summit#section-program-of-events> (дата обращения: 25.01.2025).

Помимо экономики, дипломаты США обсуждали с африканскими странами возможности усиления военного и энергетического сотрудничества. Были проведены встречи с молодыми лидерами континента. США активно позиционировали себя как международного актора, способного разрешить внутренние кризисы в африканских странах [10].

В рамках саммита были проведены различные общие форумы и мероприятия. Двухсторонних контактов на высшем уровне не было. Совместных деклараций не предполагалось. В заключение саммита Б. Обама объявил о намерении проводить подобные встречи раз в четыре года². Однако следующий саммит состоялся только спустя восемь лет.

Стоит отметить, что Африка обладает рядом ресурсов, которые важны в том числе и для российской экономики. В ближайшие годы, по данным экспертов Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН, Россия будет испытывать острый дефицит ценных редкоземельных металлов [4]. Посредством равноправного сотрудничества можно разрешить стоящие перед странами проблемы в сфере добычи и поставок минерального сырья.

В свою очередь, Россия провела свой первый саммит с Африкой в 2019 году в Сочи. Этому предшествовало постепенное возвращение России на Африканский континент. В течение нескольких предшествующих лет происходило наращивание товарооборота России с африканскими странами, развитие промышленного и энергетического сотрудничества [3].

Участниками первого международного российско-африканского форума стали свыше 6 тысяч человек. По результатам экономического форума было подписано 92 соглашения на сумму более 1 триллиона рублей³.

В рамках концептуального осмыслиения итогов саммита был подготовлен совместный доклад экспертами Российского совета по международным делам и союза «Африканская деловая инициатива», в котором был дан анализ возможностей построения многосторонней системы сотрудничества России с африканским сообществом. В докладе использован метод SWOT-анализа для исследования потенциала и текущих проблем Африканского континента, позиции России в отношениях с Африкой и выработки соответствующих рекомендаций [5].

Было достигнуто кулуарное соглашение о проведении следующего саммита через пару лет⁴. Площадкой для проведения могла бы стать, как предлагал премьер-министр Эфиопии, Аддис-Абеба, столица этой африканской страны⁵. Тем не менее следующий саммит состоялся только через четыре года в Санкт-Петербурге. Причина — отсутствие консенсуса среди лидеров африканских стран о месте проведения саммита⁶. В качестве компромиссной площадки был предложен Санкт-Петербург.

Практика проведения межгосударственных саммитов с лидерами африканских стран не нова. В настоящее время многие крупные экономические державы стремятся развивать отношения с Африкой ввиду роста ее рынка сбыта. Многие страны практикуют форматы форумов и конференций как инструмент укрепления взаимоотношений со странами Аф-

² President Obama Engages with African Leaders on Final Day of the U.S.-Africa Leaders Summit. The White House. August 6, 2014. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2014/08/06/president-obama-engages-african-leaders-final-day-us-africa-leaders-summit> (дата обращения: 25.01.2025).

³ Подведены итоги первого Саммита и Экономического форума Россия – Африка. Россия – Африка. URL: <https://summitafrica.ru/about-summit/summit-outcomes-2019/> (дата обращения: 25.01.2025).

⁴ Саммит Россия-Африка будет проходить каждые два года. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190924/1559030163.html>. (дата обращения: 25.01.2025).

⁵ Премьер-министр Эфиопии предложил провести следующий саммит Россия – Африка в Аддис-Абебе. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7039664>. (дата обращения: 25.01.2025).

⁶ Эфиопия готова принять второй саммит Россия-Африка, заявил посол республики. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220105/efiopiya-1766611560.html>. (дата обращения: 25.01.2025).

рики. Первой страной, которая в 1973 году провела такое масштабное мероприятие, стала Франция. В дальнейшем к такой дипломатической практике прибегли и другие крупные державы. С 1993 года совместные саммиты с африканскими странами и их лидерами организует Япония, с 2000 года — ЕС и Китай, с 2008 года — Турция и Индия, с 2020 года — Великобритания. В 2006–2013 годах проводился Африканско-Южноамериканский саммит с лидерами сразу двух континентов⁷. Одними из последних стали организовывать саммиты с Африканским континентом Иран⁸ и Саудовская Аравия⁹ (в 2023 году), а также Южная Корея (в 2024 году)¹⁰.

Регулярность встреч как со стороны России и США, так и других мировых держав показывает значимость подобных форумов крупного центра силы с целым Африканским континентом. Причины заинтересованности со стороны международных центров силы в проведении таких саммитов можно выделить следующие. Во-первых, информационный эффект, то есть формирование престижа страны в глазах общественности посредством СМИ. Во-вторых, укрепление отношений при помощи прямых переговоров между представителями власти. В-третьих, обсуждение проблемных вопросов в международных отношениях, в том числе привлечение к ним внимания, как формально, так и неформально. В-четвертых, экономический эффект, связанный с заключением крупных контрактов. В-пятых, укрепление влияния инициатора форума в регионе посредством заключения сделок в рамках экономических переговоров.

Второй саммит США с лидерами Африки состоялся в декабре 2022 года. Как и первый, он проходил три дня и включал в себя различные форумы и мероприятия. В пресс-релизе Белого дома о саммите была подчеркнута высокая значимость Африки для всего мира и указано, что эта встреча должна стать продолжением усилий по укреплению связей США с континентом¹¹. Всего на саммит было приглашено 47 стран. Не были приглашены руководители Буркина-Фасо, Гвинеи, Мали и Судана в связи с военными переворотами в этих странах. Также приглашения не получили Эритрея из-за отсутствия у нее «полных дипломатических отношений» с США и Западная Сахара, которую Вашингтон не признает в качестве независимого государства¹².

Для статусности мероприятия Белый дом был вынужден мобилизовать все имеющиеся ресурсы для привлекательности американо-африканского саммита. По сравнению с 2014 годом американские власти видели в качестве опасного конкурента за Африку не только Китай. Усиление позиций России в Африке стало вызывать всё большее беспокойство американской дипломатии в 2022 году¹³.

⁷ Какие государства проводят саммиты с Африкой. ТАСС. – URL: <https://tass.ru/info/18364549> (дата обращения: 25.01.2025).

⁸ 1st Iran-West Africa Economic Summit Convenes in Tehran. Financial Tribune. – URL: <https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/117421/1st-iran-west-africa-economic-summit-convenes-in-tehran> (дата обращения: 25.01.2025).

⁹ Saudi Arabia hosts kingdom's first Africa summit, to boost ties, promote stability. IntelliNews. – URL: <https://www.intellinews.com/saudi-arabia-hosts-kingdom-s-first-africa-summit-to-boost-ties-promote-stability-300837> (дата обращения: 25.01.2025).

¹⁰ Launch of 2024 Korea-Africa Summit Preparatory Commission and Its First Meeting (10.13). Ministry of Foreign Affairs of South Korea. October 13, 2023. – URL: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5674/view.do?seq=320892 (дата обращения: 25.01.2025).

¹¹ U.S. - Africa Leaders Summit-United States Department of State. The United States Government. – URL: <https://www.state.gov/africasummit/> (дата обращения: 25.01.2025).

¹² Background Press Call on the U.S.-Africa Leaders Summit. The White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2022/12/08/background-press-call-on-the-u-s-africa-leaders-summit/> (дата обращения: 25.01.2025).

¹³ Yasmeen Abulated and Missy Fiyan. Biden scrambles to keep African nations in anti-Russian coalition. The Washington Post. December 12, 2022. – URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2022/12/12/biden-africa-ukraine-coalition/> (дата обращения: 25.01.2025).

По итогам саммита президент США Д. Байден выступил с публичным заявлением о выделении дополнительных средств на экономические и гуманитарные проекты в Африке. Также Д. Байден заявил о намерении совершить турне по африканским странам в следующем году¹⁴. Однако в 2023 году Д. Байден не посетил ни одной африканской страны.

Российские аналитики института США и Канады РАН указывают, что несмотря на декларируемую значимость Африки для Вашингтона на самом деле она не имеет приоритетного значения для американских властей. Нарастающий внутренний кризис и участие в украинском конфликте мешают США полноценно взаимодействовать с Африканским континентом. Саммит 2022 года стал демонстрацией недостатков взаимодействия США с этим регионом ввиду поднятых в его рамках нерешенных проблем в сфере торговли и безопасности. Незаинтересованность африканских стран в поддержке антироссийской позиции Вашингтона также стала показателем дистанцирования во взаимоотношениях между сторонами [7].

Второй саммит России с Африкой в Санкт-Петербурге в 2023 году, в отличие от американского, наоборот, стал шагом вперед. Как отмечает директор института Африки РАН И. О. Абрамова, второй российско-африканский форум имел более прикладной характер, чем первый. Африка всё более становится активным самостоятельным игроком на международной арене. И африканские лидеры заинтересованы в поиске экономически развитого партнера, способного повысить технологический уровень африканского производства [1].

Одной из ключевых тем саммита стало участие России в качестве партнера для перехода африканских стран к высокотехнологичной экономике. В отличие от американского саммита Россия предлагала не только продукты своей деятельности, но и трансфер технологий. Такое научно-технологическое сотрудничество способно реально уменьшить отсталость Африки от экономического уровня других регионов мира. Помимо технологий, обсуждался большой пласт проблем, актуальных для Африки: от поставки удобрений до цифровизации общественной жизни [2].

По результатам второго российско-африканского саммита была принята итоговая декларация, в которой была указана очередность проведения саммитов: раз в три года. Также были определены приоритеты дальнейшего сотрудничества России с африканскими странами на долговременной основе¹⁵.

Для проведения анализа саммитов России и США с Африканским континентом нужно обозначить количественные данные для их последующей качественной интерпретации путем авторской интерпретации (Приложение 1).

У российских и американских саммитов с африканскими лидерами есть общая черта: их проведение на территории страны-организатора встречи такого формата. Однако есть и отличия. Так, если американская сторона проводила все саммиты в столице страны — в городе Вашингтоне, то российская стремилась уйти от подобной практики. В 2019 году местом проведения стал город Сочи, а в 2023 году — Санкт-Петербург.

Россия и США после своих первых саммитов сохранили количество дней их проведения. Однако США в 2014 и в 2022 годах проводили саммиты три дня, а Россия оба раза по два дня. Здесь можно проследить, как складываются определенные традиции проведения саммитов.

¹⁴ U.S. – Africa Leaders Summit–United States Department of State. The United States Government. – URL: <https://www.state.gov/africasummit/> (дата обращения: 25.01.2025).

¹⁵ Декларация первого саммита Россия – Африка. Сочи, 24 октября 2019 г. Росконгресс. URL: <https://roscongress.org/news/deklaratsij-a-pervogo-sammita-rossij-i-afrika/> (дата обращения: 25.01.2025).

США стремятся не приглашать лидеров всех африканских стран на межгосударственные форумы. Данный шаг мотивируется потребностью в общении только с лидерами «с хорошей репутацией». Однако США приглашали на свои саммиты африканских лидеров, которые находятся у власти многие десятилетия, а их режим правления не характеризуется как демократический. Официальный Вашингтон поступил своим декларируемыми демократическими принципами из-за острой конкуренции с Китаем. О желании конкурировать с Китаем посредством собственных саммитов говорили американские официальные власти¹⁶, а также политические аналитики¹⁷ еще в канун первого саммита США 2014 года.

Привлекательные стороны саммитов США с Африкой:

- сильная американская экономика, способствующая выделению больших инвестиций;
- актуальный опыт работы с Африканским континентом в военной и финансовой сферах сотрудничества;
- развитая система американской публичной дипломатии.

Президент России В. Путин накануне проведения первого саммита «Россия – Африка» в 2019 году подчеркнул, что «к конкуренции за сотрудничество с Африкой» российские власти готовы¹⁸. Можно утверждать, что Россия также рассматривала проведение саммита такого рода как инструмент борьбы за влияние на Африканском континенте. Представленность всех стран Африки в качестве участников и присутствие большого числа национальных лидеров показывает успех первого саммита. Во многом этот успех был поддержан благодаря чувству новизны, потому что ранее Россия не организовывала такие масштабные саммиты с африканскими странами.

В 2023 году уменьшилось число стран-участниц, а также резко сократилось количество лидеров, приехавших на саммит. Причины кроются в негативном информационном фоне вокруг нашей страны, созданном западными СМИ, которые доминируют в африканской информационной повестке. Также немаловажной причиной является pragmatичность африканских властей, которые стремятся участвовать в мероприятиях, способных существенно улучшить экономическое положение их стран. И наконец — избыток предложения со стороны других держав в подобных саммитах, с которыми России не просто конкурировать.

Тем не менее у ряда африканских лидеров есть заинтересованность в совместных саммитах с Россией ввиду следующих факторов:

- исторически позитивное восприятие России, связанное с советской гуманитарной дипломатией;
- современный имидж России как ключевого центра борьбы с Западом и неоколониализмом;
- стремление к формальному и неформальному военному сотрудничеству с Россией для обеспечения государственной безопасности и личной безопасности национальных лидеров Африки;
- обладание Россией уникальными технологиями;
- ослабление позиций бывших метрополий в Африке.

К ситуативным моментам привлечения африканских лидеров можно отнести тот факт, что в 2014 году пост президента США занимал представитель афроамериканского сооб-

¹⁶ LiveAtState: U.S. Commitment to sub-Saharan Africa. The United States Government. – URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/ime/226092.htm> (дата обращения: 25.01.2025).

¹⁷ The next great disruption. The Economist. July 31, 2014. – URL: <https://www.economist.com/united-states/2014/07/31/the-next-great-disruption> (дата обращения: 25.01.2025).

¹⁸ Интервью информационному агентству ТАСС. Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements%20/61858> (дата обращения: 25.01.2025).

щества. В 2023 году таким фактором, только уже по отношению к российскому саммиту, послужил вопрос зерновой сделки, беспокоивший африканских лидеров ввиду сложной социально-экономической ситуации внутри региона.

Президент России посчитал важным на протяжении обоих саммитов провести личные двухсторонние встречи с некоторыми из приехавших лидеров. Американская сторона практикует только совместное общение со всеми президентами в рамках групповой встречи.

Стоит заметить, что численное и процентное соотношение встреч возросло на последнем саммите «Россия – Африка». Очевидной причиной объяснения процентного роста является сокращение числа представителей на высшем уровне. Но в количественном выражении такие цифры скорее объясняются личным стремлением президента России почтить уважением приехавших на саммит африканских лидеров.

Американские власти не склоняются на большие инвестиции в Африку. Главной причиной такого подхода является стремление конкурировать на равных с китайскими инвестициями в развитие экономики Африканского континента. Также американскую сторону отличает последовательность в проведении линии, направленной на укрепление их позиций. США не оставляют саммиты как прошедшее событие, а продолжают инвестировать и организовывать смежные мероприятия в течение следующих лет.

Перспективы продолжения саммитов России с Африкой можно охарактеризовать как уверенные. По итогам саммита «Россия – Африка» было намечено проведение таких мероприятий раз в три года. Площадками для встреч должны стать и африканские страны. Такой формат проведения встреч ранее практиковал Китай. Возможно, Россия решила улучшить характер своих межгосударственных саммитов с Африкой посредством заимствования одной из самых успешных мировых практик в проведении таких встреч.

Что касается американской стороны, то, несмотря на декларирование продолжения таких встреч, перспективы видятся туманными. Возможность продолжения заключена в политике главы администрации Белого дома. Так, Д. Трамп стремился сократить форматы взаимодействия с Африкой, потому что считал регион неперспективным¹⁹. Администрация Дж. Байдена решила обратиться к практике времен президентства Б. Обамы. В то же время американскую сторону отличает большая последовательность в работе после саммита: продолжение инвестиционной активности, проведение различных бизнесфорумов в течение следующих месяцев, а также открытое информирование об итогах деятельности межгосударственного саммита.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно утверждать, что мировые державы заинтересованы в такой форме взаимодействия с Африкой, как межгосударственные саммиты, стремясь укрепить собственные позиции в регионе и на мировой арене. Африканские лидеры посредством саммитов ищут новые возможности для самопрезентации государства и получения за счет этого дополнительных экономических выгод.

В сравнительной парадигме американские саммиты выглядят более масштабными ввиду большего количества участников и согласованных инвестиций. Также американские саммиты можно охарактеризовать как более проработанные в плане направленности проведения и их дальнейшего развития. В то же время российские саммиты выделяются

¹⁹ Will next week's US – Africa summit revive relations? Institute for Security Studies. December 12, 2022. – URL: <https://issafrica.org/iss-today/will-next-weeks-us-africa-summit-revive-relations> (дата обращения: 25.01.2025).

благодаря перспективе выхода их проведения на Африканский континент и двухстороннему общению между президентами.

Итоги саммитов у американской стороны в численном выражении более внушительны. Помимо этого, были определены шаги по дальнейшему развитию американской представленности на континенте по итогам межгосударственных саммитов.

Перспективы продолжения саммитов России и США с Африкой представляются перспективными, хотя и несколько туманными. Их потенциал во многом зависит от заинтересованности России и США для продолжения развития такого формата сотрудничества. Тем не менее российские саммиты могут перейти в полноценное многостороннее взаимодействие с формированием определенной организационной структуры.

Тем самым можно охарактеризовать межгосударственные саммиты как важный дипломатический инструмент России и США во взаимоотношениях со странами Африки. Определенные отличительные черты каждого из саммитов вытекают из обозначенной выше государственной и временной специфики.

Литература:

1. Абрамова, И. О. Второй саммит Россия – Африка: от наследия колониализма к суверенитету и развитию / И. О. Абрамова // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 12. – С. 35–48.
2. Абрамова, И. О. Достоинство — ключевое слово на Втором саммите Россия – Африка / И. О. Абрамова // Международная жизнь. – 2023. – № 8. – С. 12–17.
3. Абрамова, И. О. Новая стратегия России на африканском направлении / И. О. Абрамова, Л. Л. Фитуни // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 12. – С. 90–100.
4. Бортников, Н. С. Минеральные ресурсы высокотехнологичных металлов в России: состояние и перспективы развития / Н. С. Бортников, А. В. Волков, А. Л. Галямов [и др.] // Геология рудных месторождений. – 2016. – № 2 (58). – С. 97–119.
5. Кортунов, А. В. Африка и др. Россия+: достижения, проблемы, перспективы: Доклад № 53/2020 / А. В. Кортунов, Н. Г. Цейзер, Е. В. Харитонова [и др.]. – М.: Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам», 2020. – 60 с.
6. Маслов, А. А. Возвращение в Африку: как сделать его российским приоритетом / А. А. Маслов, Д. В. Суслов // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20. № 1. – С. 130–148.
7. Пархоменко, В. К. Второй саммит лидеров США – Африка / В. К. Пархоменко // Россия и Америка в XXI веке. – 2023. – № 6. – URL: <https://rusus.jes.su/s207054760029543-4-1/>
8. Татаринцев, В. М. Экономическая политика США в Африке: замыслы и реалии / В. М. Татаринцев // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2016. – № 4 (10). – С. 131–139.
9. Урнов, А. Ю. Саммит США – Африка. Часть 1 / А. Ю. Урнов // Азия и Африка сегодня. – 2015. – № 1 (690). – С. 2–7.
10. Урнов, А. Ю. Саммит США – Африка. Окончание / А. Ю. Урнов // Азия и Африка сегодня. – 2015. – № 21 (691). – С. 3–8.

References:

1. Abramova I. O. (2023) The Second Russia-Africa Summit: from the Legacy of Colonialism to Sovereignty and Development // World Economy and International Relations. – Vol. 67, No. 12. – Pp. 35–48. [In Russ.]

2. Abramova I. O. (2023) Dignity is the key word at the Second Russia-Africa Summit // International Life. – No. 8. – Pp. 12–17. [In Russ.]
3. Abramova I. O., Fituni L. L. (2019) Russia's New strategy in the African direction // World Economy and International Relations. – Vol. 63, No. 12. – Pp. 90–100. [In Russ.]
4. Bortnikov N. S., Volkov A. V., Galyamov A. L. [and others] (2016) Mineral resources of high-tech metals in Russia: the state and prospects of development. Geology of Ore Deposits. – No. 2 (58). – Pp. 97–119. [In Russ.]
5. Kortunov A. V., Zeizer N. G., Kharitonova E. V. [and others] (2020) Africa and others. Russia+: achievements, problems, prospects: Report No. 53/2020. – Moscow: Russian Council for International Affairs Non-Profit Partnership. – 60 p. [In Russ.]
6. Maslov A. A., Suslov D. V. (2022) Return to Africa: how to make it a Russian priority // Russia in global Politics. – Vol. 20, No. 1. – Pp. 130–148. [In Russ.]
7. Parkhomenko V. K. (2023) The second summit of the leaders of the USA-Africa // Russia and America in the XXI century. – No. 6. – URL: <https://rusus.jes.su/s207054760029543-4-1/> [In Russ.]
8. Tatarintsev V. M. (2016) The economic policy of the United States in Africa: ideas and realities // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World. – No. 4 (10). – Pp. 131–139. [In Russ.]
9. Urnov A. Y. (2015) The USA-Africa Summit. Part 1 // Asia and Africa Today. – No. 1 (690). – Pp. 2–7. [In Russ.]
10. Urnov A. Y. (2015) The USA-Africa Summit. The end // Asia and Africa Today. – No. 2 (691). – Pp. 3–8. [In Russ.].

Приложение

**Сравнительный анализ межгосударственных саммитов России и США
с африканскими странами**

Критерии для сравнения	Россия – Африка 2019	Россия – Африка 2023	США – Африка 2014	США – Африка 2022
Количество стран-участников	54	48	50	49
Процентное соотношение стран-участниц с общим числом стран на Африканском континенте	100 %	89 %	93 %	91 %
Количество африканских стран, представленных на первом и на втором уровнях власти	45	27	48	45
Процентное соотношение стран, представленных на высшем уровне, с общим числом участников форума	94 %	56 %	96 %	94 %
Количество двухсторонних встреч лидеров государств на высшем уровне	16	17	0	0
Процентное соотношение африканских лидеров, с которыми были проведены переговоры, от общего числа лидеров	36 %	63 %	0 %	0 %
Число заключенных соглашений в рамках саммитов	92	146	Не было указано	Не было указано
Сумма контрактов, заключенных в рамках саммитов	15,5 млрд долл. (1 трлн руб.)	Не разглашается	33 млрд долл.	Более 15 млрд долл.
Сумма обещанных инвестиций со стороны страны-организатора	Не были обещаны	Не были обещаны	20 млрд долл.	55 млрд долл.

*Составлено автором по данным Администрации президента РФ²⁰,
Росконгресса²¹ и Белого дома США²².*

Для цитирования / For citation:

Каминский М. А. Сравнительный анализ межгосударственных саммитов как дипломатического инструмента России и США во взаимоотношениях с африканскими лидерами // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2025. – Т. 11. – № 1 (29). – С. 31–42.

²⁰ Саммит Россия – Африка. Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71826> (дата обращения: 25.01.2025).

²¹ Россия – Африка. Росконгресс. – URL: <https://summitafrica.ru/about-summit/> (дата обращения: 25.01.2025).

²² Background Press Call on the U.S.-Africa Leaders Summit. The White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2022/12/08/background-press-call-on-the-u-s-africa-leaders-summit/> (дата обращения: 25.01.2025).

Влияние миграционных процессов на социально-экономический потенциал субъектов Российской Федерации, входящих в состав Северо-Западного федерального округа

Крылов Николай Сергеевич, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, факультет государственного и муниципального управления (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

студент 4-го курса бакалавриата;

e-mail: nikkrylov2003@gmail.com

ORCID: 0009-0000-5185-2885.

Гуров Максим Сергеевич, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, факультет государственного и муниципального управления (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

студент 4-го курса бакалавриата;

e-mail: gurov.004@gmail.com

ORCID: 0009-0006-7517-1893.

Научный руководитель:

Антончева Ольга Алексеевна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; кафедра государственного и муниципального управления (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

доцент кафедры, кандидат политических наук, доцент;

e-mail: antoncheva-oa@ranepa.ru

Аннотация

Введение. В работе освещена проблема диспропорции в миграционных процессах внутри РФ на примере Северо-Западного федерального округа (далее — СЗФО). Цель: определение динамики миграционного прироста в СЗФО и ее влияния на потенциал социально-экономического развития субъектов РФ, входящих в данный федеральный округ.

Методы: анализ официальных статистических данных; моделирование потерь экономик СЗФО от миграционной убыли в этих субъектах РФ за рассматриваемый период. **Результаты:** отмечено, что в 6 из 11 субъектов РФ, входящих в СЗФО, была миграционная убыль за период с 2019 по 2023 год, при этом основная доля мигрантов приходится на население в трудоспособном возрасте, а также население моложе трудоспособного возраста; смоделировано влияние миграционной убыли во входящих в состав СЗФО субъектах РФ на их социально-экономический потенциал в разрезе снижения налоговых поступлений в бюджет от доходов физических лиц в связи с миграционной убылью трудоспособного населения за период с 2019 по 2023 год, а также сделан прогноз на период с 2024 по 2026 год.

Выводы: за период с 2019 по 2023 год в большинстве субъектов РФ, входящих в состав СЗФО (6 из 11), наблюдалась миграционная убыль; вместе с тем существует тенденция к сокращению темпов миграционной убыли. В качестве рекомендаций предложено

улучшить методику статистического учета миграции, сделав более детализированной возрастную структуру мигрирующего населения для повышения эффективности программ привлечения рабочей силы в субъекты РФ, а также рассмотреть возможность развития сети малых городов в СЗФО в качестве меры противодействия односторонней, центростремительной миграции в федеральном округе.

Ключевые слова: миграция, миграционный прирост, социально-экономический потенциал, социально-экономическое развитие, Северо-Западный федеральный округ, СЗФО, трудоспособное население, диспропорция миграционных потоков.

The Influence of Migration Processes on the Socio-economic Potential of the Subjects of the Russian Federation, which are Part of the North-Western Federal District

Nikolay S. Krylov, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Faculty of State and Municipal Administration (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student;

e-mail: nikkrylov2003@gmail.com

ORCID: 0009-0000-5185-2885.

Maxim S. Gurov, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Faculty of State and Municipal Administration (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student;

e-mail: gurov.004@gmail.com

ORCID: 0009-0006-7517-1893.

Academic Supervisor:

Olga A. Antoncheva, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Department of State and Municipal Administration (Saint Petersburg, Russian Federation)

Associate Professor of the Department, PhD of Political Sciences, Associate Professor;

e-mail: antoncheva-oa@ranepa.ru

Abstract

Introduction: The paper highlights the problem of disproportionality in migration processes within the Russian Federation on the example of the North-West Federal District (NWFD). **Objective:** to determine the dynamics of migration growth in the NWFD regions and its impact on the potential of socio-economic development of the regions of this federal district.

Methods: the analysis of official statistical data; modelling of losses of the NWFD regions' economies from migration loss in these regions during the period under consideration.

Results: It has been pointed out that 6 of 11 constituent entities of the Russian Federation included in the NWFD experienced migration loss during the period from 2019 to 2023, with the main share of migrants falling on the population of working age, as well as the population younger than working age; the impact of migration loss in the constituent entities of the Russian Federation included in the NWFD on their socio-economic potential was modelled in terms of the decrease in tax revenues from personal income due to migration loss of working-age population in the budgets during the period from 2019 to 2023, as well as the forecast for the first half of the year.

Conclusions: between 2019 and 2023 in the majority of constituent entities of the Russian Federation that are part of the NWFD (6 out of 11) there was migration attrition; at the same time, there is a tendency to reduce the rate of migration attrition.

As a recommendation, the author suggests improving the methodology of statistical accounting of migration, elaborating a more detailed age structure of the migrating population to improve the effectiveness of the programs to attract labor force to the region, as well as to consider the possibility of developing a network of small towns in the NWFD regions as a measure to counteract unidirectional, centripetal migration in the federal district.

Keywords: migration, migration growth, socio-economic potential, socio-economic development, Northwestern Federal District, able-bodied population, disproportion of migration flows.

Введение. В современной России миграция населения — одна из актуальных и острых тем. Само явление вполне естественно, и, в сравнении с мировыми темпами, миграция в России не столь интенсивна. Однако в условиях низкой рождаемости неравномерный характер миграционных процессов — серьезный вызов для системы стратегического планирования в России. В исследованиях миграции в России выделяются такие тенденции, как «Западный дрейф» [1] и рост крупных агломераций в РФ за счет миграционного прироста, а не естественного [6, 11, 13].

Ученые называют различные факторы, приведшие к одностороннему и центро斯特ремительному характеру миграции в России: концентрация финансовых ресурсов, необходимых для реализации государственных программ, в крупных агломерациях и региональных центрах [6, 7]; ограничение практики распределения выпускников учебных заведений и отказ от политики экономического стимулирования переезда граждан в слабо освоенные отдаленные регионы страны [7, 11]; диспропорция в количестве учебных заведений (особенно престижных) в различных регионах, что ведет к оттоку молодежи из большинства субъектов РФ [3, 10, 13].

Необходимость грамотной миграционной политики обусловлена требованием обеспечить сбалансированное развитие всех субъектов РФ. По мере сокращения численности населения и демографического потенциала России растет роль внутренней миграции с точки зрения расселения экономически активного населения по территории региона (страны в целом) для более эффективного освоения имеющихся ресурсов [3, 11].

В государственной миграционной политике основное внимание уделено внешней, а не внутренней миграции, а в рамках реализации национального проекта «Демография»¹ и схожих с ним по целям программ упор делается на стимулирование естественного прироста населения, хотя эффект от миграционного прироста можно получить значительно быстрее в сравнении с естественным приростом [11]. Однако в области миграционной политики, как на федеральном, так и на уровне субъектов РФ, наблюдается недостаточная проработка перечня мер стимулирования переезда населения в тот или иной субъект РФ.

Наибольшую долю в суммарном ВРП (валовый региональный продукт) субъектов РФ, входящих в состав Северо-Западного федерального округа (далее — СЗФО), составляет обрабатывающая промышленность. Однако в СЗФО имеется собственная сырьевая база [2, 4, 11], а в субъектах РФ из числа его регионов, относящихся к Арктической зоне РФ, добывающая промышленность и вовсе доминирует среди отраслей экономики. С другой

¹ Национальный проект «Демография». – Текст: электронный // Портал «Национальные проекты России»: [сайт] – URL: <https://национальныепроекты.рф/about/> (дата обращения: 22.01.2025).

стороны, климатические условия в ряде субъектов РФ, входящих в СЗФО, неблагоприятны [11], что требует значительных расходов на инфраструктуру. При этом в последние годы в субъектах РФ, входящих в СЗФО, наблюдалось снижение инвестиционной активности [2], а для некоторых регионов среди инвестиций значительная роль отводится инвестициям бюджетным [5].

Наиболее привлекательны в СЗФО Санкт-Петербург и прилегающие к нему территории Ленинградской области, где проживает множество мигрантов, работающих в Петербурге, из других субъектов РФ. Объясняется это тем, что Санкт-Петербург как самостоятельный субъект РФ располагает большими бюджетными правами и финансовыми ресурсами по сравнению с региональными центрами других субъектов РФ, входящих в состав СЗФО [5].

Говоря о перспективах развития субъектов РФ в составе СЗФО, исследователи отмечают утрату человеческого капитала (особенно перспективной молодежи), что затрудняет развитие экономики регионов [5], а также высокий риск спада производства [4], дальнейшего роста напряженности на рынке труда и оттока населения в Санкт-Петербургскую агломерацию с более диверсифицированной экономикой, способной адаптироваться к внешним шокам [8]. При этом Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области при сохранении тенденций в миграционных процессах и государственной миграционной политике, вероятно, сохранят свою привлекательность для мигрирующего населения, следствием чего станет сильная дифференциация субъектов РФ, входящих в СЗФО, [8] в социальном и экономическом измерениях.

Методология исследования. Центральным в исследовании стало понятие миграции, которая в данном случае трактовалась авторами как перемещение людей из одного региона в другой на длительный период или навсегда. В рамках исследования были проведены анализ документов для выявления актуальных проблем в области миграционных потоков в России и анализ статистических данных для получения информации о численности мигрирующего и трудоспособного населения субъектов РФ, входящих в СЗФО, за 2019–2023 гг. (на момент написания статьи данные за 2024 год не были представлены). Поскольку масштаб предмета изучения достаточно велик, метод анализа статистических данных оказался более подходящим для целей исследования, нежели опросный метод.

Целью исследования было определение динамики миграционного прироста в субъектах РФ, входящих в СЗФО, и ее влияния на потенциал социально-экономического развития субъектов СЗФО. Для этого были выделены следующие ключевые характеристики предмета исследования:

- численность населения, мигрировавшего из субъектов РФ, входящих в СЗФО, в другие субъекты Российской Федерации;
- возраст населения, мигрировавшего из СЗФО;
- численность трудоспособного населения — важной составляющей социально-экономического потенциала, на которую миграция населения оказывает непосредственное влияние;
- средняя зарплата — для приблизительной оценки потерь экономик регионов СЗФО (выраженной в денежном отношении) от миграционной убыли населения (при наличии таковой);
- уровень занятости в каждом субъекте РФ, входящем в СЗФО, в 2019–2023 гг.;
- темпы миграционного прироста в субъектах СЗФО относительно численности населения в этих регионах (в %);
- темпы миграционного прироста населения по возрастным категориям.

Результаты исследования. Расчет темпов миграционного прироста в отношении к численности населения в этих регионах был необходим для определения регионов с мигра-

ционной убылью и корректного сравнения регионов между собой в силу большой разницы в численности населения в каждом из субъектов РФ, входящих в СЗФО.

В 6 из 11 регионов СЗФО за период с 2019 по 2023 год наблюдается миграционная убыль (рис. 1). Сама ситуация — закономерное следствие слабой диверсификации экономики большинства субъектов СЗФО, высокой привлекательности Санкт-Петербурга, которая также сказывается на высоких темпах миграционного прироста и в Ленинградской области. (Фактически же прирост происходит на прилегающих к Петербургу территориях.) При этом можно отметить тенденцию сокращения темпов миграционной убыли в субъектах РФ, входящих в СЗФО.

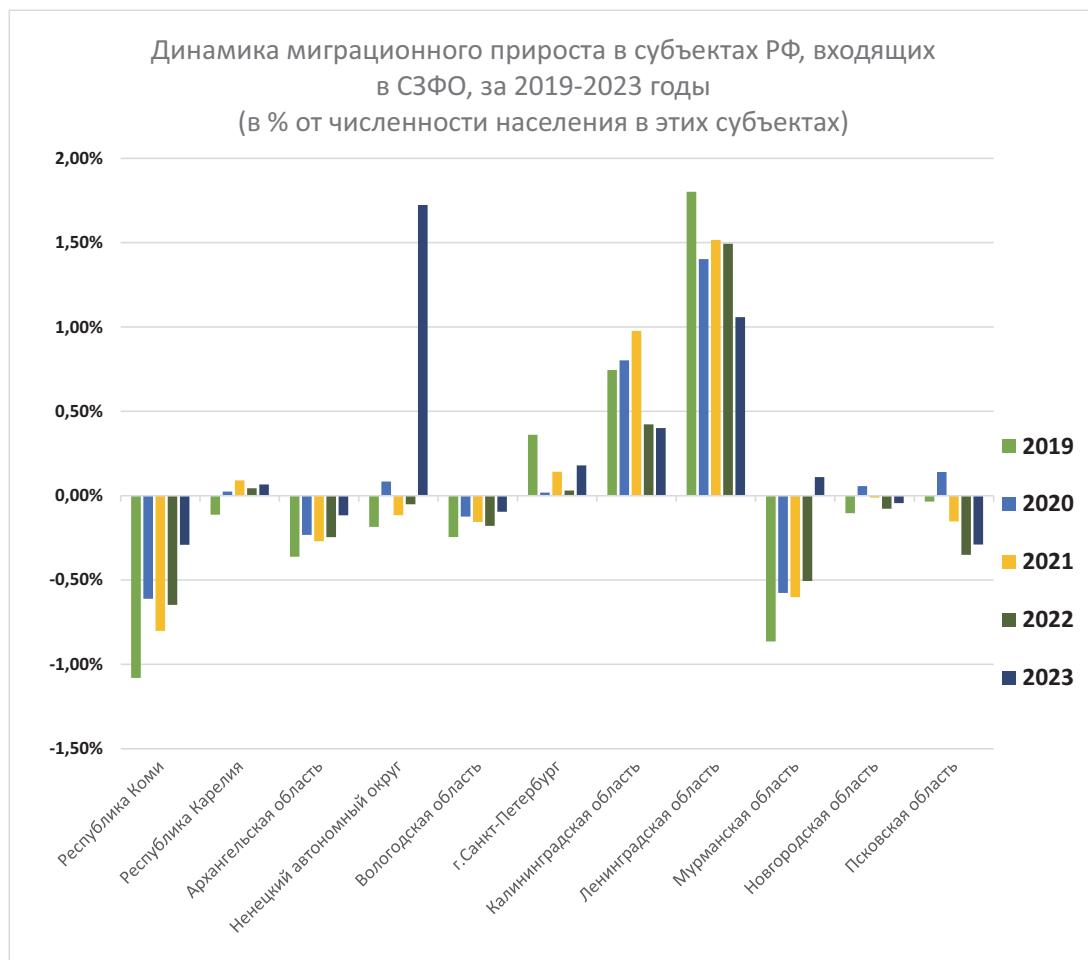

Рис. 1. Динамика миграционного прироста в субъектах РФ, входящих в СЗФО, за 2019–2023 гг., в % от численности населения

Figure 1: Dynamics of migration growth in the regions of the Northwestern Federal District in 2019-2023, as a percentage of the total population

(Источник: разработано и составлено авторами на основе официальных статистических данных²)

Исследование динамики миграционного прироста населения в субъектах РФ, входящих в СЗФО, с учетом возрастных категорий, необходимо было для определения того, привлекателен ли регион для молодежи, населения трудоспособного возраста и пенсионеров, или же по одной (нескольким) из этих категорий наблюдается миграционная убыль населения в данном субъекте РФ.

² Численность и миграция населения Российской Федерации // Информационно-аналитические материалы // Федеральная служба государственной статистики: [сайт] – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 20.12.2024).

При определении возрастной структуры мигрировавшего из субъектов РФ, входящих в СЗФО, населения из официальной статистики можно было получить точные данные только по трем крупным категориям: «моложе трудоспособного возраста», «в трудоспособном возрасте» и «старше трудоспособного возраста». Такая классификация позволила лишь в целом определить, что основная доля мигрантов из субъектов РФ, входящих в СЗФО, приходится на население в трудоспособном возрасте (от 40 до 70 % в зависимости от региона), а также население моложе трудоспособного возраста. Более того, в некоторых регионах на фоне общей миграционной убыли наблюдался миграционный прирост населения старше трудоспособного возраста: например, в Новгородской области (табл. 1).

Таблица 1

Миграционный прирост населения в субъектах РФ, входящих в СЗФО, за 2019–2023 гг., по возрастным категориям, в отношении к численности соответствующей категории населения в субъектах РФ, входящих в СЗФО, в эти годы³

Table 1

Migration growth in the regions of the North-Western Federal District in 2019-2023, by age category, in relation to the number of the corresponding population category

Субъект РФ, входящий в СЗФО	Категория	2019	2020	2021	2022	2023
Карелия	моложе трудоспособного	-0,08%	0,07%	0,06%	0,08%	0,16%
	в трудоспособном	-0,17%	0,04%	0,14%	0,03%	0,05%
	старше трудоспособного	-0,03%	-0,04%	0,01%	0,06%	0,05%
Коми	моложе трудоспособного	-0,85%	-0,50%	-0,69%	-0,53%	-0,18%
	в трудоспособном	-1,21%	-0,64%	-0,90%	-0,75%	-0,30%
	старше трудоспособного	-0,97%	-0,64%	-0,66%	-0,48%	-0,36%
Архангельская об- ласть	моложе трудоспособного	-0,43%	-0,29%	-0,29%	-0,16%	-0,09%
	в трудоспособном	-0,36%	-0,20%	-0,26%	-0,31%	-0,11%
	старше трудоспособного	-0,32%	-0,25%	-0,27%	-0,18%	-0,16%
НАО	моложе трудоспособного	-0,10%	-0,01%	-0,53%	-0,04%	0,44%
	в трудоспособном	0,03%	0,07%	0,03%	-0,17%	2,63%
	старше трудоспособного	-0,41%	0,42%	-0,24%	0,05%	0,00%
Вологодская область	моложе трудоспособного	-0,22%	-0,16%	-0,18%	-0,20%	-0,16%
	в трудоспособном	-0,37%	-0,15%	-0,20%	-0,23%	-0,10%
	старше трудоспособного	-0,01%	-0,04%	-0,05%	-0,05%	-0,03%
Калининградская область	моложе трудоспособного	0,79%	0,80%	1,01%	0,33%	0,31%
	трудоспособном	0,82%	0,89%	1,09%	0,44%	0,44%
	старше трудоспособного	0,54%	0,60%	0,70%	0,44%	0,38%
Ленинградская об- ласть	моложе трудоспособного	2,81%	2,39%	3,15%	2,86%	1,76%
	в трудоспособном	2,17%	1,62%	1,56%	1,54%	1,13%
	старше трудоспособного	0,51%	0,40%	0,57%	0,62%	0,50%
Мурманская область	моложе трудоспособного	-0,50%	-0,46%	-0,58%	-0,32%	-0,09%
	в трудоспособном	-0,76%	-0,44%	-0,44%	-0,44%	0,43%
	старше трудоспособного	-1,43%	-1,05%	-1,04%	-0,85%	-0,60%
Новгородская область	моложе трудоспособного	-0,11%	0,03%	-0,05%	-0,08%	-0,08%
	в трудоспособном	-0,18%	0,02%	-0,08%	-0,14%	-0,07%
	старше трудоспособного	0,02%	0,15%	0,14%	0,04%	0,03%
Псковская область	моложе трудоспособного	-0,08%	0,11%	-0,20%	-0,26%	-0,30%
	в трудоспособном	-0,12%	0,17%	-0,16%	-0,46%	-0,33%
	старше трудоспособного	0,14%	0,10%	-0,12%	-0,19%	-0,21%

³ Численность и миграция населения Российской Федерации // Информационно-аналитические материалы // Федеральная служба государственной статистики: [сайт] – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 20.12.2024).

Окончание табл. 1

Субъект РФ, входящий в СЗФО	Категория	2019	2020	2021	2022	2023
Санкт-Петербург	моложе трудоспособного	0,05%	-0,10%	-0,36%	-0,40%	-0,08%
	в трудоспособном	0,46%	-0,04%	0,22%	0,07%	0,20%
	старше трудоспособного	0,31%	0,22%	0,26%	0,19%	0,29%

(Источник: разработано и составлено авторами на основе официальных статистических данных)

Влияние миграционной убыли на социально-экономический потенциал региона было проанализировано с точки зрения объема средств, который не поступает в региональные и местные бюджеты как доход бюджета от уплаты НДФЛ (налог на доходы физических лиц) в связи с миграционной убылью населения в трудоспособном возрасте. (Хотя НДФЛ является федеральным налогом, 85 % от уплаченной суммы направляется в региональный бюджет, а остальные 15 % — в местные бюджеты.) Эти потери в налоговых доходах бюджетов субъектов РФ, входящих в СЗФО, сказываются на реализации государственных и муниципальных программ, финансируемых из региональных и местных бюджетов, что, в свою очередь, влияет на социально-экономическое развитие этих территорий.

Таблица 2

Примерные потери бюджетов регионов СЗФО в связи с миграционной убылью трудоспособного населения в другие регионы РФ

Table 2

Approximate budget losses of the North-Western Federal District regions due to the migration of the able-bodied population to other regions of the Russian Federation

Субъект РФ, входящий в СЗФО, с миграционной убылью	Величина миграционной убыли (2019–2023 гг.), чел.	Диапазон типовых зарплат в регионе СЗФО, тыс. руб.					Примерные потери субъектов РФ, входящих в СЗФО в связи с не поступившими из-за миграционной убыли в бюджет доходами от уплаты НДФЛ, тыс. руб.
		2019	2020	2021	2022	2023	
Архангельская область	7071	24–55	26–59	26–58	29–65	34–74	277 007,6–623 324,7
Вологодская область	6632	19–45	22–49	22–47	25–54	29–61	220 600,2–489 980,4
Мурманская область	6746	26–65	32–70	34–75	39–85	46–108	275 705,1–442 364,6
Новгородская область	1405	17–38	20–40	18–37	22–46	26–55	42 378,3–168 296,8
Псковская область	2930	14–32	17–35	17–35	19–39	22–45	85 547,9–210 266,1
Республика Коми	16 407	24–62	28–67	27–62	30–68	35–80	653 856,1–1 561 200,1

(Источник: разработано и составлено авторами на основе открытых статистических данных^{4,5})

При расчете потерь бюджетов суммировались результаты пяти лет (с 2019 по 2023 год) и были рассчитаны по формуле:

⁴ Численность и миграция населения Российской Федерации // Информационно-аналитические материалы // Федеральная служба государственной статистики: [сайт] – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 04.12.2024).

⁵ Рейтинг регионов по зарплатам // Инфографика // РИА Рейтинг: [сайт] – URL: <https://riarating.ru/infografika/20220822/630227487.html> (дата обращения: 04.12.2024).

$$ПБ = У \times НДФЛ \times Зн \times Зп \times 12,$$

где $ПБ$ – потери бюджета региона СЗФО,
 $У$ – величина миграционной убыли,
 $НДФЛ$ – величина ставки НДФЛ,
 $Зн$ – численность занятых,
 $Зп$ – средний уровень зарплат в регионе,
 12 – количество месяцев.

Кроме того, были спрогнозированы потери бюджетов субъектов РФ, входящих в СЗФО, в связи с миграционной убылью трудоспособного населения в другие регионы РФ на 2024–2026 гг.

Таблица 3

Сценарии изменения величины миграционного прироста (миграционной убыли) трудоспособного населения в субъектах РФ, входящих в СЗФО, на период 2024–2026 гг.

Table 3

Scenarios of changes in the amount of migration growth (migration loss) of the able-bodied population in the regions of the North-Western Federal District in 2024–2026

Субъект РФ, входящий в СЗФО	Базовый вариант			Оптимистичный вариант			Пессимистичный вариант		
	2024	2025	2026	2024	2025	2026	2024	2025	2026
Архангельская область	-1414	-1278	-1299	-1329	-1105	-978	-1593	-1809	-2174
Вологодская область	-1039	-985	-952	-983	-926	-867	-1337	-1405	-1574
Калининградская область	2659	2572	2601	2984	3087	3139	2473	2298	2117
Ленинградская область	18652	17403	17171	19102	19643	20320	18271	17639	16424
Мурманская область	302	273	296	658	693	710	104	-83	-128
НАО	120	143	185	197	264	301	62	50	34
Новгородская область	-212	-279	-287	-175	-37	19	-297	-328	-429
Псковская область	-937	-849	-728	-692	-580	-501	-954	-1081	-1362
Республика Карелия	206	232	278	227	354	472	163	129	74
Республика Коми	-3281	-2875	-2891	-2740	-2231	-1826	-3348	-3659	-3941
СПб	5924	4103	5202	7235	7691	7994	3894	2632	1796

(Источник: разработано и составлено авторами)

Для этого были сделаны следующие допущения: среднемесячный уровень зарплат в рассматриваемых регионах и уровень занятости были рассчитаны методом скользящих средних на основе данных за 2019–2023 гг.; для третьей переменной в формуле — величины миграционной убыли — были сделаны три расчета, предполагающих три сценария изменения этой величины: базовый (сохранение темпов, экстраполяция тенденций, начавшейся за 2019–2023 гг.), оптимистичный и пессимистичный сценарий.

Таблица 4

Потери бюджетов субъектов РФ, входящих в СЗФО, в связи с миграционной убылью трудоспособного населения

Table 4

Budget losses in the Northwestern Federal District due to the migration decline of the labor-saving population

	Субъект РФ, входящий в СЗФО, с миграционной убылью	Величина миграционной убыли (2024–2026 гг.), чел.	Диапазон типовых зарплат в субъектах РФ, входящих в СЗФО, тыс. руб.			Примерные потери субъектов РФ, входящих в СЗФО в связи с не поступившими из-за миграционной убыли в бюджет доходами от уплаты НДФЛ, тыс. руб.
			2024	2025	2026	
Базовый сценарий	Архангельская область	3991	34,7–75,4	37,6–80,9	40,9–87,5	222 064,8–478 643,1
	Вологодская область	2976	30,3–62,3	32,7–66,8	35,8–72,6	148 792,3–303 651,0
	Новгородская область	778	26,6–55,2	28,9–61,1	32,2–68,1	35 526,2–74 838,7
	Псковская область	2514	23,2–46,2	24,9–49,8	27,2–54	96 293,0–191 936,0
	Республика Коми	9047	36–78,9	38,4–83,7	41,9–90,8	523 977,1–1 141 889,4
Оптимистичный сценарий	Архангельская область	3412	34,7–75,4	37,6–80,9	40,9–87,5	188 601,4–406 743,2
	Вологодская область	2776	30,3–62,3	32,7–66,8	35,8–72,6	138 625,1–282 928,9
	Новгородская область	193	26,6–55,2	28,9–61,1	32,2–68,1	7764,7–16 144,6
	Псковская область	1773	23,2–46,2	24,9–49,8	27,2–54	67 765,1–135 068,3
	Республика Коми	6797	36–78,9	38,4–83,7	41,9–90,8	390 405,9–851 263,9
Пессимистичный сценарий	Архангельская область	5576	34,7–75,4	37,6–80,9	40,9–87,5	313 882,8–675 877,2
	Вологодская область	4316	30,3–62,3	32,7–66,8	35,8–72,6	217 507,1–443 607,0
	Мурманская область	107	49,5–110,9	54,2–124,2	59,8–137,9	11 073,7–25 948,1
	Новгородская область	1054	26,6–55,2	28,9–61,1	32,2–68,1	48 353,9–101 841,5
	Псковская область	3397	23,2–46,2	24,9–49,8	27,2–54	132 632,7–264 260,9
	Республика Коми	10948	36–78,9	38,4–83,7	41,9–90,8	639 449,9–1 392 779,9

(Источник: разработано и составлено авторами на основе открытых статистических данных^{6,7})

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ статистических данных позволил получить достаточно полную картину для изучения. За период с 2019 по 2023 год в большинстве субъектов РФ, входящих в СЗФО, (в 6 из 11) наблюдалась миграционная убыль.

⁶ Численность и миграция населения Российской Федерации // Информационно-аналитические материалы // Федеральная служба государственной статистики: [сайт] – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 04.12.2024).

⁷ Рейтинг регионов по зарплатам // Инфографика // РИА Рейтинг: [сайт] – URL: <https://riarating.ru/infografika/20220822/630227487.html> (дата обращения: 04.12.2024).

При этом основная доля мигрантов за последние пять лет из субъектов РФ, входящих в СЗФО, приходится на население в трудоспособном возрасте, а также на население моложе трудоспособного возраста.

Рекомендации. По результатам исследования можно сформулировать следующие рекомендации для органов государственной власти субъектов РФ, входящих в состав СЗФО, и территориальных подразделений Федеральной государственной службы статистики.

Перспективным вариантом решения проблемы оттока населения из регионов СЗФО является формирование на их территории сети малых городов. Основой для организации их строительства и развития должна стать та или иная возможная экономическая специализация соответствующего субъекта РФ, входящего в состав СЗФО⁸, например, новые промышленные предприятия в приоритетных отраслях экономики региона, новые месторождения полезных ископаемых (что актуально для Ненецкого автономного округа или Мурманской области), рекреационные зоны и привлекающие туристов объекты (активно используются в Карелии), транспортные узлы (в Архангельской области и НАО — как дополнительные порты на Северном морском пути; в Новгородской области — как транспортные узлы на путях, связывающих Петербург и Москву; в Псковской области — как субъект РФ, входящий в СЗФО, который граничит сразу с тремя государствами и может быть развит как ориентированный на внешнюю торговлю транспортный железнодорожный узел; в Вологодской области — как регион, выгодно расположенный для развития кольцевой структуры транспортной коммуникации в дополнение к ныне существующей радиальной структуре).

В данном случае могут быть использованы советский опыт освоения новых территорий посредством организации строительства новых городов, развития моногородов вокруг промышленных предприятий и канадская практика развития в новых малых городах не только ключевой для каждого из этих городов экономической отрасли (которой, чаще всего, изначально оказывается добывающая промышленность), но и других отраслей (образования, сферы услуг, предприятий обрабатывающей промышленности) для дальнейшего плавного структурного изменения экономики малых городов после исчерпания ресурсов градообразующего предприятия [12]. При этом канадское правительство активно поощряет развитие сельского хозяйства и предпринимательской активности, в том числе за счет финансовой поддержки в виде конкурсов на получение грантов и премий, что может позволить развивать малые города за счет стимулирования частной инициативы в условиях недостаточного опыта у местных властей по выполнению масштабных программ, а также нехватки бюджетных средств для реализации всех мероприятий [9].

Развитие такой сети малых городов в России способствовало бы лучшему освоению этих регионов, развитию коммуникаций внутри регионов и между ними, созданию новых рабочих мест и развитию строительной отрасли, сферы услуг и иных отраслей экономики, а также привлечению населения в эти регионы. Помимо этого, такой подход позволит в определенной мере справиться с вызовом в виде инфраструктурных ограничений федерального значения, в частности, транспортной инфраструктуры.

Для разработки более гибкого подхода к привлечению мигрантов в субъектах РФ, входящих в СЗФО, из других субъектов РФ предлагается улучшить статистический учет миграции: разделить категорию «в трудоспособном возрасте» на несколько возрастных категорий. Данная категория охватывает возраст от 16 до 59 и 64 лет у женщин и мужчин соответственно, при этом трудовой потенциал молодежи значительно выше, нежели у людей предпенсионного возраста. Кроме того, различные поколения отличаются в по-

⁸ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации 13.02.2019 № 207-р).

требностях, интересах и ценностных установках, что влияет как на поведение их на рынке труда, так и мотивы миграции. Для разработки и реализации грамотной миграционной политики необходимо учитывать и социально-психологический аспект, поэтому в статистическом учете категорию «в трудоспособном возрасте» можно разбить на несколько более мелких категорий, каждая из которых включала бы интервал в 10–15 лет.

Это даст возможность точнее учитывать структуру мигрирующего населения и, в зависимости от целей и задач социально-экономического развития того или иного субъекта РФ, определять перечень мер, принимаемых для привлечения трудоспособного населения. Вместе с учетом уровня образования мигрирующего населения и потребностей рынка труда в рамках конкретного субъекта улучшенная категоризация мигрирующего населения по возрасту будет давать органам государственной власти и службам занятости более точное представление не только о том, сколько трудовых ресурсов необходимо привлечь в течение планируемого периода, но и о том, какую именно рабочую силу нужно привлекать.

Литература:

1. *Будилов, А. П. Основные тренды внутренней миграции населения России / А. П. Будилов // Вопросы территориального развития. – 2019. – № 4. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28301> DOI: 10.15838/tdi.2019.4.49.5.*
2. *Волков, А. А. Анализ динамики социально-экономического развития регионов Северо-Западного федерального округа / А. А. Волков. – Текст: электронный // Общество, экономика, управление. – 2022. – № 4. – С. 5–12. – URL:<https://journals.csu.ru/index.php/management/article/view/1598/1305>*
3. *Воробьёва, О. Д. Исторические аспекты и современные особенности внутренней миграции населения в России / О. Д. Воробьёва, А. А. Субботин // Уровень жизни населения регионов России. – 2021. – Том 17, № 1. – С. 32–41.*
4. *Гагарина, Г. Ю. Региональный аспект анализа производительности труда как показателя эффективности экономики России / Г. Ю. Гагарина, Н. В. Седова, Л. Н. Чайникова, Л. С. Архипова. – Текст: электронный // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. ISSN 1999-2645. – № 3 (59). – URL: <https://eee-region.ru/article/5910/>*
5. *Дружинин, П. В. Развитие экономики регионов Северо-Западного федерального округа в условиях миграции населения в Санкт-Петербургскую агломерацию // Балтийский регион. – 2023. – № 3. – С. 100–116.*
6. *Ефимова, О. Н. Проблемы моногородов Северо-Западного федерального округа в разрезе влияния на экономическую безопасность // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 6. – С. 204–210.*
7. *Звонарева, Е. Г. Актуальные проблемы внутренней миграции населения в РФ / Е. Г. Звонарева, Е. А. Маслюкова. – Текст: электронный // Трансформация национальной социально-экономической системы России: Материалы I Международной научно-практической конференции. Москва, 30 ноября 2018 года. – М.: Российский государственный университет правосудия, 2019. – С. 43–48.*
8. *Кашин, В. К. О перспективах развития регионов Российской Федерации, входящих в Северо-Западный федеральный округ / В. К. Кашин и др. – Текст: электронный // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – Т. 15, вып. 1. – С. 19–34. – URL: <http://fin-izdat.ru/journal/region/>*
9. *Ларченко, О. В. Современные проблемы моногородов и пути их решения: зарубежный и отечественный опыт // РППЭ. – 2019. – № 8 (106). – С. 121–128.*

- 10.** Ломтева, Е. В. Образовательная и трудовая миграция молодежи на примере Северо-Западного федерального округа / Е. В. Ломтева, Л. Ю. Бедарева // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления. – 2022. – № 4 (38). – С. 92–100.
- 11.** Лукьянец, А. С. Миграционная составляющая демографического потенциала субъектов Северо-Западного Федерального округа / А. С. Лукьянец, М. Н. Храмова // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2019. – № 5. – С. 19–29.
- 12.** Монотова, А. А. Развитие малых городов и сел в современных условиях: опыт Канады // Координаты современной урбанистики: дискурсивные трансформации: монография: в 2 томах. Т. 1 / под науч. ред. И. А. Савченко, Ю. В. Козловой; отв. ред.: Г. С. Широкалова, Н. А. Трубина, Л. Р. Миркушина. – М.: ИНФРА-М, 2023. – С. 53–58.
- 13.** Сушкин, Ю. С. Миграция населения: закономерности, проблемы и пути их решения // Academia. Архитектура и строительство. – 2018. – № 2. – С. 103–108.

References:

1. Budilov, A. P. (2019) The main trends of internal migration of the Russian population // Issues of territorial development. – No. 4. – URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28301> DOI: 10.15838/tdi.2019.4.49.5
2. Volkov, A. A. (2022) Analysis of the dynamics of socio-economic development of the regions of the North-Western Federal District / A. A. Volkov. – Text: electronic // Society, economics, management. – No. 4. – Pp. 5–12. – URL: <https://journals.csu.ru/index.php/management/article/view/1598/1305>
3. Vorobyeva, O. D., Subbotin, A. A. (2021) Historical aspects and modern features of internal migration of the population in Russia // Standard of living of the population of the regions of Russia. – No. 1. – URL: <https://eee-region.ru/article/5910/>
4. Gagarina, G. Y. (2019) The regional aspect of labor productivity analysis as an indicator of the effectiveness of the Russian economy / G. Y. Gagarina, N. V. Sedova, L. N. Chaynikova, L. S. Arkhipova. – Text: electronic // Regional economics and management. – URL: <https://eee-region.ru/article/5910>
5. Druzhinin, P. V. (2023) Economic development of the regions of the North-Western Federal District in the context of population migration to the St. Petersburg agglomeration // Baltiysky region. – No. 3. – Pp. 100–116.
6. Efimova, O. N. (2020) Problems of single-industry towns in the North-Western Federal District in terms of their impact on economic security // Humanities, socio-economic and social sciences. – No. 6. – Pp. 204–210.
7. Zvonareva, E. G. (2019) Actual problems of internal migration of the population in the Russian Federation / E. G. Zvonareva, E. A. Maslyukova // Transformation of the national socio-economic system of Russia: Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 30, 2018. – Moscow: Russian State University of Justice. – Pp. 43–48.
8. Kashin, V. K. (2017) On the prospects for the development of the regions of the Russian Federation included in the North-Western Federal District / V. K. Kashin et al. // Regional economics: theory and practice. – Vol. 15, issue 1. – Pp. 19–34. – URL: <http://fin-izdat.ru/journal/region>
9. Larchenko, O. V. (2019) Modern problems of single-industry towns and ways to solve them: foreign and domestic experience // RPE. – No. 8 (106). – Pp. 121–128.
10. Lomtева, Е. В. (2022) Educational and labor migration of youth on the example of the North-Western Federal District / Е. В. Ломтева, Л. Ю. Бедарева // Bulletin of the Komi

Republican Academy of Public Administration and Management. Theory and practice of management. – No. 4 (38). – Pp. 92–100.

11. Lukyanets, A. S. (2019) Migration component of the demographic potential of the subjects of the North-Western Federal District / A. S. Lukyanets, M. N. Khramova // Scientific review. Series 1: Economics and Law. – No. 5. – Pp. 19–29.

12. Montotova, A. A. (2023) Development of small towns and villages in modern conditions: the Canadian experience // Coordinates of modern urbanism: discursive transformations: monograph: in 2 volumes. Vol. 1 / Edited by I. A. Savchenko, Yu. V. Kozlova; edited by G. S. Shirokalova, N. A. Trubina, L. R. Mirkushina. – Moscow: INFRA-M. – Pp. 53–58.

13. Sushkov, YU. S. (2018) Population migration: patterns, problems and ways to solve them // Academia. Architecture and construction. – No. 2. – Pp. 103–108.

Для цитирования / For citation:

Крылов Н. С., Гуров М. С. Влияние миграционных процессов на социально-экономический потенциал субъектов Российской Федерации, входящих в состав Северо-Западного федерального округа // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2025. – Т. 11. – № 1 (29). – С. 43–55.

Economic Implications of the U.S.-Sino Trade War for China's Financial Market

Li Caiyue, Shanghai Customs University, School of Customs and Public Administration (Shanghai, China)
BA student;
e-mail: 0511220210@m.shcc.edu.cn

Shu Wenhui, Shanghai Customs University, School of Customs and Public Administration (Shanghai, China)
BA student;
e-mail: 0511220602@m.shcc.edu.cn

Zheng Tonglin, Shanghai Customs University, School of Customs and Public Administration (Shanghai, China)
BA student;
e-mail: 0511220609@m.shcc.edu.cn

Academic Supervisor:

Elena V. Zhiryaeva, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Department of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Department, Doctor of Economics Sciences, Associate Professor;
e-mail: zhiryaeva-ev@ranepa.ru

Abstract

The US-China trade war is a significant event with far – reaching consequences. It affects not only the bilateral economic relationship but also the global economic structure. It has brought about substantial uncertainties, especially in the financial area. The objective of this paper is to explore the economic impacts of the US-China trade war on China's financial market by a multi-faceted methodology anchored in the World Bank's "Global Financial Development Database." This approach enables an in-depth examination of three crucial dimensions: financial market access, depth, and efficiency. The trade war has adversely affected the revenues and profits of large corporations, as evidenced by the increase in trade value and market capitalization for the firms outside the top 10 from 2018 to 2019. The US-China trade war has induced considerable fluctuations in the returns of Chinese equities, especially within export-driven industries, which experienced negative cumulative average abnormal returns following the imposition of tariffs. Nonetheless, the effects vary depending on sector – specific characteristics and China's strategic countermeasures. The financial market depth index shows that the trade war has led to the progress in China's financial policies and technological reforms. At the same time, through comprehensive reforms, the financial markets have shown their strength and mitigated the negative impacts of trade disputes. Moreover, the conflict has changed investors' perception of the macro – economic environment, affecting non – exporting sectors like banking, thus highlighting the far – reaching implications of international trade disputes.

Keywords: US-China trade war, financial market, access, depth, efficiency, USA, PRC.

Экономические последствия американо-китайской торговой войны для финансового рынка Китая

Ли Цайюэ, Шанхайский таможенный университет, Школа таможенного дела и государственного управления (Шанхай, Китай)

студент 4-го курса бакалавриата;

e-mail: 0511220210@m.shcc.edu.cn

Шу Вэнъхуэй, Шанхайский таможенный университет, Школа таможенного дела и государственного управления (Шанхай, Китай)

студент 3-го курса бакалавриата;

e-mail: 0511220602@m.shcc.edu.cn

Чжэн Тунлинь, Шанхайский таможенный университет, Школа таможенного дела и государственного управления (Шанхай, Китай)

студент 3-го курса бакалавриата;

e-mail: 0511220609@m.shcc.edu.cn

Научный руководитель:

Жиряева Елена Васильевна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; кафедра экономики (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

профессор кафедры, доктор экономических наук, доцент;

e-mail: zhiryaeva-ev@ranepa.ru

Аннотация

Американо-китайская торговая война — значимое событие с далеко идущими последствиями. Она влияет не только на двусторонние экономические отношения, но и на глобальную экономическую структуру. Это привело к существенной неопределенности, особенно в финансовой сфере. Цель данной статьи заключается в изучении экономических последствий американо-китайской торговой войны на финансовый рынок Китая с помощью многогранной методологии, основанной на «Глобальной базе данных по финансовому развитию» Всемирного банка. База позволяет глубоко изучить три важнейших аспекта: доступ к финансовому рынку, глубину и эффективность. Торговая война негативно повлияла на доходы и прибыль крупных корпораций, о чем свидетельствует рост стоимости торговли и рыночной капитализации фирм, находящихся за пределами топ-10, с 2018 по 2019 год. Торговая война между США и Китаем вызвала значительные колебания доходности китайских акций, особенно в отраслях, ориентированных на экспорт, которые испытали аномальную отрицательную совокупную среднюю доходность после введения тарифов. Тем не менее последствия варьируются в зависимости от специфики сектора и стратегических контрмер Китая. Индекс глубины финансового рынка показывает, что торговая война привела к прогрессу в финансовой политике Китая и технологических реформах. В то же время, проводя комплексные реформы, финансовые рынки продемонстрировали свою силу и смягчили негативные последствия торговых споров. Более того, конфликт изменил восприятие инвесторами макроэкономической среды, затронув неэкспортные сектора, такие как банковское дело, тем самым подчеркнув далеко идущие последствия международных торговых споров.

Ключевые слова: американо-китайская торговая война, финансовый рынок, доступ, глубина, эффективность, США, КНР.

I. INTRODUCTION

The US-China trade war is a pivotal event in the global economic landscape, attracting attention from economists, policymakers and market participants due to its extensive implications for economies. Its effects transcend bilateral relations, impacting supply chains as well as economic strategies worldwide and thereby reshaping international trade dynamics [1]. This complex relationship, characterized by both cooperation and competition, has significantly changed the structure of the international economic order [13], [15]. For China's financial sector, it is essential to comprehend the economic implications of the US-China trade war. As the backbone of the economy, the financial sector plays a crucial part in resource allocation, risk management as well as promoting economic growth. Substantial external disruptions, particularly the trade war, can set off a series of effects across different aspects of finance [2]. In the stock markets, the trade war has generated considerable uncertainty. Fluctuations in trade policies and expectations regarding corporate earnings and economic growth have heightened volatility in the Shanghai and Shenzhen markets [4]. This volatility affects individual investors' financial well-being and corporate investment decisions. As firms navigate unpredictable export prospects and potential cost structure changes, their stock valuations may experience rapid fluctuations, ultimately influencing the stability and efficiency of the stock market [10].

Therefore, this paper endeavors to undertake an in-depth analysis of the economic impacts of the US-China trade war on the financial market in China. By employing a multi-dimensional method, including three dimensions of financial markets *access*, *depth* and *efficiency*, we strive to unearth the multifarious channels through which the trade war has influenced on China's financial market. The findings will not only augment the existing academic literature on international trade and finance but will also furnish invaluable insights for policymakers and financial market participants [16].

II. LITERATURE REVIEW

The trade war has significantly increased volatility in China's stock markets. Research employing advanced econometric models, notably the ARMA-GARCH model, indicates that the trade conflict has led to substantial fluctuations in the Shanghai and Shenzhen indices. While the immediate effects of heightened tariffs were predominantly negative, China's financial market's resilience has allowed for a gradual recovery, suggesting that the long-term impacts may be less severe than initially anticipated [4], [11] (Du, 2022; Wang, 2023). This volatility is largely driven by uncertainty surrounding trade policies and their broader implications for China's economic growth, which has historically relied on exports [3], [8] (Chen, 2023; Miao & Yang, 2022). Institutional investors have played a role in the financial market dynamics during the trade war, with their strategies influenced by the increased uncertainty. Empirical studies show that these investors have adjusted their portfolios in response to escalating trade tensions, affecting stock valuations, particularly for export-dependent firms [3],[6] (Chen, 2023; Huang et al., 2018). This trend reflects a growing sensitivity among market participants to geopolitical developments, leading to abrupt shifts in market sentiment and stock prices [5] (Ferrari et al., 2021). T. G. Maglinova points out that the trade war led to disruptions in supply chains, higher prices, and increased economic uncertainty [16]. These factors spill over to China's financial market. Disrupted supply chains cut earnings of export-oriented firms, causing stock price fluctuations and affecting the stock market. Tariff-driven higher prices bring inflation. To fight it, the central bank may adjust monetary policies, directly impacting interest rates and the money supply.

In summary, previous studies reveal a significant gap in the literature on World Bank Data, particularly regarding *access*, *depth* and *efficiency* in the multidimensional analysis of China's financial market development. Our research addresses these overlooked areas, contributing valuable insights and enhancing the understanding of dynamics within China's financial landscape.

III. METHODOLOGY

At a broad, financial development can be defined as improvements in the quality of five key financial functions¹: (a) producing and processing information about possible investments and allocating capital based on these assessments; (b) monitoring individuals and firms and exerting corporate governance after allocating capital; (c) facilitating the trading, diversification and management of risk; (d) mobilizing and pooling savings; and (e) easing the exchange of goods, services and financial instruments. Financial institutions and markets around the world differ markedly in how well they provide these key services.

Our comprehensive analysis is grounded in the World Bank's "Global Financial Development Database". This database provides insights into measures of (a) size of financial institutions (*depth*), (b) degree to which individuals can and do use financial services (*access*), (c) efficiency of financial intermediaries in intermediating resources and facilitating financial transactions (*efficiency*).

IV. ANALYSIS

1. Introduction

1.1. Financial Market Access

Financial market *access* is defined as the ability of individuals, businesses, or countries to get actively involved in and take full advantage of the opportunities available in financial markets. As the World Bank puts it, this is a crucial indicator for measuring the openness and accessibility levels of financial markets across different nations. This index is essential for evaluating how well different environments enable financial transactions and investments. When examining financial market access, it is necessary to consider a wide range of factors that shape the overall picture of financial accessibility and participation.

1.2. Financial Market Depth

Financial market *depth* denotes a market's capacity to accommodate substantial orders without markedly influencing a security's price. It encompasses the volume and distribution of open orders, as well as bid and ask prices, primarily concerning individual securities. An increase in buy and sell orders enhances market depth, assuming a balanced distribution around the current price. Market depth reflects a security's liquidity, determined by the quantity of bids and offers at various price levels, alongside the order size or trade volume at each level [13]. Greater market depth reduces the likelihood of block trades significantly affecting a security's price.

1.3. Financial Market Efficiency

Financial market *efficiency* is a pivotal concept that pertains to the degree to which market prices accurately embody all accessible information. This notion is fundamentally rooted in the Efficient Market Hypothesis (EMH), which asserts that asset prices are entirely

¹ URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/gfdr/gfdr-2016/background/financial-development>

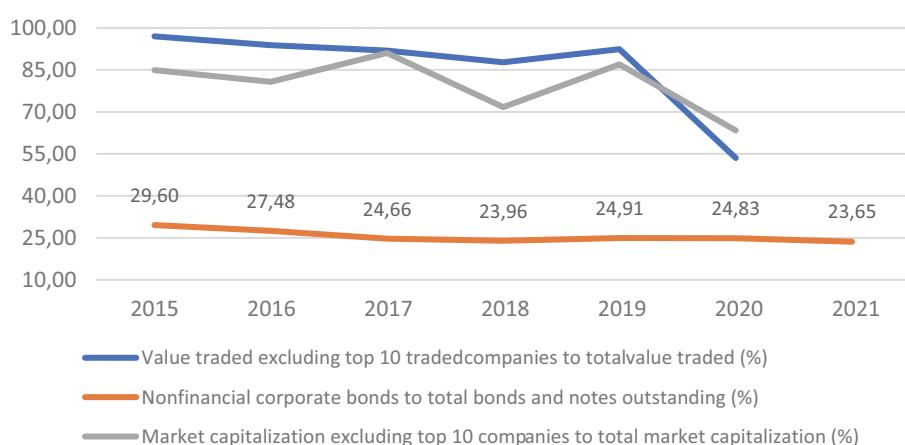
calibrated to incorporate all relevant information. As a result, this suggests that no investor can consistently realize returns that surpass the market average solely through specialized knowledge or analytical skill.

2. Results

2.1. Financial Market Access

In this study, we selected three key indicators: *Value traded excluding top 10 traded companies to total value traded (%)*², *Nonfinancial corporate bonds to total bonds and notes outstanding (%)*³, *Market capitalization excluding top 10 companies to total market capitalization (%)*⁴.

Figure 1. Changes in several indicators of Access⁵

Source: Compiled by the author

Figure 1 demonstrates that the patterns in the fluctuations of traded value — when excluding the top 10 traded companies — in relation to the aggregate traded value and the market capitalization excluding these dominant firms relative to the total market capitalization, exhibit a remarkable degree of congruence [14]. Both metrics underwent a substantial downturn around 2018, followed by a significant rebound from 2018 to 2019. However, this was followed by a pervasive decline across all sectors after 2019. Furthermore, the proportion of non-financial corporate bonds in relation to the total outstanding bonds has consistently diminished since 2015, reaching a nadir in 2018, a critical year that signified the commencement of the trade war.

Additionally, the ramifications of these trends transcend simple quantitative assessment [9]. They indicate a shifting landscape in investor psychology and market behavior. The relationship between the decline in non-financial corporate bonds and the emergence of geopolitical tensions highlights the vulnerability of market confidence during periods of uncertainty. As depicted in the subsequent figures, the volatility index also reflected these

² Value traded excluding top 10 traded companies to total value traded (%): Value of all traded shares outside of the top ten largest traded companies as a share of total value of all traded shares in a stock market exchange. WFE provides data on the exchange level. This variable is aggregated up to the country level by taking a simple average over exchanges.

³ Nonfinancial corporate bonds to total bonds and notes outstanding (%): Total amount of domestic nonfinancial corporate bonds and notes outstanding to total amount of domestic bonds and notes outstanding, both corporate and noncorporate. BIS DSS Table C1 (domestic debt amount: nonfinancial corporates) / (domestic debt amount: all issuers).

⁴ Market capitalization excluding top 10 companies to total market capitalization (%): Value of listed shares outside of the top ten largest companies to total value of all listed shares.

⁵ Source: URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/gfdr/data/global-financial-development-database>

fluctuations, signifying increased investor apprehension. Moreover, the year 2019 onwards illustrates a bifurcation in market conduct, with specific sectors exhibiting resilience while others yield to the pressures of economic challenges. This divergence necessitates a more profound exploration of sector-specific reactions to external shocks, especially considering the shifting regulatory landscape and evolving consumer preferences.

Essentially, it underscores the cyclical characteristics of market dynamics while also emphasizing the imperative for flexible investment strategies, especially in times of geopolitical instability. Subsequent research should focus on deconstructing these patterns in greater detail, investigating the fundamental elements that drive such pronounced shifts in market conduct.

2.2. Financial Market Depth

Figure 2. China's Stock market capitalization to GDP (%)⁶

Source: Compiled by the author

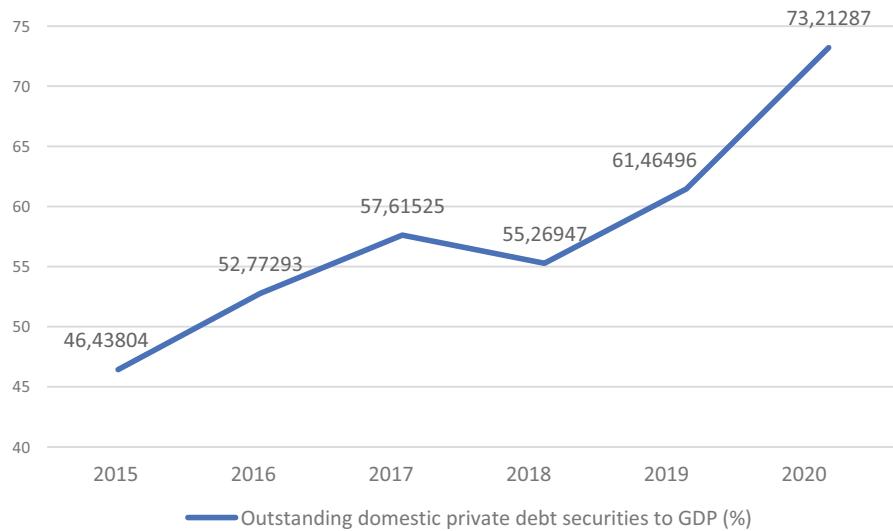
The significant decline of this index to 45.52 % in 2018 demonstrates the substantial short-term impact of the China-US trade war on global capital markets. The trade war has altered investors' expectations of relevant companies' profits, influencing their judgment of stock "present value". Tariff measures have not only impacted directly affected industries but also spread negative effects across sectors, leading to stock market volatility, a decline in investor confidence and increased concerns about the market outlook.

After the 2018 economic sanctions, China implemented effective economic measures to improve the stock market and respond to US sanctions. The Chinese government adopted policies such as tax cuts, fee reduction, monetary policy adjustment and business environment optimization [7]. These measures reduced corporate burdens, enhanced corporate profitability and stabilized stock market confidence. By lowering the reserve requirement ratio and providing liquidity support, the market maintained a reasonable level of liquidity, reducing the cost of corporate financing. Through further opening up the market to attract foreign investment, the efficiency of foreign-investment utilization was improved, and market vitality was enhanced. Through these comprehensive measures, the Chinese government mitigated the negative impact of the China-US trade war on the stock market. After 2019, the ratio of stock market capitalization to GDP rebounded.

⁶ Stock market capitalization to GDP (%): Total value of all listed shares in a stock market as a percentage of GDP.

The stock market performance is considered a barometer of economic health. The significant growth of China's stock market in 2020 reflects the stability and resilience of the Chinese economy. The stock market rally has enhanced investors' confidence in China's financial market, indicating their optimism about the long-term growth potential of the Chinese economy. At the same time, the strong performance of China's stock market may attract more domestic and foreign investors, increase capital inflow, provide more liquidity and help the Chinese financial market better withstand external shocks.

Figure 3. China's outstanding domestic private debt securities to GDP (%)⁷

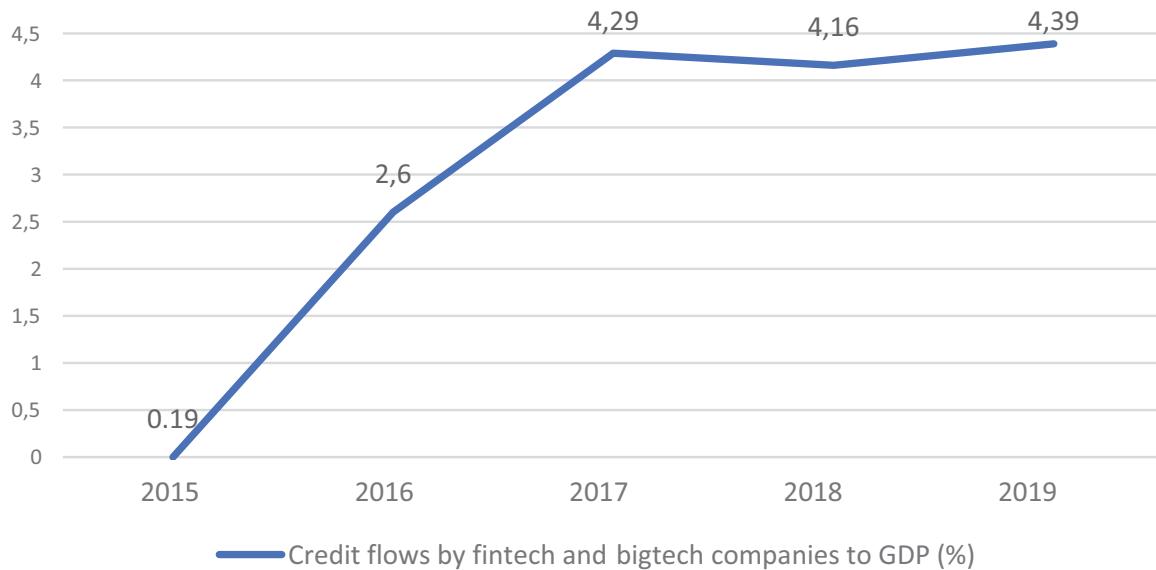
Source: Compiled by the author

Figure 3 illustrates China's private domestic debt securities as a percentage of GDP from 2015 to 2020, revealing a consistent upward trend. This increase indicates improved financing access for private enterprises, driven by the evolving financial market that enhances capital acquisition opportunities. Additionally, amid the US-China trade war, the rising index reflects the resilience of China's financial market against external shocks. By advancing the domestic debt securities market, China can better counteract the negative impacts of trade frictions on its economic and financial systems.

Figure 4 depicts a significant upward trend, beginning at 0.19 % in 2015, peaking in 2016 and 2017, then declining to 4.16% in 2018 before recovering to 4.39% in 2019. These fluctuations are primarily attributed to the Chinese government's robust support for the Fintech and BigTech sectors, particularly in response to the trade war, which has catalyzed innovation policies. In the China-US trade war, Chinese Fintech and BigTech firms have intensified R&D efforts to identify new growth opportunities. Their technological advancements have broadened service offerings, leading to increased credit flows. Simultaneously, demand for their financial services is rising as traditional institutions grapple with trade war uncertainties, enhancing the appeal of Fintech and BigTech solutions. Consumers and SMEs⁸ are increasingly turning to these firms for efficient financial services, driving credit flows. It indicates a trend towards greater diversification, modernization and flexibility in China's financial market.

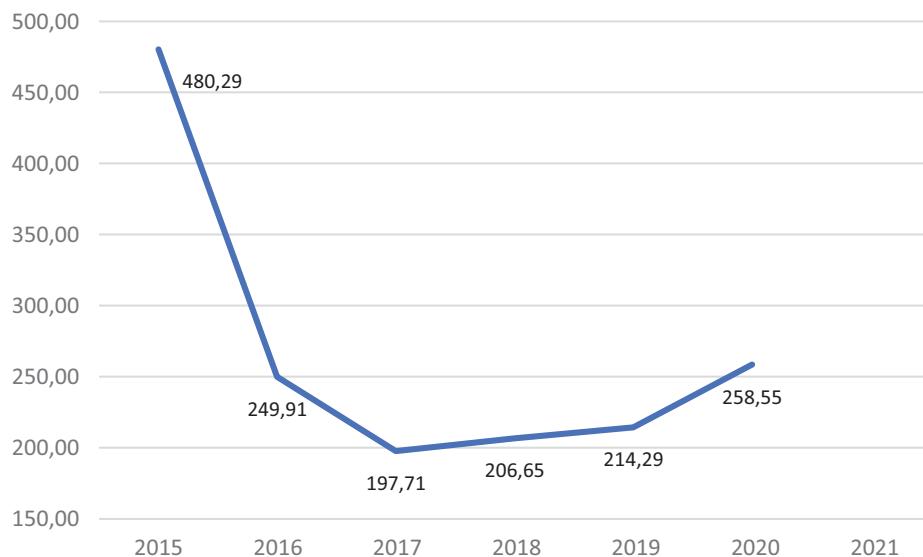
⁷ Outstanding domestic private debt securities to GDP (%): Total amount of domestic private debt securities (amount outstanding) issued in domestic markets as a share of GDP. It covers data on long-term bonds and notes, commercial paper and other short-term notes.

⁸ SMEs: Small and midsize enterprises.

Figure 4. China's credit flows by Fintech and BigTech companies to GDP (%)⁹

Source: URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/gfdr/data/global-financial-development-database>
(accessed at: 30/11/2024)

2.3. Financial Market Efficiency

Figure 5. Stock market turnover ratio (%)¹⁰

Source: URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/gfdr/data/global-financial-development-database>
(accessed at: 30/11/2024)

⁹ Credit flows by Fintech and BigTech companies to GDP (%): New lending provided by Fintech and BigTech companies over a calendar year, normalized by nominal GDP. Fintech: It is a clipped compound of “financial technology”, refers to the application of innovative technologies to products and services in the financial industry. (Source: URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Fintech>) BigTech: It is also known as the Tech Giants or Tech Titans, is a grouping of the largest IT companies in the world. The concept of Big Tech is similar to the grouping of dominant companies in other sectors. (Source: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Big_Tech)

¹⁰ Stock market turnover ratio (%): It is total value of shares traded during the period divided by the average market capitalization for the period.

In 2015, the ratio peaked at nearly 500 %, but subsequently experienced a sharp decline, plummeting to approximately 250 % in 2015–2016. This downward trend persisted, albeit at a slower rate throughout 2017. However, beginning in 2017, the ratio commenced a gradual upward trajectory. It is essential to highlight that the trade war with the USA has introduced significant volatility into the returns of Chinese equities. The ramifications are predominantly detrimental, as evidenced by the negative cumulative average abnormal returns that have been documented in export-oriented sectors when subjected to the imposition of new tariffs by the US government. Nonetheless, it is imperative to acknowledge that the trade war's consequences may yield positive results, depending on the specific conditions of the impacted sectors and the strategic defensive actions China has implemented in response to these challenges.

V. CONCLUSIONS

The trade war has adversely affected the revenues and profits of large corporations, as evidenced by data indicating an increase in trade value and market capitalization for firms outside the top 10 from 2018 to 2019. This shift implies a redistribution of market dynamics, influenced by the heightened risks of the trade war. The US-China trade war has caused significant volatility in Chinese equity returns, particularly in export-oriented sectors, which faced negative cumulative average abnormal returns post-tariff implementation. However, the impact varies based on sector specifics and China's strategic responses. The Financial Market Depth Index illustrates that the trade war has catalyzed China's financial policy advancements and technological reforms, while also showcasing the resilience of its financial markets through comprehensive reforms that have mitigated the adverse effects of trade tensions. Furthermore, the dispute has altered investor perceptions of the macroeconomic landscape, affecting non-exporting sectors like banking, highlighting the extensive repercussions of international trade conflicts.

Given the implications of the US-China trade war on China's financial market, a strategic response is warranted. China must prioritize stable monetary policy. During downturns, the People's Bank of China (PBOC) should ease conditions by lowering interest rates or reserve requirements, which helps stimulate credit and investment. Targeted fiscal measures like infrastructure investment, tax cuts, and increased subsidies for key industries are crucial. Policies that promote green energy, technological innovation and industrial modernization can ensure sustained growth [12]. Furthermore, it's essential to advance systemic risk management in banking and finance, especially regarding corporate debt. This helps prevent financial crises that could threaten market stability. Also, reforming state-owned enterprises (SOEs) is necessary. Alongside this, enhancing corporate governance and transparency can reduce inefficiencies. Moreover, promoting technological innovation is of great importance. SOEs should move towards high-tech and high-value sectors and distance themselves from obsolete industries. Investment in fintech R & D, integrated with big data, artificial intelligence and blockchain, will improve the efficiency and security of financial services. Tax incentives and R & D subsidies for fintech startups can facilitate the transformation of China's financial sector. The implementation of big-data-driven risk monitoring systems enables real-time market risk assessment, while blockchain technology ensures the authenticity and traceability of transactions, thus curbing fraud and illicit activities.

References:

1. Lau, L. J. (2020). The Impacts of the Trade War and the COVID-19 Epidemic on China-U.S. Economic Relations. *China Review*. No. 20(4). Pp. 1–38. <https://www.jstor.org/stable/26959852>
2. Carvalho, M., Azevedo, A., & Massuquetti, A. (2019). Emerging countries and the effects of the trade war between US and China. *Economies*. No. 7(2). P. 45. <https://doi.org/10.3390/economies7020045>
3. Chen, J. (2023). Valuation effects of US-China trade conflict: the role of institutional investors. *China & World Economy*. No. 31(6). Pp. 56–78. <https://doi.org/10.1111/cwe.12509>
4. Du, Y. (2022). Sino-US trade conflict and fluctuation of China's stock market: an empirical evidence. *BCP Business & Management*. No. 20. Pp. 843–851. <https://doi.org/10.54691/bcpbm.v20i.1071>
5. Ferrari, M., Kurcz, F., & Pagliari, M. (2021). Do words hurt more than actions? The impact of trade tensions on financial markets. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3774198>
6. Huang, Y., Cai, L., Liu, S., & Tang, H. (2018). Trade linkages and firm value: evidence from the 2018 US-China ‘trade war’. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3227972>
7. Itakura, K. (2019). Evaluating the impact of the US-China trade war. *Asian Economic Policy Review*. No. 15(1). Pp. 77–93. <https://doi.org/10.1111/aepr.12286>
8. Miao, M. and Yang, L. (2022). The impacts of China-US trade war on Chinese industry. *Highlights in Business Economics and Management*. No. 2. Pp. 366–372. <https://doi.org/10.54097/hbem.v2i.2387>
9. Ovuakporaye, V. (2020). The USA-China trade war: empirical assessment. *South Asian Journal of Social Studies and Economics*. Pp. 35–45. <https://doi.org/10.9734/sajsse/2020/v8i330213>
10. Setiawan, B. (2020). Does US-China trade war matter on Asian stock market: event-study approach. *Sriwijaya International Journal of Dynamic Economics and Business*. Pp. 161–174. <https://doi.org/10.29259/sijdeb.v4i3.161-74>
11. Wang, Z. (2023). The impact of Sino-US trade war on the stock markets of the two countries. *BCP Business & Management*. No. 38. Pp. 3195–3201. <https://doi.org/10.54691/bcpbm.v38i.4252>
12. Ye, M., Shen, J., Golson, E., & Li, Y. (2022). The impact of Sino-US trade friction on the performance of China's textile and apparel industry. *International Finance*. No. 25(2). Pp. 151–166. <https://doi.org/10.1111/infi.12413>
13. Zhao, N. (2023). Research on the development of the international economic order under the impact of China-US trade war strategies and China's response plans. *Advances in Economics and Management Research*. No. 8(1). P. 29. <https://doi.org/10.56028/aemr.8.1.29.2023>
14. Zhou, Z. (2023). The impact of financial development on international trade in China. Proceedings of the 8th International Conference on Financial Innovation and Economic Development. Pp. 164–171. https://doi.org/10.2991/978-94-6463-142-5_18
15. Gorda, A. S. (2024). The trade and economic war between the USA and China in the global system of international trade. *Scientific Bulletin: Finances, Banks, Investments*. No. 3 (68). Pp. 163–174. DOI: 10.29039/2312-5330-2024-3-163-174
16. Maglinova, T. G. (2021). US-China trade war: economic causes and consequences. *Economics and business: theory and practice*. No. 8. Pp. 123–126. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-8-123-126.

Литература:

1. *Ванг, З.* Влияние торговой войны между Китаем и США на фондовые рынки двух стран // ВСР Бизнес и Менеджмент. – 2023. – № 38. – С. 3195–3201. <https://doi.org/10.54691/bcpbm.v38i.4252>
2. *Горда, А. С.* (2024). Торгово-экономическая борьба США и Китая в глобальной системе международной торговли // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2024. – № 3 (68). – С. 163–174. DOI: 10.29039/2312-5330-2024-3-163-174
3. *Ду, И.* Китайско-американский торговый конфликт и колебания китайского фондового рынка: эмпирические данные // ВСР Бизнес и Менеджмент. – 2022. – № 20. – С. 843–851. <https://doi.org/10.54691/bcpbm.v20i.1071>
4. *Итакура, К.* (2019). Оценка влияния торговой войны между США и Китаем // Обзор азиатской экономической политики. – 2019. – № 15(1). – С. 77–93. <https://doi.org/10.1111/aepr.12286>
5. *Йе, М.* Влияние китайско-американских торговых трений на показатели китайской текстильной и швейной промышленности / М. Йе, Дж. Шен, Э. Голсон, Ю. Ли // Международные финансы. – 2022. – № 25(2). – С. 151–166. <https://doi.org/10.1111/infi.12413>
6. *Карвальо, М.* Развивающиеся страны и последствия торговой войны между США и Китаем / М. Карвальо, А. Азеведо, А. Масскетти // Экономики. – 2019. – № 7(2). – С. 45. <https://doi.org/10.3390/economies7020045>
7. *Лау, Л. Дж.* Влияние торговой войны и эпидемии COVID-19 на экономические отношения между Китаем и США // Обзор Китая. – 2020. – № 20(4). – С. 1–38. <https://www.jstor.org/stable/26959852>
8. *Маглинова, Т. Г.* Торговая война США и Китая: экономические причины и последствия // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 8. – С. 123–126. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-8-123-126.
9. *Мяо, М.* Влияние торговой войны между Китаем и США на китайскую промышленность / М. Мяо, Л. Янг // Основные моменты в экономике и управлении бизнесом. – 2022. – № 2. – С. 366–372. <https://doi.org/10.54097/hbem.v2i.2387>
10. *Овуакпорай, В.* Торговая война между США и Китаем: эмпирическая оценка / В. Овуакпорай // Южноазиатский журнал социальных исследований и экономики. – 2020. – С. 35–45. <https://doi.org/10.9734/sajsse/2020/v8i330213>
11. *Сетиаван, Б.* Имеет ли торговая война между США и Китаем значение для азиатского фондового рынка: событийно-исследовательский подход / Б. Сетиван // Международный журнал динамической экономики и бизнеса Шривиджая. – 2020. – С. 161–174. <https://doi.org/10.29259/sijdeb.v4i3.161-74>
12. *Феррари, М.* Ранят ли слова больше, чем действия? Влияние торговой напряженности на финансовые рынки / М. Феррари, Ф. Курч, М. Пальяри // Электронный журнал SSRN. – 2021. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3774198>
13. *Хуанг, Ю.* Торговые связи и стоимость компаний: данные о «торговой войне» между США и Китаем в 2018 году / Ю. Хуанг, Л. Цай, С. Лю, Х. Тан // Электронный журнал SSRN. – 2018. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3227972>
14. *Чен, Дж.* Эффекты оценки стоимости торгового конфликта между США и Китаем: роль институциональных инвесторов / Дж. Чен // Китай и мировая экономика. – 2023. – № 31(6). – С. 56–78. <https://doi.org/10.1111/cwe.12509>
15. *Чжао, Н.* Исследование развития международного экономического порядка под влиянием стратегий торговой войны между Китаем и США и ответных планов Китая / Н. Чжао // Успехи в исследованиях в области экономики и управления. – 2023. – № 8(1). – С. 29. <https://doi.org/10.56028/aemr.8.1.29.2023>

- 16. Чжоу, З.** Влияние финансового развития на международную торговлю в Китае / З. Чжоу // Материалы 8-й Международной конференции по финансовым инновациям и экономическому развитию. – 2023. – С. 164–171. https://doi.org/10.2991/978-94-6463-142-5_18

Для цитирования / For citation:

Li Caiyue, Shu Wenhui, Zheng Tonglin. The Economic Impacts of the US-China Trade War on the Financial Market in China // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2025. – Т. 11. – № 1 (29). – С. 56–67.

Классификация способов совершения мошенничества в оккультно-магической сфере (по материалам практики судов Северо-Западного федерального округа)*

Палашов Виктор Анатольевич, Петрозаводский государственный университет, Институт экономики и права (Петрозаводск, Российская Федерация)
студент 2-го курса магистратуры;
e-mail: palashov-victor@mail.ru
ORCID: 0009-0005-5874-5341.

Научный руководитель:

Титкова Ольга Игоревна, Петрозаводский государственный университет, кафедра уголовного права и процесса (Петрозаводск, Российская Федерация)
доцент кафедры, кандидат юридических наук;
e-mail: o.i.titkova@yandex.ru

Аннотация

Время глобальных вызовов оставляет отпечаток в сознании людей. Его можно охарактеризовать как «страх за жизнь своих родственников», а также «неуверенность в мирной жизни завтрашнего дня». Пытаясь найти хоть какую-то опору, люди начинают обращаться к магам, колдунам, экстрасенсам за советом, чем и пользуются преступники, эксплуатируя суеверия, распространенные среди граждан, и совершая мошенничество в оккультно-магической сфере. При проведении исследования были использованы такие методы познания, как абстрагирование, анализ, синтез и сравнение. Результатом исследования является созданная на основе практических данных авторская классификация способов совершения мошенничества в оккультно-магической сфере. Практическая значимость исследования для потенциальных жертв состоит в том, что на основании множества судебных актов они смогут осознать и принять тот факт, что возможность «влияния» на астральный мир — иллюзия, а все, кто предлагают подобного рода услуги, — мошенники. А для правоохранительных органов — улучшение тактики расследования и раскрытия таких преступлений (например, на основании модели поведения преступника решение вопроса о соединении или выделении уголовного дела).
Ключевые слова: магические услуги, мошенничество в форме оккультных услуг, мошенничество, способ совершения преступления, структура способа преступления, элементы способа совершения преступления.

Classification of Ways of Committing Fraud in the Occult-Magical Realm (Based on the Court Practice of the North-Western Federal District)**

Victor A. Palashov, Petrozavodsk State University, Institute of Economics and Law (Petrozavodsk, Russian Federation)
MA student;

* Статья была рекомендована к публикации в журнале «Новизна. Эксперимент. Традиции» по результатам участия в секции «Актуальные вопросы современного права» XXVIII региональной научно-практической конференции «Управление: история, наука, культура», проходившей 16–18 мая 2024 г. в Карельском филиале РАНХиГС.

** The article was recommended for publication in the journal “Novelty. Experiment. Traditions” based on the results of participation in the section “Current issues of modern law” in the XXVIII regional scientific and practical conference “Management: history, science, culture”, held on May 16–18, 2024 in the Karelian branch of the RANEPA

e-mail: palashov-victor@mail.ru
ORCID: 0009-0005-5874-5341.

Academic Supervisor:

Olga I. Titkova, Petrozavodsk State University, Department of Criminal Law and Procedure (Petrozavodsk, Russian Federation)

Associate Professor of the Department, PhD of Jurisprudence;

e-mail: o.i.titkova@yandex.ru

Annotation

The period of global challenges imprints on people's consciousness. It can be described as 'fear for the lives of their family members', as well as 'uncertainty about the peaceful life in the future'. Attempting to seek some kind of support, people are turning to magicians, sorcerers, psychics for advice, which criminals take advantage of by exploiting superstitions widespread in the public, committing fraud in the occult-magical sphere. In conducting the study were employed such techniques of cognition, as abstraction, analysis, synthesis and comparison. The result of the study consists in the author's classification of the ways of committing fraud in the occult-magical sphere developed on the basis of the empirical data. The practical significance of the research for potential victims consists in the fact that on the basis of many judicial acts the awareness and acceptance of the fact that the possibility of 'influence' on the astral world is an illusion, and all those who offer this kind of services are fraudsters; for law enforcement agencies – improving the tactics of investigation and detection of this crime (e.g., on the basis of the model of the criminal's behavior, the decision on joining or separating the criminal case).

Keywords: magic services, fraud in the form of occult services, fraud, method of committing an offence, structure of the method of crime, elements of the method of committing an offence.

ВВЕДЕНИЕ

Мошенничество в сфере оккультно-магической деятельности известно с древнейших времен. Исследователи установили, что рост числа случаев происходит в период кризисов [4, с. 98]. Пандемия COVID-19, последовавший экономический кризис, а также нынешнее открытое геополитическое противостояние стран Запада и Российской Федерации — «триггерры» для роста случаев этого мошенничества.

Данное преступление обладает высоким уровнем латентности [8, с. 208]. Как следствие, большинство способов остается неизвестными. В связи с этим систематизация в условиях глобальных вызовов поможет аккумулировать знания граждан об этом мошенничестве и тем самым уберечь их от совершения в отношении них преступления. Поэтому цель исследования — анализ такой преступной деятельности и выявление основных закономерностей поведения преступника.

Для достижения цели необходимо решить ряд задач:

- ознакомиться с разработанными классификациями способов совершения мошенничества в оккультно-магической сфере;
- проанализировать акты судов Северо-Западного федерального округа, вынесенных в отношении преступников, совершивших данное преступление;
- разработать собственную классификацию способов совершения мошенничества в оккультно-магической сфере.

Эту сферу исследовали как социальное явление (Е. А. Гришина и А. А. Кротова [3], Е. А. Гришина [4]) и как правовое (С. К. Абрамян [1], С. Анисимов и И. Ю. Верчагина [2], К. Б. Ерофеев [5], А. Э. Жалинский и А. Э. Козловская [6], Н. Н. Китаев, В. Н. Китаева и Р. Г. Ардашев [7], И. Г. Фруслов [10].) Способы совершения мошенничества в этой сфере изучали два исследователя — З. Р. Салаев [9] и Э. Д. Нурова [8].

При проведении описанного в статье исследования использовались такие методы, как *анализ* (при изучении судебных решений), *синтез* (при поиске однотипных моделей поведения), *абстрагирование* (при описании моделей поведения) и *сравнение* (при анализе существующих классификаций). Эмпирическая база — 17 актов судов Северо-Западного федерального округа за 2018–2024 гг.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В юридической науке под *способом совершения преступления* понимается совокупность приемов и методов, которые применило лицо для совершения преступления [11, с. 265]. У каждого преступления существует свой собственный «универсальный» набор приемов и методов.

З. Р. Салаев классифицирует способы мошенничества в оккультно-магической сфере по видовым характеристикам обмана [9, с. 48]. По нашему мнению, данная классификация имеет один недостаток: выделяя виды обмана, автор указывает такие средства, как использование а) «информационно-телекоммуникационных сетей», б) «личного взаимодействия», в) «телефонной связи, либо комбинации телерадиовещательного контента и телефонной связи». В данном случае автор в пунктах а) и в) выделяет современные средства распространения информации, упуская традиционные, например объявления в газетах. В связи с этим, на наш взгляд, было бы правильнее выделить эти пункты в один и обозначить их, например, так: «посредством использования средств распространения информации».

Э. М. Нурова предлагает классифицировать мошенничество иными способами: 1) по форме общения; 2) по границам места совершения; 3) по месту совершения; 4) по форме мошенничества; 5) по направленности воздействия; 6) по длительности протекания преступных действий между совершением и сокрытием преступления; 7) по степени квалифицированности или профессионализма действий субъектов преступления; 8) по механизму совершения; 9) по связи преступления с профессиональной деятельностью; 10) по степени организованности преступной деятельности [8, с. 26–27]. Мы заметили, что автор не предлагает классификаций, в которой бы рассматривалась роль соучастника. Кроме того, классификация способов «по степени квалифицированности или профессиональности действий субъектов», по нашему мнению, субъективна: автор предлагает исключительно оценочные критерии.

Изучив существующие классификации мошенничества в оккультно-магической сфере, учитывая их недостатки, представляется необходимым разработать собственную классификацию способов совершения данного преступления.

Непосредственные способы: преступник ищет жертву и, обнаружив, сообщает ей, что, якобы, она находится под негативным магическим воздействием. Далее преступник действует по одной из следующих схем:

I) «*Констатация факта*»: преступник сообщает жертве, что на нее или ее родственников наведена «порча», «сглаз», «венец безбрачия» и т.д. и предлагает способ избавления. Типичная ситуация описывается в приговоре Светловского городского суда

Калининградской области¹: преступница познакомилась с жертвой и предложила ей погадать. В процессе она сообщила, что на матери потерпевшей «порча на смерть», и для того, чтобы ее снять, необходимо закопать на кладбище золотые изделия, которые есть сейчас на потерпевшей. Перед уходом преступница сообщила, что ее услуги стоят 300 рублей, а кроме того, убедила передать ей украшения, пообещав провести обряд и вернуть их. Потерпевшая передала требуемую сумму и ювелирные украшения.

II) «Доказывание»: иногда, для того чтобы жертва поверила преступнику, ей необходимо это доказать. Это демонстрирует случай, описанный в приговоре Плесецкого районного суда Архангельской области²: преступница во время обряда по снятию «порчи» попросила сырое куриное яйцо. Получив его, стала проводить с ним манипуляции, после чего попросила потерпевшую выйти из комнаты. Вскоре преступница позвала жертву и приложила яйцо к ее голове. Затем разбила яйцо и продемонстрировала содержимое: оно было черного цвета (что являлось, по заверению преступницы, доказательством порчи).

III) «Магическая поддержка»: в некоторых случаях исследуемое мошенничество совершается в соучастии (как правило, в паре). Первый выполняет ведущую роль (это сам «маг» — центр магии [5, с. 89]): он сосредотачивает внимание жертвы. Роль второго зависит от способа взаимодействия участников, но чаще всего соучастник — это:

а) *Человек, который обладает «большим» магическим даром.* Потерпевший находится под «преступным воздействием», и чтобы не ослабевал эффект, преступник знакомит жертву с экстрасенсом-«коллегой». Так, в приговоре Петрозаводского городского суда Республики Карелия³ описывается следующий случай: Полякова Т. В. (преступница) познакомилась с потерпевшей и предложила ей услуги по «снятию порчи», попросив

¹ Дело № 1-78/2019: Приговор Светловского городского суда Калининградской области от 24 сентября 2019 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», кор. 2006-2025. URL: https://svetlovsky--kln.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=185752902&case_uid=b8d3956c-463a-47bf-ad7c-ef281c3d5d86&delo_id=1540006&new=0 (дата обращения: 27.01.2025). – Прим.: подобные случаи описываются в судебных актах и других судов, например: Дело № 1-94/2023: Приговор Старорусского районного суда Новгородской области от 20 марта 2023 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», кор. 2006-2025. URL: https://starorussky--nvg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=63241822&case_uid=6df6ac68-8e38-4d35-8f3d-d2fc11a798dd&delo_id=1540006&new=0 (дата обращения: 27.01.2025); Дело № 1-332/2023 (1-1360/2022); Приговор Новгородского районного суда Новгородской области от 06 февраля 2023 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», кор. 2006-2025. URL: https://novgorodski--nvg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=62597675&case_uid=f3087188-96b6-4d9b-8ba7-a314ac94563f&delo_id=1540006&new=0 (дата обращения: 27.01.2025); Дело № 1-369/2022: Приговор Московского районного суда г. Калининграда от 26 октября 2022 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», кор. 2006-2025. URL: https://moskovsky--kln.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=194376744&case_uid=d24d97ac-c88e-4669-88c0-36c17cb189ed&delo_id=1540006&new=0 (дата обращения: 27.01.2025); Дело № 1-18/2022 (№ 1-221/2021): Постановление Вологодского районного суда Вологодской области от 26 января 2022 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», кор. 2006-2025. URL: https://vologodsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=120708867&case_uid=cde83001-1c36-4dbf-8dfa-d543ca8d2b35&delo_id=1540006&new=0 (дата обращения: 27.01.2025) и др.

² Дело № 1-148/2020: Приговор Плесецкого районного суда Архангельской области от 07 сентября 2020 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», кор. 2006-2025. URL: https://pleseck--arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=222008209&case_uid=e4fe132b-514a-4ac4-b43b-9ad62a1211c8&delo_id=1540006&new=0 (дата обращения: 27.01.2025). – Прим.: подобные случаи описываются в судебных актах и других судов, например: Дело № 1-26/2018: Постановление Лешуконского районного суда Архангельской области от 21 мая 2018 г. Текст: электронный // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», кор. 2006-2025. URL: https://leshksud--arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=242270440&case_uid=09b15779-714f-4284-8e54-31ea4013cb18&delo_id=1540006&new=0 (дата обращения: 27.01.2025) и др.

³ Дело № 1-489/12-2019: Приговор Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 16 июля 2019 г. Текст: электронный // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», кор. 2006-2025. URL: https://petrozavodsky--kar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=1540006&new=0 (дата обращения: 27.01.2025) и др.

для этого денежные средства и ювелирные украшения потерпевшей. Жертва передала указанное имущество.

Позже Т. В. Полякова предложила знакомой С. Ф. Бломбеус поучаствовать в преступлении, на что та ответила согласием. В назначенное время Т. В. Полякова пришла с С. Ф. Бломбеус к потерпевшей. Т. В. Полякова сообщила, что С. Ф. Бломбеус обладает более сильными магическими способностями по «снятию порчи». Поверив Бломбеус, потерпевшая выполнила указания преступницы: передала уже ей еще денежные средства и ювелирные украшения, необходимые якобы для проведения ритуала по «снятию порчи».

б) Усиливает психологическое воздействие на жертву и убеждает ее в наличии у соучастника экстрасенсорных способностей: соучастник якобы случайно встречает «целителя» и благодарит его (при свидетельстве жертвы). Так, в приговоре Киришского городского суда Ленинградской области⁴ описывается следующее: Мальван Г. М. и Марцинкевич К. А. вступили в преступныйовор. Г. М. Мальван (представившись Анной) познакомилась с жертвой и сообщила, что на ней порча, которую необходимо снять. Потерпевшая согласилась провести обряд. Чтобы укрепить доверие потерпевшей к преступнице, Г. М. Мальван окликнула К. А. Марцинкевич: «Анна Васильевна, как я вам благодарна! Вы мне помогли, а не можете зайти ко мне еще? Мне позвонила моя знакомая, там тоже есть проблема. Может, поможете мне?» Г. М. Мальван ответила: «Я зайду к вам. Сейчас не могу. Мы договоримся с вами, когда я приду». Будучи свидетельницей разговора, потерпевшая поверила в истинность слов преступницы.

в) Отвлекает внимание от денежных средств и (или) ювелирных украшений. Так, в приговоре Бабаевского районного суда Вологодской области⁵ описывается следующее: преступницы (Жукова Р. Н. и Бурьяновская Т. Н.), проводили ритуал: Т. Н. Бурьяновская показала трюк со стаканом, а позже сказала, что для завершения ритуала необходим обряд с деньгами и ювелирными украшениями. Жертва положила их в платок. Р. Н. Жукова разговорами стала отвлекать потерпевшую, а Т. Н. Бурьяновская подменила платок с деньгами и украшениями на платок с бумагой.

IV) «Комбинированный»: для достижения максимального убеждения преступники сочетают несколько способов сразу. Так, в постановлении Лешуконского районного суда Архангельской области⁶ описывается следующее: преступницы (Вербицкая В. Н. и Голдобаева С. Н.) составили преступный план. В. Н. Вербицкая познакомилась с потерпевшей, сообщила, что на ней порча, и предложила провести обряд по ее снятию. Жертва согласилась. Во время ритуала В. Н. Вербицкая дала потерпевшей яйцо

id=150961006&case_uid=2b3eab38-5528-4ef6-85d6-91a50361a935&delo_id=1540006&new=0 (дата обращения: 27.01.2025).

⁴ Дело № 1-130/2021: Приговор Киришского городского суда Ленинградской области от 21 мая 2021 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», сор. 2006-2025. URL: https://kirishsky-lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=272096877&case_uid=99d7ecb1-7dda-4ceb-88c9-19b7833aab5&delo_id=1540006&new=0 (дата обращения: 27.01.2025).

⁵ Дело № 1-124/2018: Приговор Бабаевского районного суда Вологодской области от 20 декабря 2018 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», сор., 2006-2025. URL: https://babaevsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=84315504&case_uid=6aabfad9-72eb-4dc8-9e56-d16188bd2f90&delo_id=1540006&new=0 (дата обращения: 27.01.2025). – Прим.: подобные случаи описываются в судебных актах и других судов, например: Дело № 1-84/2021: Приговор Кичменгско-Городецкого районного суда Вологодской области от 23 декабря 2021 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», сор., 2006-2025. URL: https://kich-gorod--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=53021814&case_uid=daa326d0-15ba-4bc3-9cd0-6090223ffd7d&delo_id=1540006&new=0 (дата обращения: 27.01.2025) и др.

⁶ Дело № 1-50/2019: Постановление Лешуконского районного суда Архангельской области от 19 августа 2019 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», сор., 2006-2025. URL: https://leshksud-arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=242270086&case_uid=22f6ce7c-8fc5-4b49-b226-5cd8a0f442c3&delo_id=1540006&new=0 (дата обращения: 27.01.2025).

и попросила выполнить ряд действий. Затем преступница разбила яйцо, внутри которого было что-то черное, похожее на цыпленка. С. Н. Голдобаева изобразила сильный испуг, а В. Н. Вербицкая пояснила, что это и есть «порча». В данном случае мы видим комбинацию трех схем — «констатация факта», «доказывание» и «магическая поддержка».

Опосредованные способы: жертва, в силу жизненных трудностей, стремится найти человека, который якобы поможет ей. Способ можно подразделить на несколько:

а) «*По объявлению*»: знакомство происходит через средства распространения информации. Так, например, преступница, согласно приговору Вологодского городского суда Вологодской области, разместила в рекламной газете «Городок+» в двух номерах объявление *«Провидица и ясновидящая. Помогу: воссоединить семью, снять порчу, родовое проклятье, избавиться от венца безбрачия, отвернуть любовницу на полное равнодушие, заговорить от вредных привычек, поставить защиту на длительный срок или пожизненно, снять приворот, который сделан на крови, привлечь деньги и удачу, наладить отношения между родителями и детьми, успех в бизнесе и работе»*⁷ (к объявлению был приложен контактный номер телефона преступницы).

В XXI веке большую играют социальные сети («ВКонтакте», «Одноклассники», Telegram и т.д.). В связи с этим они становятся средством совершения преступления. Так, в приговоре Новгородского городского суда Новгородской области⁸ описано следующее: преступница в социальной сети создала страничку и разместила информацию о том, что она является внучкой целительницы Н* (из телевизионного сериала, транслируемого на канале ТВ-3), которая способна оказывать платные услуги по снятию порчи и сглаза, а также решать семейные проблемы путем проведения обрядов (это подтверждает тезис некоторых исследователей о том, что популяризации магических услуг содействуют средства массовой информации, транслирующие передачи и шоу соответствующего содержания [3, с. 141]).

б) «*По рекомендации*»: лицу была оказана оккультно-магическая помощь, и у него улучшилась жизненная ситуация. Этот человек будет поддерживать связь с преступником и рекомендовать его услуги. Так, из текста приговора Пряжинского районного суда Республики Карелия⁹ мы узнаем, что потерпевшая попала в трудную жизненную ситуацию. Пытаясь решить свои проблемы, она от подруги узнает, что ей может помочь Грузд У. Н. — женщина, обладающая магическими способностями и в силу этого способная решить проблемы потерпевшей. Потерпевшая связалась с ней и рассказала о своих

⁷ Дело № 1-73/2021 (1-1083/2020): Приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 12 июля 2021 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», кор. 2006-2025. URL: https://vologodskyygor--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_deло&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=70517140&case_uid=346c4241-22d7-482d-a8a5-ac026b471e81&deло_id=1540006&new=0 (дата обращения: 27.01.2025).

⁸ Дело № 1-1082/2020: Приговор Новгородского районного суда Новгородской области от 24 декабря 2020 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», кор. 2006-2025. URL: https://novgorodski--nvg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_deло&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=58353931&case_uid=1793b03c-bce9-48fd-bd4c-9ae3465753e8&deло_id=1540006&new=0 (дата обращения: 27.01.2025).

⁹ Дело № 1-2/2022(1-101/2021): Приговор Пряжинского районного суда Республики Карелия от 24 февраля 2022 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», кор. 2006-2025. URL: https://priazhsky--kar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_deло&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=135862750&case_uid=cf18370e-d596-4508-b655-6aed56493f5d&deло_id=1540006&new=0 (дата обращения: 27.01.2025). – Прим.: подобные случаи описываются в судебных актах и других судов, например: Дело № 1-276/2021: Приговор Череповецкого городского суда Вологодской области от 5 апреля 2021 г. // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», кор. 2006-2025. URL: https://cherepoveckyygor--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_deло&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=112177265&case_uid=9e3466b6-9933-4cde-b94c-17ca57dc2893&deло_id=1540006&new=0 (дата обращения: 27.01.2025) и др.

проблемах. Преступница сообщила, что на потерпевшую наложена порча, и она может помочь: для этого нужно вести диалог и проводить ритуалы (предупредив, что за каждый нужно будет заплатить).

в) «*По дружбе*»: преступника и жертву сводит общий знакомый. Спустя время потерпевший просит «друга» оказать ему магическую помощь. Так, в приговоре Плесецкого районного суда Архангельской области¹⁰ указано, что потерпевшая встречалась с молодым человеком. Он познакомил ее со своей знакомой — Вербицкой О. Н. Спустя время люди расстались. Потерпевшая продолжила общение с новой знакомой. Позже жертва спросила у О. Н. Вербицкой, сможет ли она «приворожить» к ней этого молодого человека. Преступница ответила согласием, но сообщила, что для этого ей нужно провести обряды и нужны деньги.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Таким образом, мошенничество в оккультно-магической сфере — следствие веры граждан в «сверхъестественные» силы, в связи с чем доверить свое здоровье гадалке, в сознании наших граждан, сопоставимо с обращением за помощью к медицинскому работнику [6, с. 67]. Распространению таких мнений способствует развитие медиакультуры [3, с. 329], а также отсутствие правового регулирования этой деятельности [1, с. 77].

Тема интересна для изучения, так как преступники будут совершенствовать существующие, а также создавать новые способы: этому способствуют трудности в определении пределов юридической ответственности [10, с. 38] и безнаказанность преступников [2, с 144] (несмотря на наличие материального и психического вреда [7, с. 148]). В связи с этим значимость результатов исследования заключается в следующем.

Во-первых, в помощи повышения эффективности правоприменения при квалификации подобного рода мошеннических действий органами предварительного расследования и судами.

Во-вторых, в решении вопросов о соединении и (или) выделении уголовного дела при выявлении мошеннических действий.

В-третьих, в аккумулировании знаний в сфере борьбы с подобного рода мошенническими посягательствами.

Литература:

1. Абрамян, С. К. Правовое регулирование оказания услуг оккультно-магического характера / С. К. Абрамян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 7. – С. 75–79.
2. Анисимов, С. Проблема правового регулирования рынка альтернативной медицины и экстрасенсорных услуг / С. Анисимов, И. Ю. Верчагина // Инновации в технологиях и образовании : сборник статей участников XIII Международной научно-практической конференции «Инновации в технологиях и образовании», 26 марта 2020 г. Филиал КузГТУ в г. Белово. – Белово: Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева. – 2020. – Т. 3. – С. 141–144.

¹⁰ Дело № 1-15/2023 (1-188/2022;): Приговор Плесецкого районного суда Архангельской области от 04 мая 2023 г. Текст: электронный // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», сор. 2006-2025. URL: https://pleseck--arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=222006294&case_uid=6a6546cb-667f-4344-9c01-ae4b379d1b5b&delo_id=1540006&new=0 (дата обращения: 27.01.2025).

3. Гришина, Е. А. Мистика, магия и оккультизм в потребительском пространстве российского общества / Е. А. Гришина, А. А. Кротова // Социальные проблемы сквозь призму социологических и маркетинговых исследований: сборник исследовательских очерков и методических материалов. Российский государственный гуманитарный университет / Под общ. ред. В. Ф. Левичевой. – М.: Ключ-С, 2021. – С. 328–281.
4. Гришина, Е. А. Оккультические услуги в потребительском пространстве современного российского общества / Е. А. Гришина // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2019. – № 4 (19). – С. 94–108.
5. Ерофеев, К. Б. «Магические услуги»: правовой анализ / К. Б. Ерофеев // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 3 (4). – С. 89–93.
6. Жалинский, А. Э. О возможности правового регулирования деятельности по оказанию оккультических услуг / А. Э. Жалинский, А. Э. Козловская // Журнал российского права. – 2006. – № 11. – С. 60–64.
7. Китаев, Н. Н. Юриспруденция и мистика / Н. Н. Китаев, В. Н. Китаева, Р. Г. Ардашев // Закон и право. – 2019. – № 1. – С. 147–149.
8. Нуугаева, Э. Д. Особенности расследования мошенничества при оказании оккультических услуг. Специальность 12.00.12 «Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность»: дисс. ... канд. юрид. наук / Эльвира Дамировна Нуугаева; Уфимский юридический институт МВД России. Уфа, 2018. 269 с.
9. Салаев, З. Р. Мошенничество, связанное с оказанием услуг оккультического и психологического характера (уголовно-правовое и криминологическое исследования). Специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дисс. ... канд. юрид. наук / Заур Ровшанович Салаев. Москва, 2022. 167 с.
10. Фруслов, И. Г. Некоторые аспекты нормативного регулирования в сфере метафизики / И. Г. Фруслов // Вестник экономики и права. – 2024. – № 97. – С. 37–40.

References:

1. Abrahamyan S. K. (2024) Legal regulation of the provision of occult and magical services / S. K. Abrahamyan // Humanities, socio-economic and social sciences. – No. 7. – Pp. 75–79. (In Russ.)
2. Anisimov S. (2020) The problem of legal regulation of the alternative medicine and extrasensory services market / S. Anisimov, I. Yu. Verchagina // Innovations in technology and education: a collection of articles by participants of the XIII International Scientific and Practical Conference “Innovations in Technology and Education”, March 26, 2020, KuzSTU Branch in Belovo. Belovo: Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev. Vol. 3. – Pp. 141–144. (In Russ.)
3. Grishina E. A. (2021) Mysticism, magic and occultism in the consumer space of Russian society / E. A. Grishina, A. A. Krotova // Social problems through the prism of sociological and marketing research: a collection of research essays and methodological materials. Russian State University for the Humanities; under the general editorship of V.F. Levicheva. Moscow: Klyuch-S. – Pp. 328–281. (In Russ.)
4. Grishina E. A. (2019) Occult services in the consumer space of modern Russian society / E. A. Grishina // Bulletin of the Russian State University of Economics. The series “Philosophy. Sociology. Art criticism”. – No. 4 (19). – Pp. 94–108.
5. Yerofeyev K. B. (2013) “Magic services”: a legal analysis / K. B. Yerofeyev // Eurasian Advocacy. – No. 3 (4). – Pp. 89–93. (In Russ.)
6. Zhalinsky A. E. (2006) On the possibility of legal regulation of the provision of occult services / A. E. Zhalinsky, A. E. Kozlovskaya // Journal of Russian Law. – No. 11. – Pp. 60–64. (In Russ.)

7. Kitaev N. N. (2019) Jurisprudence and mysticism / N. N. Kitaev, V. N. Kitaeva, R. G. Ardashev // Law and Law. – No. 1. – Pp. 147–149. (In Russ.)
8. Nugaeva E. D. (2018) Features of fraud investigation in the provision of occult services. Specialty 12.00.12 “Criminalistics, forensic expertise, operational investigative activities”: diss. ... kand. jurid. sciences / Elvira Damirovna Nugaeva; Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Ufa. 269 p. (In Russ.)
9. Salaev Z. R. (2022) Fraud related to the provision of occult and psychological services (criminal law and criminological research). Specialty 12.00.08 “Criminal law and criminology; penal enforcement law”: diss. ... kand. jurid. sciences / Zaur Rovshanovich Salaev. Moscow. 167 p. (In Russ.)
10. Fruslov I. G. (2024) Some aspects of regulatory regulation in the field of metaphysics / I. G. Fruslov // Bulletin of Economics and Law. – No. 97. – Pp. 37–40. (In Russ.)

Для цитирования / For citation:

Палашов В. А. Классификация способов совершения мошенничества в оккультно-магической сфере (по материалам практики судов Северо-Западного федерального округа) // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2025. – Т. 11. – № 1 (29). – С. 68–76.

Анализ проблем в сфере юриспруденции: особенности преимущественных прав и прав привилегий в контексте современного правоприменения

Спиридонова Виктория Денисовна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, факультет среднего профессионального образования (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

студент 3-го курса специалитета;

e-mail: vikaassy@yandex.ru

Научный руководитель:

Шурупов Сергей Евгеньевич, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; факультет среднего профессионального образования, отделение «Право и организация социального обеспечения» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

преподаватель высшей категории;

e-mail: shurupov-se@ranepa.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу соотношения преимущественных прав и прав привилегий в контексте современного правоприменения. Словарь Ожегова определяет «преимущество» как выгоду, превосходство или исключительное право, а «привилегию» — как преимущественное право или льготу. В законодательстве РФ термины используются без четкого разграничения. Выявление причин данного пробела и обоснованности использования этих видов прав стали основными исследовательскими вопросами. Конституция РФ гарантирует равенство прав, но преимущественные права и привилегии могут создавать неравенство, если их использование обосновано и не противоречит Конституции. В ходе исследования было выявлено, что преимущественные права предоставляются субъектам, владеющим объектами гражданских прав, чья деятельность приносит пользу обществу. Привилегии, в свою очередь, предоставляются нуждающимся или субъектам, выполняющим государственные функции. Также было аргументировано то, что привилегия является категорией, входящей в состав преимущественных прав.

Научная новизна исследования обусловлена возможностью выявить особенности, установить критерии и пределы разграничения правовых категорий преимущественных прав и прав привилегий в правовом механизме их применения, как в теории права, так и на законодательном уровне правового регулирования. Сущность исследования заключается в том, что на основе анализа элементов сходства и различия, противоречивого характера данных категорий, а в некоторых случаях и смешения доказывается их самостоятельность и специфичность, не противоречащая нормам права и позволяющая установить пределы использования терминов «преимущества» или «привилегии» и их обособление среди иных смежных правовых категорий.

Ключевые слова: права, привилегии, преимущественные права, общество, правоотношения, прогресс.

Analysis of Problems in the Field of Jurisprudence: Peculiarities of Pre-emptive Rights and Rights of Privilege in the Context of Modern Law Enforcement

Victoria D. Spiridonova, Northwestern Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Faculty of Secondary Vocational Education (Saint Petersburg, Russian Federation)
specialist student;
e-mail: vikaaassy@yandex.ru

Academic Supervisor:

Sergey E. Shurupov, North-Western Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Faculty of Secondary Vocational Education, Department of «Law and Social Security Organization» (Saint Petersburg, Russian Federation)

Teacher of the Highest Category;
e-mail: shurupov-se@ranepa.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the ratio of preferential rights and privilege rights in the context of modern law enforcement. Ozhegov's dictionary defines "advantage" as a benefit, superiority, or exclusive right, and "privilege" as a preferential right or privilege. In the legislation of the Russian Federation, the terms are used without a clear distinction. The identification of the reasons for this gap and the validity of the use of these types of rights have become the main research issues. The Constitution of the Russian Federation guarantees equality of rights, but preferential rights and privileges can create inequality if their use is justified and does not contradict the Constitution. The study revealed that preferential rights are granted to subjects who own objects of civil rights, whose activities benefit society. Privileges, in turn, are granted to those in need or to entities performing government functions. It was also argued that privilege is a category included in preferential rights.

The scientific novelty of the research is due to the opportunity to identify the features, establish criteria and limits for distinguishing the legal categories of preferential rights and privilege rights in the legal mechanism of their application, both in the theory of law and at the legislative level of legal regulation. The essence of the research lies in the fact that, based on the analysis of elements of similarity and difference, the contradictory nature of these categories, and in some cases, confusion, their independence and specificity are proved, which do not contradict the norms of law and allow to establish the limits of the use of the terms "advantages" or "privileges" and their isolation from other related legal categories.

Keywords: rights, privileges, preferential rights, society, legal relations, progress.

В словаре С. И. Ожегова сказано: «Преимущество — выгода, превосходство. Исключительное право на что-нибудь, привилегия»¹. В свою очередь, привилегия в этом словаре толкуется как «преимущественное право, льгота»². В нормативных правовых актах,

¹ Толковый словарь русского языка. 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений: словарь-справочник: сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/> (дата обращения: 15.11.2024).

² Там же.

как в источниках публичного, так и частного права, законодатель наравне использует понятия преимущества и привилегии. Появляется проблема — «игра слов», а причина этого — отсутствие разграничения представленных понятий. Следствием этой проблемы является безосновательность употребления того или иного понятия в законодательных актах. Подвергается критике и обоснованность использования преимущества или привилегий, которая является спорной.

При сравнительном анализе преимущественных прав и прав привилегий важно рассмотреть их положение по отношению к Конституции Российской Федерации. В п. 2 ст. 19 Конституции РФ закреплено, что государство — гарант равенства прав и свобод человека и гражданина. Законно ли тогда наличие прав, которые увеличивают возможности определенных субъектов и дискриминируют права других, кто в силу определенных законодательством причин ими не наделен? Стоит отметить, что характер использования привилегий и преимущественных прав необходим для обоснования и подтверждения того, что их наличие не противоречит основному законодательному акту Российской Федерации. Преимущественные права и права привилегии фактически являются фундаментом конституционного строя в условиях провозглашения Российской Федерации демократическим, правовым и социальным государством. Преимущественные права и права привилегии выступают гарантом всех экономических основ, предусмотренных Конституцией Российской Федерации.

Таким образом, в нашем исследовании мы постараемся обосновать необходимость наличия преимущественных прав и прав привилегий в законодательстве для целей развития общественных отношений, способствующих усилению роли государства в обществе [7, с. 90].

Действительно, оба вида прав направлены на принесение большей пользы определенным лицам, дискриминируя интересы других и уменьшая возможности для удовлетворения их интересов. Но оба вида прав направлены на улучшение общественных отношений, они работают на благо общества. Это подлежит исчерпывающему объяснению.

Итак, за что субъекты могут быть наделены преимущественными правами? Изначально это происходит из-за того, что субъект является обладателем неких объектов гражданских прав [9, с. 10] (это, к примеру, могут быть акции, доли в уставном капитале или арендованное недвижимое имущество). Пользование всеми упомянутыми объектами и связанная с ними деятельность приносит пользу не только одному субъекту, но и всему социуму в целом. Во-первых, повышается денежный оборот, во-вторых, могут производиться необходимые обществу товары или услуги, в-третьих, развивается бизнес. То есть сначала стоит совершить действия, приносящие благо обществу, а государство за это «наградит» субъекта гражданских правоотношений преимущественными правами. Таким образом, преимущественные права направлены на улучшение экономической сферы, защиту слабой стороны в гражданских правоотношениях, привносят в определенный вид общественных отношений стабильность. Последствием этого является совершенствование всех сфер общественной жизни на государственном уровне, что также повышает престиж страны на международной арене.

Привилегии могут содержаться как в нормах частного, так и публичного права. Так, например, привилегиями в условиях действия норм частного права могут наделяться нуждающиеся субъекты права в случаях, определенных законодательством. Государство призвано их защищать, и это закреплено фундаментальным нормативным правовым актом Российской Федерации. К примеру, при наступлении совершеннолетия ребенок-сирота, ребенок, оставшийся без попечения родителей, имеет право получить благоустроенное жилое помещение (ст. 8 Федерального закона РФ от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения

родителей»). Данная социально-обеспечительная мера и другие виды социальной помощи улучшают жизнь незащищенного слоя населения.

Привилегиями на уровне публичного права наделяются субъекты, которые своей деятельностью улучшают и развиваются различные сферы общественной жизни, в том числе выполняют государственные функции. Так, в частности, можно обратиться к привилегиям, которые предоставлены консульским учреждениям в государстве пребывания в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами (ст. 9 Федерального закона РФ от 05.07.2010 № 154-ФЗ «Консультский устав Российской Федерации»).

Также, например, основываясь на положениях Федерального закона РФ от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», Герои РФ, Герои СССР, депутаты Государственной Думы РФ, сенаторы Российской Федерации вправе обращаться за помощью в государственные органы в привилегированном порядке. Мы согласны с утверждением А. Г. Репьева, справедливо заметившим: привилегия «создает условия развития экономических и социальных сфер государства, стимулирует поиск новых средств производства и достижения высоких показателей в бизнесе, не говоря о ее функции как института международного права, заключающейся в содействии по выполнению публичных обязательств консулами, дипломатами и пр.» [6, с. 55].

В отличие от привилегий, по нашему мнению, преимущественные права — это относительные субъективные гражданские права, предоставляющие их обладателю, уполномоченному лицу, возможность требовать выполнения чужих действий и (или) действовать по своему усмотрению, преобладая над аналогичными возможностями других лиц [1, с. 840].

В правоотношениях, касающихся преимущественных прав, субъекту, конкретному лицу, противостоит строго конкретное лицо. В связи с наличием условий, определенных законом, уполномоченное лицо приобретает «дополнительные» права, которые позволяют урегулировать возникшие правоотношения в первоочередном порядке. При несоблюдении порядка разрешения правоотношений, связанных с реализацией преимущественных прав, субъект, чьи права были уменьшены и (или) нарушены, имеет право обратиться в суд.

Преимущественные права не ограничены определенным видом гражданских правоотношений. В частности, они могут возникнуть в обязательственных и корпоративных отношениях [2, с. 12]. В связи с этим есть виды правоотношений, в которых гражданские права образуются, изменяются или прекращаются только при наделении субъекта преимущественными правами. Мы полностью поддерживаем высказывание Д. В. Ломакина: «Преимущественное право следует рассматривать не в качестве права на защиту, а в качестве одного из способов защиты субъективных гражданских прав» [4, с. 421; 3, с. 421]. Следовательно, цель преимущественных прав — наступление юридических последствий.

Особенность преимущественных прав заключается в отсутствии полномочия требовать определенного действия и воздействия на волю оппонирующего субъекта. В статье 250 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ), в которой участники долевой собственности наделяются преимущественными правами, ничего не сказано о встречном обязательстве субъектов гражданского права. Но важным остается факт, что все участники гражданско-правового оборота обязаны соблюдать процесс реализации уполномоченным лицом своих прав в первичном порядке [10, с. 90]. Это будет являться императивной нормой права.

Прекращение преимущественных прав не иначе как связано с отказом от их реализации, который выражается владельцем в письменном виде. Данное положение, в свою очередь, будет являться диспозитивным. При этом срок, в который субъект имеет право воспользоваться своим правом, ограничен.

Рассмотрим другой вид прав — права привилегии. Привилегией называется право, предоставленное отдельному субъекту, как изъятие из общего закона, установленное в его пользу по исключению. Целью является наиболее полное удовлетворение опосредуемого интереса [5, с. 218].

Вернемся в частное и публичное право, в связи с этим привилегии могут быть положительными и отрицательными. Положительные привилегии, например, в частном праве дают право на совершение действий, не допускаемых законодательством. Так, правообладатель результата интеллектуальной деятельности вправе использовать его и распоряжаться им по своему усмотрению (ч. 1 ст. 1229 Гражданского кодекса). Отрицательные привилегии в публичном праве дают субъекту освобождение от тех или иных действий. Примером может служить то, что Герои Труда Российской Федерации имеют право на лечение в медицинских учреждениях, приобретение лекарственных средств, проезд в общественном транспорте на безвозмездной основе (положения Федерального закона РФ от 09.01.1997 № 5-ФЗ «О предоставлении социальных гарантий Героям Социалистического Труда, Героям Труда Российской Федерации и полным кавалерам ордена Трудовой Славы»).

Как и преимущественные права, привилегии могут быть императивными и диспозитивными. Императивность может быть выражена в обязательном освобождении всех судов РФ, государственных органов исполнительной власти РФ, государственных органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления от уплаты государственных пошлин (ст. 333.35 Налогового кодекса РФ). Диспозитивность заключается в том, что, к слову, Герой Труда РФ имеет право по своему усмотрению распоряжаться предоставленными ему привилегиями, то есть он может ими воспользоваться или отказаться от них³.

Привилегии могут быть личными и наследственными. Описанные ранее привилегии, предоставляемые лицам, имеющим особые заслуги перед государством, являются личными, так как они предоставляются только лицу, обладающему определенным званием, которое официально подтверждено. А исключительные права на произведения могут передаваться по наследству (ст. 1283 Гражданского кодекса), следовательно, они — наследственные.

Как в случае с преимущественными правами, так и в случае с привилегиями, при несоблюдении порядка разрешения правоотношений, связанных с этими правами, владелец привилегий, чьи права были умалены и (или) нарушены, может обратиться в суд. Это также необходимо рассматривать в качестве диспозитивной нормы права.

По сроку действия привилегии могут быть бессрочными и срочными. По нашему мнению, несмотря на то что бессрочные привилегии выделяются как отдельный вид, они, по своей сути, являются срочными, так как в конечном итоге правоотношения, связанные с такими привилегиями, могут завершиться. Срочные привилегии прекращаются при истечении срока привилегии (например, в ч. 1 ст. 1281 ГК РФ указано, что исключительное право на произведение действует в течение 70 лет, считая с 1 января года, следующего за годом смерти автора). А также при наступлении определенного условия, касающегося того или иного обстоятельства (при наступлении смерти владельца или ухода с занимаемой должности). Прекратившие исполнение полномочий сенатор Российской Федерации, депутат Государственной Думы обязаны освободить предоставленное им служебное жилое помещение со дня прекращения полномочий члена Совета Федерации, депутата

³ Пункт 14, 20 ст. 6.2 Федерального закона Российской Федерации от 09.01.1997 № 5-ФЗ «О предоставлении социальных гарантий Героям Социалистического Труда, Героям Труда Российской Федерации и полным кавалерам ордена Трудовой Славы» (последняя редакция) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – Версия Проф. – М., 2025.

Государственной Думы⁴. Также привилегии прекращают свое действие при отказе субъекта от предоставленной ему привилегии. В частности, при отказе от наследства, в которое входит исключительное право на произведение. Этот факт нашел отражение в ч. 1 ст. 1283 и ч. 1 ст. 1158 ГК РФ.

Таким образом, необходимо отметить, что преимущественные права и права привилегии являются всеобъемлющими. Они присущи нормам частного и публичного права, могут быть императивными и диспозитивными. Исходя из этого, можно сделать вывод, что преимущества и привилегии достаточно развиты в сфере права, так как регулируют самые разные правоотношения. Преимущественные права и привилегии не ограничены определенными правоотношениями, они — регулятор любых общественных отношений. Являясь таким регулятором, они приносят свой вклад во все сферы деятельности человека.

На основе представленного обзора, рассматривающего правовую природу преимущественных прав и прав привилегий, а также с помощью анализа правоотношений и нормативных правовых актов, связанных с темой исследования, мы пришли к выводу о том, что права привилегии являются составляющей преимущественных прав.

Права привилегии — часть, входящая в систему преимущественных прав. В своей работе С. Ю. Суменков отметил, что привилегия олицетворяет собой преимущество [8, с. 91]. Преимущественные права более обширны по сравнению с привилегиями, так как распространяются на большее количество отношений. Преимущественными правами законодатель наделяет субъекта с целью удовлетворения его прав в первоочередном порядке, что не всегда можно сказать о привилегиях. Преимущественные права и привилегии могут быть у каждого субъекта правоотношений, который обладает основаниями для наделения ими. Но для наделения субъекта привилегиями должны быть более веские основания.

Так, если обратиться к правовому регулированию акционерных обществ, то, во-первых, акционерное общество вправе эмитировать привилегированные акции в случае отражения данного факта в уставе общества. Владельцы такого вида акций первыми получают доход от организации при распределении прибыли после налогообложения — дивиденды (ст. 32 Федерального закона Российской Федерации от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»). Это их преимущество, что обосновано первоначальной функцией преимущественных прав — удовлетворение интересов в первоочередном порядке. Во-вторых, для акционерных обществ предусматривается специальное право, называемое «золотая акция». Держатели золотых акций вправе отменять любые решения акционерного общества или накладывать право «вето» на ранее принятые решения (ст. 38 Федерального закона РФ от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»). Под этим правом подразумевается привилегия, которая тесно взаимодействует с преимуществом. Это в обоих случаях выражается в первоочередности реализации определенных интересов. Но важно отметить, что привилегия не равна преимуществу. Это объясняется тем, что преимущества и привилегии приобретены по разным причинам. Оснований для получения различных привилегий меньше и встречаются они реже, что подтверждено вышеуказанными примерами. Владельцем специального права, то есть правом «вето», может быть государство в лице его уполномоченных органов. Иначе говоря, привилегия — совокупность прав субъектов правоотношений, входящих в состав преимущественных прав.

В связи с вышесказанным мы можем сделать вывод о наличии определенных проблем в сфере права и действующего законодательства, то есть пробелов и коллизий в законодательстве и толковании соответствующих норм права. Следовательно, подтверждается

⁴ Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (последняя редакция) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – Версия Проф. – М., 2025.

необходимость законодательного закрепления понятий «преимущественное право» и «право привилегии» и исследования их правовой природы.

Мы поддерживаем точки зрения ученых-юристов о необходимости закрепления в законодательстве правовых дефиниций, юридических категорий «преимущественное право» и «право привилегии» с учетом исследований их правовой природы и судебной практики.

На основании проведенного исследования мы согласны с точкой зрения В. А. Белова: «Преимущественное право — это относительное субъективное гражданское право, используемое в признанных государством правоотношениях. Преимущественным правом субъект наделяется в установленном законодательством порядке с целью удовлетворения опосредуемого интереса в первоочередном порядке». А для привилегии мы согласны с мнением Д. И. Мейера, что это — «право, предоставленное отдельному субъекту, как изъятие из общего закона, установленное в его пользу по исключению на законных основаниях с целью более полного удовлетворения опосредуемого интереса». Эти точки зрения, по нашему мнению, способствуют прекращению отождествления данных понятий, как в теории, так и в практике применения норм права, и дальнейшей возможности их закрепления в законе.

Данные правовые нововведения будут работать на благо законодательства и юриспруденции в целом.

Литература:

1. Белов, В. А. Гражданское право: Общая часть: учебник / В. А. Белов. – М., 2002.
2. Качалова, А. В. Особенности правовой природы преимущественного права на примере корпоративных правоотношений / А. В. Качалова. // Законодательство. — 2017. — № 1. — С. 12–18.
3. Ломакин, Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах / Д. В. Ломакин. – М.: Старт, 2008. – С. 509.
4. Мейер, Д. И. Русское гражданское право [Электронный ресурс]. — URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_29.html
5. Репьев, А. Г. Правовые преимущества и законодательные исключения / А. Г. Репьев // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. – 2017. – № 4. – С. 392–402.
6. Репьев, А. Г. Категория «привилегия»: доктрина, законодательство, практика / А. Г. Репьев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2020. — № 1 (85). – С. 53–60.
7. Суменков, С. Ю. Привилегия как правовое преимущество / С. Ю. Суменков // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 3 (51). – С. 88–96.
8. Суменков, С. Ю. Исключения в праве и преимущества в праве: критический анализ оценки соотношения / С. Ю. Суменков // Вестник СГЮА. – 2019. – № 4 (129). – С. 27–38.
9. Шайдуров, И. В. Преимущественные права в российском гражданском праве / И. В. Шайдуров // Научный журнал КубГАУ. – 2014. – № 103. – С. 1–12.
10. Шмаков, В. Н. Место и роль преимущественных прав в гражданском законодательстве России / В. Н. Шмаков, Н. Н. Дерюга // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2012. – № 3 (27). – С. 89–94.

References:

1. Belov, V. A. (2002). Civil law: The general part: Textbook. Moscow. (In Russ.)
2. Kachalova, A. V. (2017) Features of the legal nature of the pre-emptive right on the example of corporate legal relations // Legislation. – No 1. – Pp. 12–18. (In Russ.)

3. Lomakin, D. V. (2008) Corporate legal relations: general theory and practice of its application in business companies. Moscow: Statut. – P. 509. (In Russ.)
4. Meyer, D. I. Russian civil law [Electronic resource]. – URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_29.html (In Russ.)
5. Repyev, A. G. (2017) Legal advantages and legislative exceptions // Bulletin of the St. Petersburg State University. Episode 14. Right. – No. 4. – Pp. 392–402. (In Russ.)
6. Repyev, A. G. (2020) Category “privilege”: doctrine, legislation, practice // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – No. 1 (85). – Pp. 53–60. (In Russ.)
7. Sumenkov, S. Y. Privilege as a legal advantage / S. Y. Sumenkov. — Izvestiya VUZov. The Volga region. Social sciences. 2019. №3 (51). – Pp. 88–96. (In Russ.)
8. Sumenkov, S. Y. (2019) Exceptions in law and advantages in law: a critical analysis of the assessment of the ratio // Bulletin of the SSUA. – No. 4 (129). – Pp. 27–38. (In Russ.)
9. Shaidurov, I. V. (2014) Preferential rights in Russian civil law // Scientific Journal of KubGAU. – No. 103. – Pp. 1–12. (In Russ.)
10. Shmakov, V. N. (2012) The place and role of preferential rights in the civil legislation of Russia / V. N. Shmakov, N. N. Deryuga // Asia-Pacific region: economics, politics, law. – No. 3 (27). – Pp. 89–94. (In Russ.)

Для цитирования / For citation:

Спириданова В. Д. Анализ проблем в сфере юриспруденции: особенности преимущественных прав и прав привилегий в контексте современного правоприменения // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2025. – Т. 11. – № 1 (29). – С. 77–84.

Trade Wars: Impact of Interdependence and Asymmetry in Economic Relations on their Outcomes

Andrey Y. Trapeznikov, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Faculty of Economics and Finance (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student;

e-mail: atrapeznikov-21@ranepa.ru

Li Caiyue, Shanghai Customs University, Customs Management (Shanghai, China)
student;

e-mail: 0511220210@m.shcc.edu.cn

Yang Boyi, Shanghai Customs University, Customs Management (Shanghai, China)
student;

e-mail: yangboyi.yby@outlook.com

Academic Supervisor:

Elena V. Zhiryaeva, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Department of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation)

Professor of the Department, Doctor of Economics Sciences, Associate Professor;

e-mail: zhiryaeva-ev@ranepa.ru

Abstract

The paper is concerned with the asymmetry in the economic relationship between the United States of America (USA) and the People's Republic of China (PRC), focusing on the implications of their trade war. The objective is to predict which nation could withstand greater economic pressure and potentially win a severe trade confrontation. Employing a multifaceted approach, the study utilizes the Sectoral Hirschmann index, Regional Hirschmann index, Marginal Propensity to Import (MPM), and Import Penetration index to analyze trade dynamics. The results have shown the increase of China's export diversification, as evidenced by its Sectoral Hirschmann index with a downward trend, as well as its significantly lower Regional Hirschmann index, indicating that China is actively seeking to penetrate various international markets, reducing reliance on the USA. Conversely, the USA exhibits a stable, diversified export structure, but its trend of index shows a growing concentration in certain sectors. China's high import penetration index reflects its dependency on imports, typical of its role in the global supply chain, while the USA's lower index suggests strong domestic production. The findings suggest that the USA is more independent in absolute terms, but in terms of trends, China's proactive economic strategies post-trade war have been more effective, and, if the trends persist, the USA risks losing the trade war in the future. The author concludes by emphasizing the importance of trade diversification for nations to enhance resilience against geopolitical and economic uncertainties.

Keywords: Trade War, Asymmetry, Economic Pressure, Trade Diversification, USA, PRC

Торговые войны: влияние взаимозависимости и асимметрии в экономических отношениях на их результаты

Трапезников Андрей Юрьевич, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; факультет экономики и финансов (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
студент 2-го курса бакалавриата;
e-mail: atrapeznikov-21@ranepa.ru

Ли Цайюэ, Шанхайский таможенный университет, таможенный менеджмент (Шанхай, Китай)
студент;
e-mail: 0511220210@m.shcc.edu.cn

Ян Бойи, Шанхайский таможенный университет, таможенный менеджмент (Шанхай, Китай)
студент;
e-mail: yangboyi.yby@outlook.com

Научный руководитель:

Жиряева Елена Васильевна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; кафедра экономики (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
профессор кафедры, доктор экономических наук, доцент;
e-mail: zhiryaeva-ev@ranepa.ru

Аннотация

Статья сосредоточена на асимметрии экономических отношений между Соединенными Штатами Америки (США) и Китайской Народной Республикой (КНР), в контексте продолжающейся между ними торговой войны. Цель — предсказать, какая нация способна, согласно последним доступным на момент написания статьи данным, выдержать большее экономическое давление и потенциально выиграть при серьезной торговой конфронтации. Применяя многофакторный подход, статья задействует секторальный и региональный индексы Хиршмана, Маржинальную склонность к импорту и проникновение импорта для анализа торговой динамики. Результаты выступают индикатором идущей диверсификации экспорта со стороны Китая, в пользу чего свидетельствуют негативный тренд секторального индекса Хиршмана и значительно меньший региональный индекс Хиршмана, демонстрирующий активное проникновения Китая на различные международные рынки, снижая опору на США. Напротив, США показывают стабильную и диверсифицированную структуру экспорта, но тренд индексных показателей отображает растущую концентрацию в определенных секторах. Высокое проникновение импорта в китайской экономике отражает ее зависимость от импорта, типичную для такой роли в мировой производственной цепи, в то время как меньшие показатели этого параметра у США отражают развитое местное производство. Результаты исследования указывают, что США — более независимая в абсолютных значениях сторона, однако, с точки зрения обнаруженных тенденций, проактивные экономические стратегии торговой войны КНР оказались эффективнее, и, если тренд сохранится, США рискуют проиграть в торговой войне в будущем. Сопутствующий вывод: диверсификация в торговле имеет большое значение для любой

нации, повышая ее устойчивость в условиях геополитической и экономической неопределенностей.

Ключевые слова: торговая война, асимметрия, экономическое давление, торговая диверсификация, США, КНР.

I. INTRODUCTION

In this survey we present the analysis of asymmetry in economics of trade partners that can lead to fatal disability of one side to support a stable inner economy without its trade partner. Asymmetry between countries engaging in trade wars makes it easier for one side to win for harder for the other side not to lose, and while the more collisions will come, the more severe trade wars can be expected. In this situation it's rational to try to predict which side is about to win if the most severe trade war that can possible be starts just now, and to choose the strategy. The most severe trade confrontation can be predicted between two modern leader countries, such as United States of America (USA) and People's Republic of China (PRC), which already started to engage in trade war and which have a high level of interdependence, harming every side of conflict during the happening escalations. The Sino-American trade conflict was started in March 2018 by American government of president Trump and led to a series of bilateral hostile economic actions. The conflict hurt both countries. Only in first two years Gross Domestic Product of USA and PRC decreased by -1.35% and -1.41% , respectively [10]. Even after such consequences conflict hasn't stopped, and next American President, Joe Biden, continued the trade policy of former president. At the time of writing this article there was no signs of cancelling such a trade policy by president Trump, who returned to his president's seat. This economic conflict can't be overlooked by scientists and needs to be analyzed, and this article is an invitation for discussion about asymmetry side of USA and PRC trade wars that may be even the most important factor in future stages of mentioned economic confrontation. We will try to find out if any side of this trade conflict may endure higher level of economic pressure, being able to win the possible hardened trade war, or not, and if this country is USA or PRC. For the sake of accuracy, the article contains analysis of data provided by complex of methods, which can show the real situation from different sides and provide in sum a more relevant picture of abilities and disabilities of USA and PRC in possible hardened competition.

II. THEORETICAL FRAMEWORK

Since the beginning of Sino-US trade war there was a lot of works, measuring the effects of ongoing confrontation and abilities of opponents. Computable General Equilibrium (CGE) models were most popular method. For example, some valuable numbers were provided in 2022 [10]. They showed the fall of world GDP due to confrontation and recommended import substitution, which should be the most effective for PRC. A lot of other scientists used different CGE models too. There are both results showing potential bigger PRC resilience [4; 3] and that US will suffer less [1]. One such article was devoted to international agreements and their impact, saying that Asia should benefit a lot, notwithstanding the trade war [13]. Some other collectives of authors used the standard trade model, and their results are contradictory too: both high negative consequences after even announcements of measures [6] and denial of important consequences [7]. Between other chosen methods there are

scenarios [14; 11], Trade Policy Uncertainty (TPU) [2] and geographic relational perspective [9]. One group of authors predicted big changes in world trade and bipolar world [11], while scenarios suggested in 2018 told about decoupling with USA and lasting global recession [14]. Article about TPU described negative impact of TPU on both countries, suggesting ways to fight this side of trade war [1]. Collective who chose to use geographical methods found possible parameters that can describe regions resilience: percentage of foreign firms in regions exports and if such a region is specialized on high-value-adding exports [9]. Articles, which were written in Russian, touched upon the trade war issues differently with their own conclusions. For example, one specialist defined the American sanctions injurious for PRC, but came to conclusion, that USA and PRC will come to agreement eventually [5]. Another article in the same year stated that possible agreement won't resolve the problems that started the war, predicting that conflict will last longer [4]. Some specialist looked from Russian perspective: professor Gordienko analyzed the Sino-American interdependence and history of trade war and suggested to cooperate with whether USA or PRC due to opening perspectives [8]. We will try to provide new review of trade war by analysis of four different criteria, that wasn't used in any of these articles.

III. METHODS

1. Sectoral Hirschmann index

The Sectoral Hirschmann index is used to reflect the degree of concentration within a country's or a region's exports across different industries. The mathematical formula is as follows⁵:

$$SH = \sqrt{\sum_i \left[\frac{\sum_d x_{isd}}{\sum_d X_{sd}} \right]^2}$$

The value interval is between 0 and 1, with 1 indicating that only one product is exported, which refers to a high degree of concentration. Vice versa, values closer to 0 suggest a more equal distribution of market shares among export industries.

2. Regional Hirschmann index

The Regional Hirschmann index serves as an indicator of the geographical distribution of exports. It assesses the extent to which a region or nation's exports are spread across various destinations. The mathematical formula is as follows⁶:

$$SH = \sqrt{\sum_d \left[\frac{\sum_s x_{sd}}{\sum_{sw} X_{sw}} \right]^2}$$

Similar to SH index, RH index also ranges from 0 to 1, with higher values signifying a concentration of exports in a limited number of markets.

⁵ Where, s represents the country of interest, d denotes the set of all countries globally, i signifies the specific sector of interest, x indicates the export flow of the commodity, and X represents the overall export flow. Each term within the brackets reflects the proportion of good i within the exports of country s .

⁶ Where, s represents the set of source countries being examined, d denotes the set of destination countries, w signifies the comprehensive set of countries globally, and X indicate the bilateral export flow from the source to the destination. Our objective is to aggregate the data across all destinations, thus ensuring that the sets d and w encompass identical elements.

3. Marginal Propensity to Import

Marginal Propensity to Import (MPM) quantifies the responsiveness of imports to income changes, calculated as the ratio of the change in total imports to the change in GDP over a specified period, usually one year. It can be expressed as follows⁷:

$$\frac{\Delta \sum_s M_{sd}}{\Delta GDP_d}$$

Meanwhile, the MPM can also function as an essential indicator for evaluating a nation's dependency on imports. A higher MPM indicates greater dependency on foreign goods for economic activities.

4. Import Penetration

The import penetration index shows how much domestic demand (which is found by subtracting net exports from GDP) is filled by imports. It's defined as the ratio of total imports to domestic demand, which can be expressed as follows⁸:

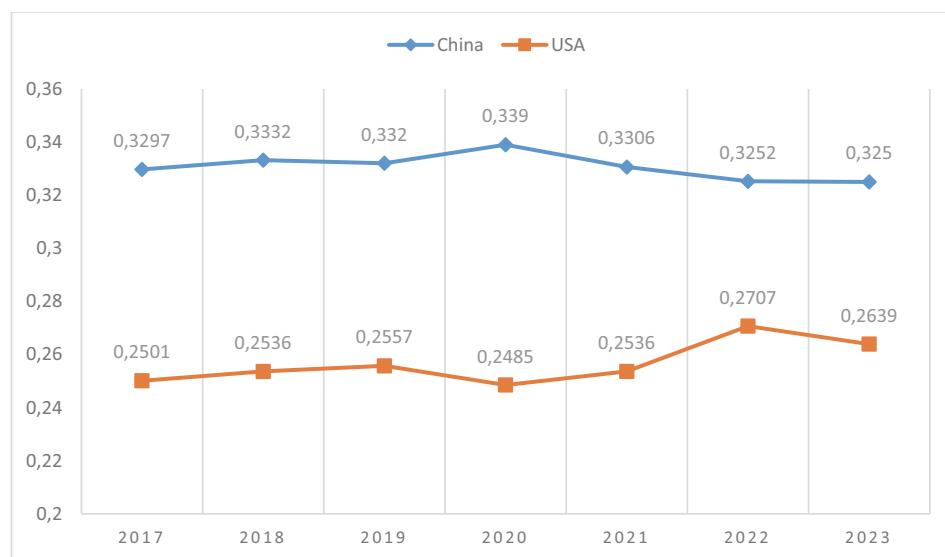
$$\frac{\sum_s M_{sd}}{GDP_d - \sum_s X_{ds} + M_{sd}} \times 100$$

Additionally, import penetration is a direct reflection of a country's dependency in the area of trade. Increased import penetration signifies greater dependency on imports for the specific product or industry.

IV. RESULTS

1. Sectoral Hirschmann index

Chart 1: Sectoral Hirschmann index of China & America (2017–2023)⁹
(compiled by the authors)

⁷ Where d is the country under study, s is the set of all other countries and Δ is the change operator, while M is total bilateral imports and GDP is gross domestic product (of country d). The values range from 0, indicating no additional GDP is directed to imports, to 1, where the entire GDP increase is spent on imports.

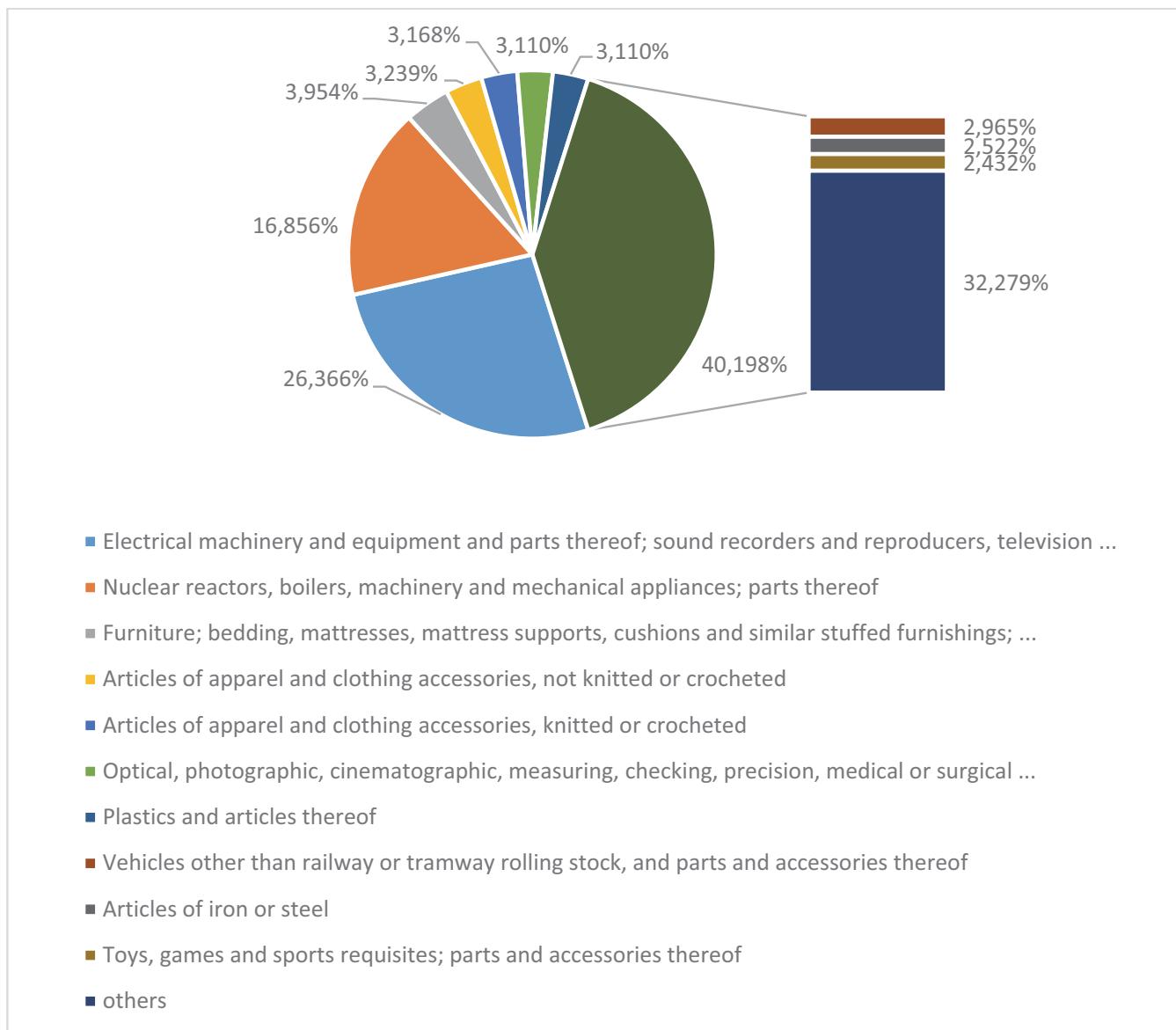
⁸ Where d is the country under study, s is the set of all other countries and X is total bilateral exports, while M is total bilateral imports and GDP is gross domestic product (of country d). Its values range from 0%, indicating complete domestic production with no imports, to 100 %, where all domestic demand is met exclusively through imports, with no domestic production or exports.

⁹ Source: TRADE MAP URL: <https://www.trademap.org/> (Visit date: 20.11.2024)

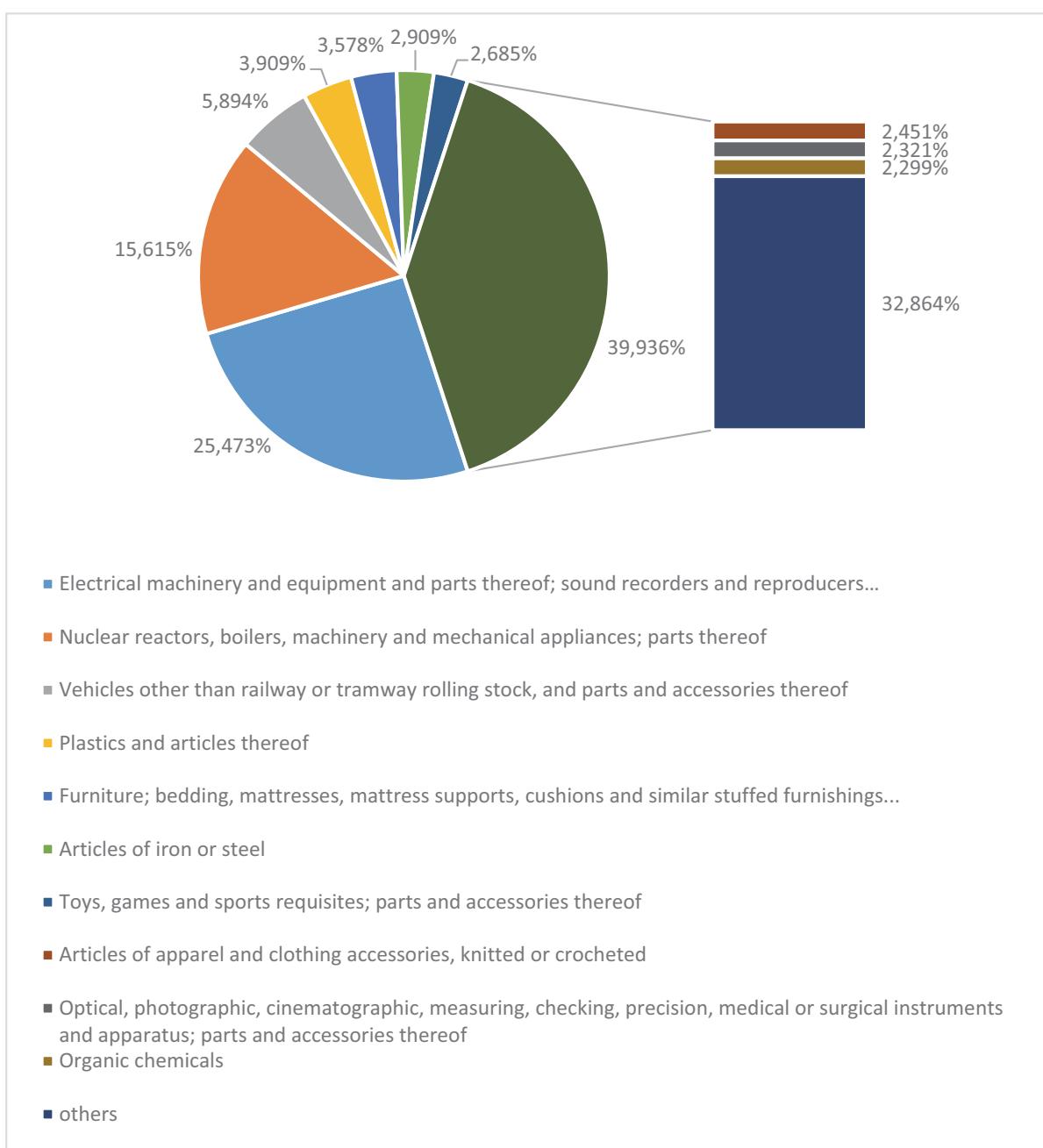
China's SH index shows a slight increase from 2017 to 2020, indicating a slight increase of concentration in certain sectors during that period. However, from 2020 onwards, the index decreases. In general, China's SH index dropped by 0.0047 from 2017 to 2023. This minor decrease suggests a gradual diversification of China's export over this period. The trend in the SH index indicates that China is progressively overcoming the impacts of the trade war.

The same conclusion can be drawn from the major export product share. China's first and second largest export products remain unchanged in 2017 and 2023, but their total proportion falls from 43.2 % to 41.6 %. The gap between the top five exported products narrows, reflecting a more diversified export product structure. In addition, the share of vehicle exports rises significantly, from 2.96 % in 2017 to 5.89 % in 2023, ranking third in China's export, while less technological products like furniture have seen a decline, indicating a shift towards a more technology-oriented export structure.

Chart 2: Major Product Share of China's Exports (2017)¹⁰
(compiled by the authors)

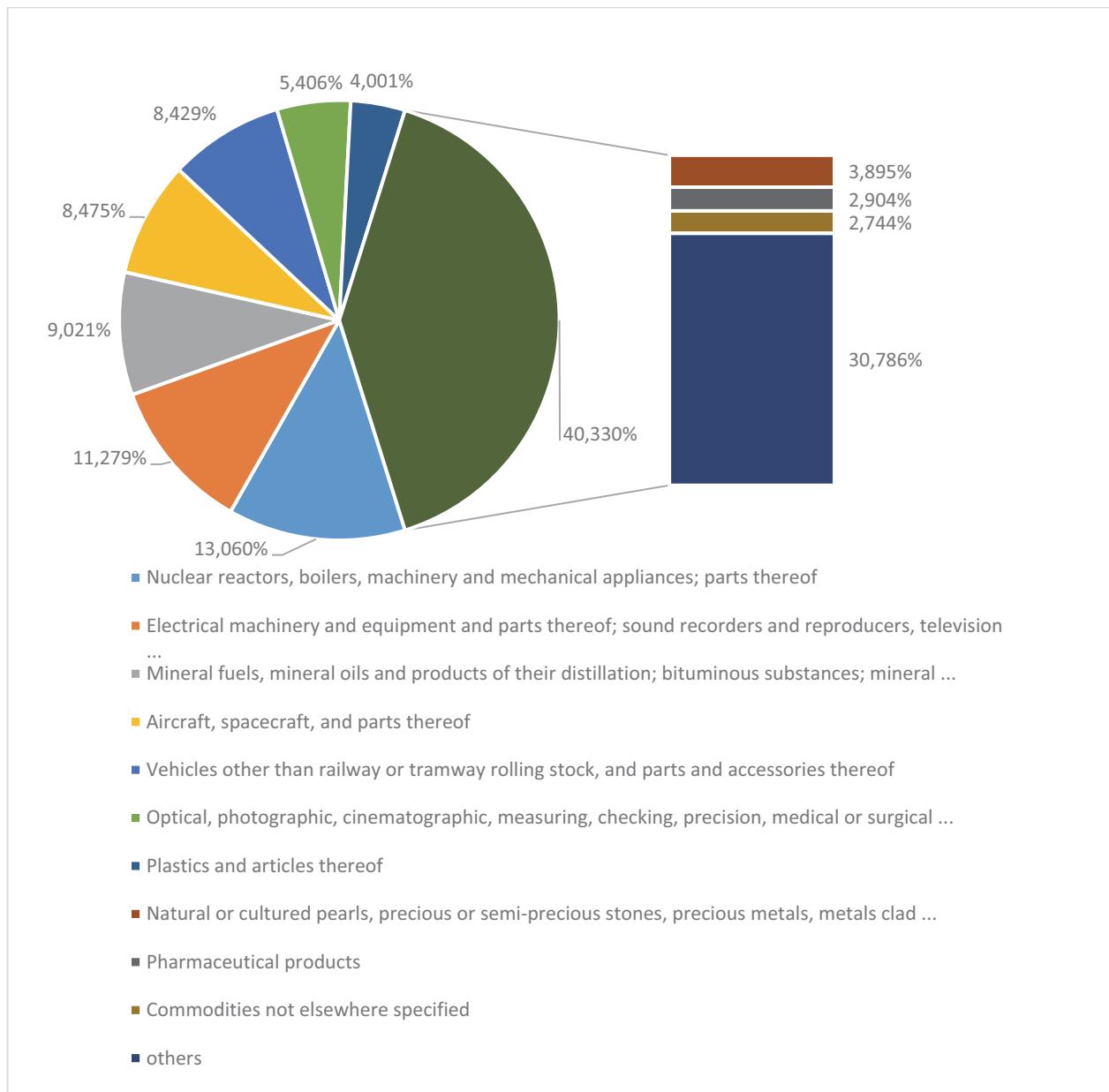

¹⁰ Source: TRADE MAP URL: <https://www.trademap.org/> (Visit date: 20.11.2024)

Chart 3: Major Product Share of China's Exports (2023)¹¹ (compiled by the authors)

For the USA, the SH index demonstrates a relatively stable pattern around 0.25 from 2017 to 2021. Over the span of 2017 to 2023, there is an increase of 0.0138. The sustained low level of the USA SH index signifies a broad and varied export portfolio, which typically confers resilience against market volatility. However, the pronounced fluctuations observed between 2021 and 2023, coupled with an overall upward trajectory in the index, suggest a growing concentration in certain export sectors. For example, from 2017 to 2023, the share of the top two exported products increases from 24.339 % to 27.545 %. Notably, in 2023, crude oil is poised to become the largest export commodity for USA for the first time in history. Against a backdrop of increased global economic uncertainty, this means that price volatility in the international oil market is likely to have a greater impact on the USA economy.

¹¹ Source: TRADE MAP URL: <https://www.trademap.org/> (Visit date: 20.11.2024)

Chart 4: Major Product Share of America's Exports (2017)¹² (compiled by the authors)

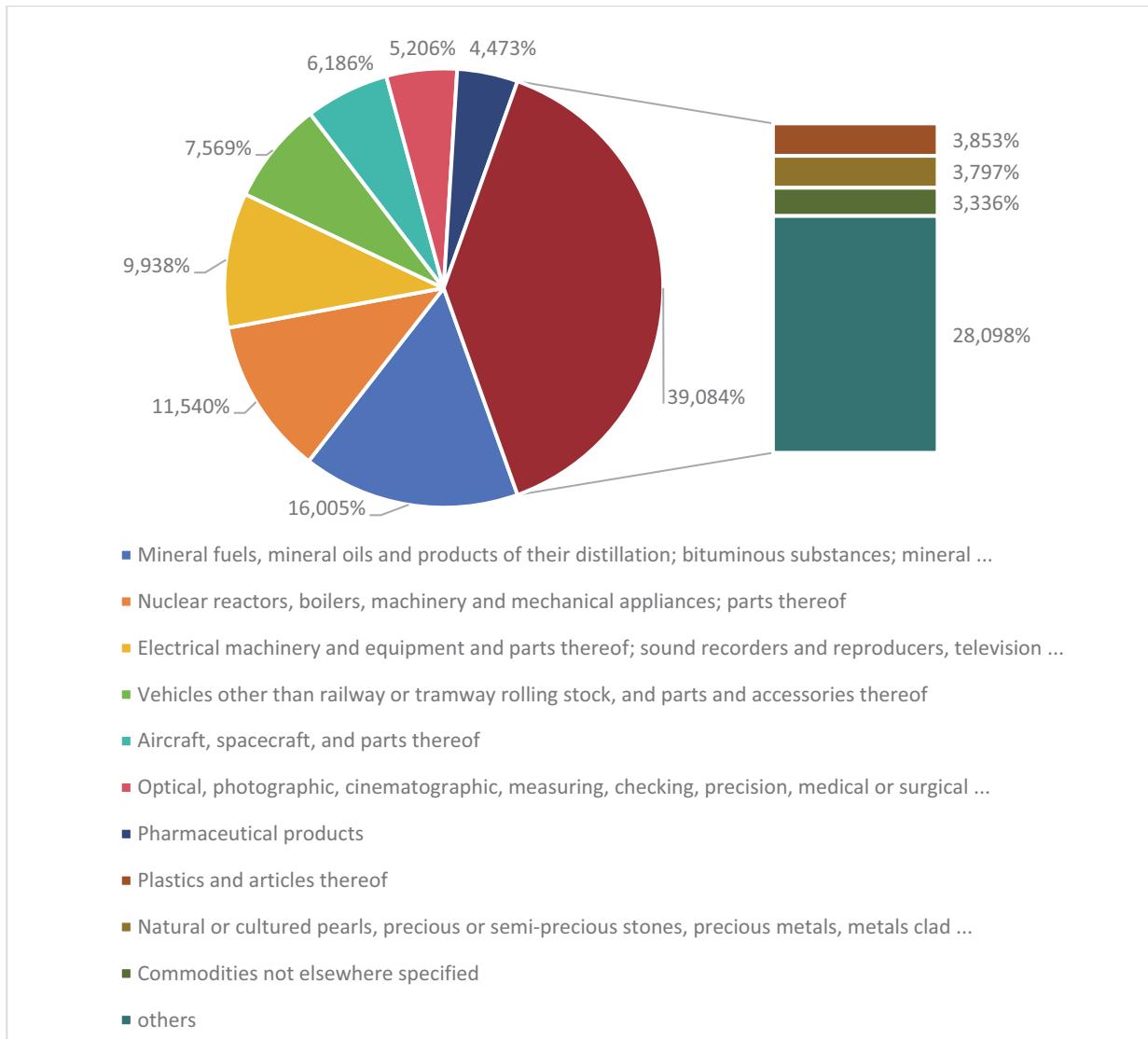
When examining the absolute size of the SH Index, it's evident that China's export concentration is generally higher than that of the USA. This is particularly noticeable when considering the top two product categories in China's exports, which contribute to a significantly larger share of the total exports compared to their counterparts in the USA. This disparity in concentration suggests that China's export landscape is more reliant on a smaller number of sectors. If the USA impose sanctions to these sectors, China's export would be influenced.

From the perspective of trend, China's SH index has generally exhibited a downward trajectory, whereas the USA SH index has shown an upward trend. The greater fluctuation of the USA SH index also suggests that the structure of the USA export economy is less stable. Throughout this period, the trade war has imposed significant challenges on the economies of both countries, compounded by the effects of pandemics, the subsequent global supply chain crisis, and rising geopolitical tensions. The decline in China's SH index amidst these adverse

¹² Source: TRADE MAP URL: <https://www.trademap.org/> (Visit date: 20.11.2024)

conditions suggests that the country is proactively pursuing changes and transformations in its export structure, and is beginning to see positive outcomes.

Chart 5: Major Product Share of America's Exports (2023)¹³ (compiled by the authors)

2. Regional Hirschmann index

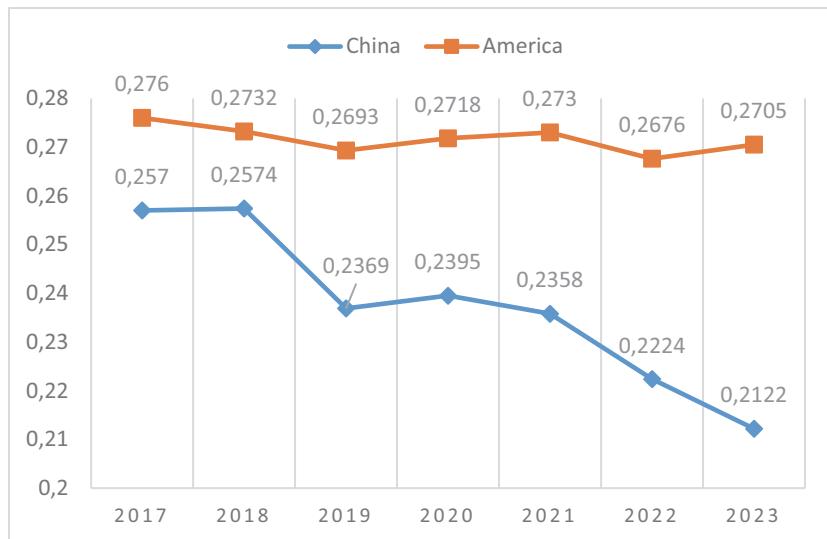
Numerically, China's RH index is lower than that of the US in every year, with a median level of 0.2369, while the median level of the index in the United States is 0.2718. This suggests that China has a more balanced and diverse export market.

In terms of the trend of change, China's RH index delineates a pronounced downward slope, with a notable plunge occurring from 2018 to 2019, indicating that China has been proactively venturing into alternative international markets beyond the USA. Despite the pandemic's influence, which kept China's RH index relatively stable at around 0.237 from 2019 to 2021, a consistent decline is observed from 2022, down to 0.2123 in 2023. For example, in 2023, China's exports to ASEAN account for 15.53 % of the total, overtaking the United States as China's largest export partner. Conversely, the USA, whose RH index has little change in general, fluctuates around 0.27 in 2017–2019, shows a slight downward

¹³ Source: TRADE MAP URL: <https://www.trademap.org/> (Visit date: 20.11.2024)

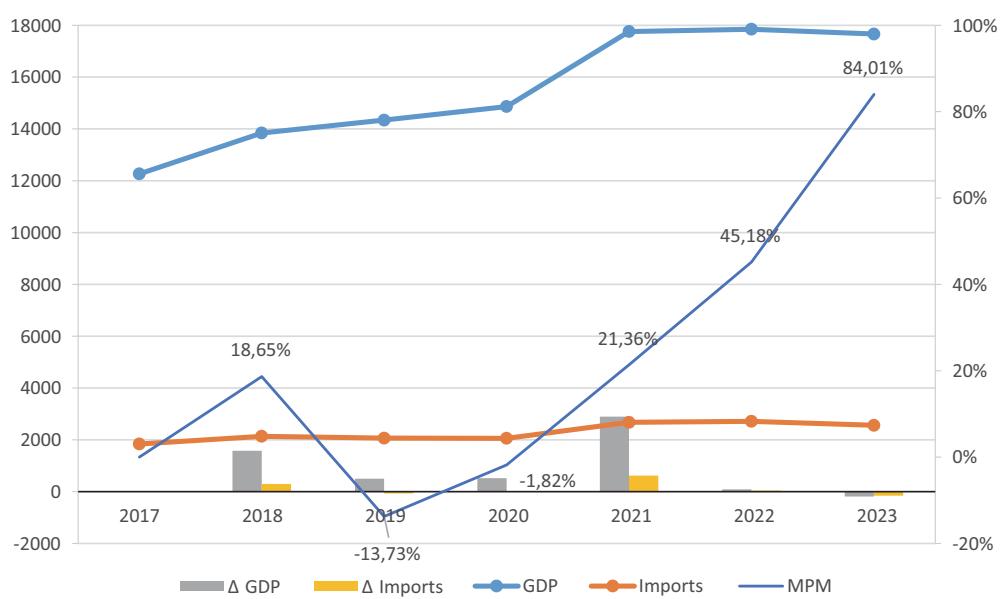
trend then an upward trend due to the impact of the epidemic and peaks at 0.273 in 2021, the highest level since the outset of the trade war. In the post epidemic era, the U.S. RH index floats with erratic changes. In 2017, the disparity in the RH index of the two countries is 0.019, and widens to 0.0583 in 2023. This indicates that China has implemented more effective measures to navigate the trade war, and relies on the U.S. market to a lesser extent.

Chart 6: Regional Hirschmann index of China & America (2017–2023)¹⁴
(compiled by the authors)

3. Marginal Propensity to Import index

Chart 7: Trade and Production Data for China (2017– 2023) (billions of US dollars)¹⁵
(compiled by the authors)

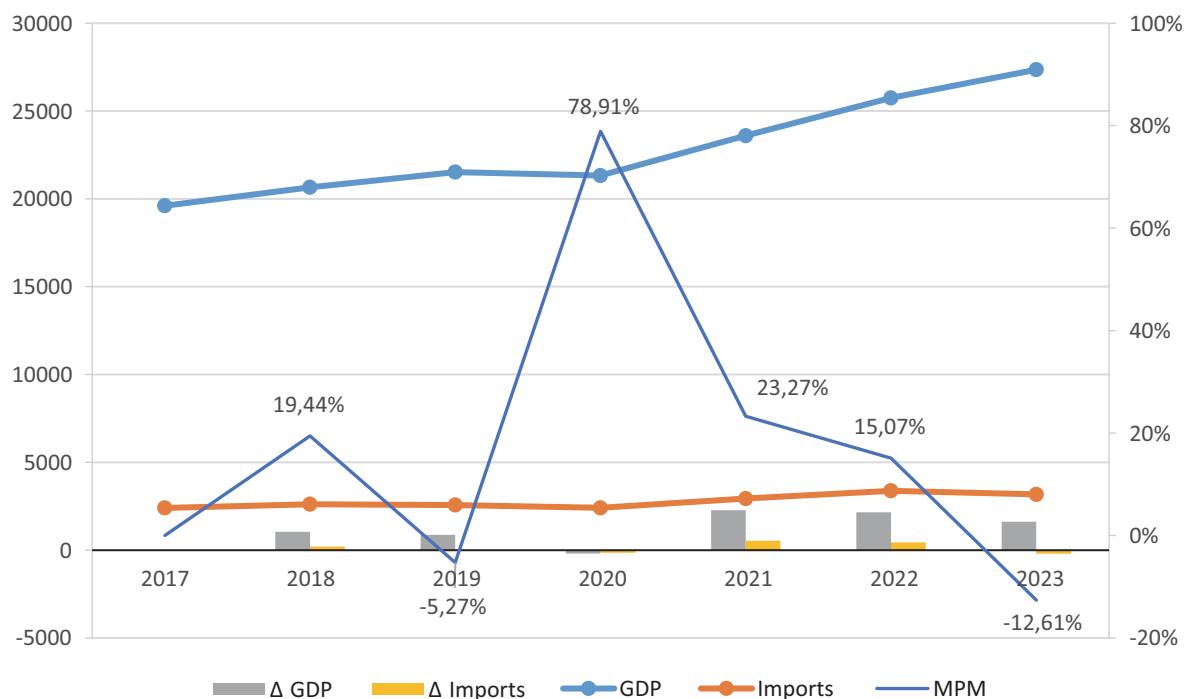

¹⁴ Source: TRADE MAP URL: <https://www.trademap.org/> (Visit date: 20.11.2024)

¹⁵ The GDP data is from the World Development Indicators (WDI), while the trade data is from COMTRADE. The same goes for the data sources for the tables in the following content.

Chart 7 indicate that China reached its minimum in 2019, marking the first negative figures. Imports fell despite modest GDP growth, likely because trade tensions prompted firms to adopt import substitution strategies and reduce dependency on US imports. Additionally, domestic industrial restructuring enabled localization of certain products, further decreasing import demand. In 2020, the decline in imports continued slightly, affected by the pandemic's disruption of global supply chains. Then, the MPM remained stable until 2021, showing a gradual increase with minor fluctuations in 2022. Notably, the MPM in 2023 is 0.8401, indicating a significant level. Despite a slight GDP contraction, the drop in imports is more pronounced, suggesting a reduced reliance on imports during economic downturns.

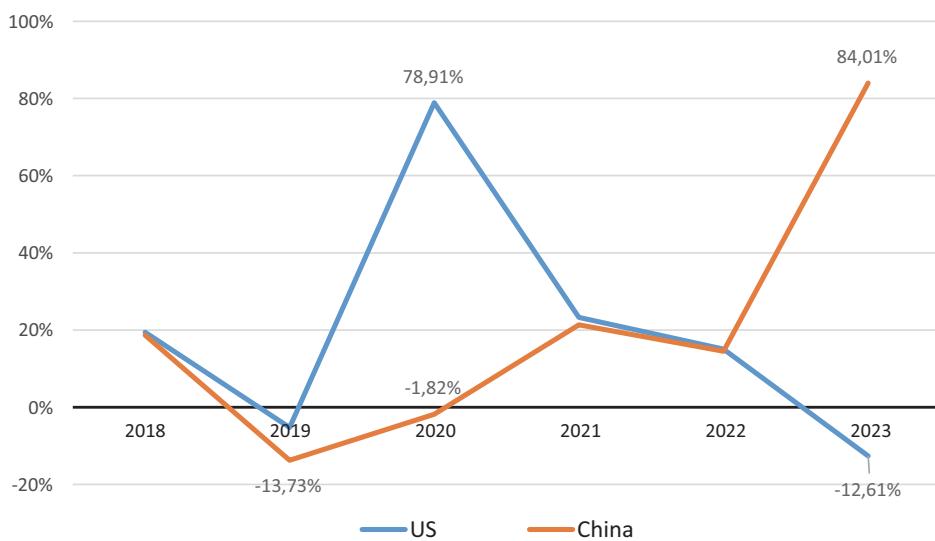
**Chart 8: Trade and Production Data for the USA (2017-2023) (billions of US dollars)
(compiled by the authors)**

Since 2017, the US has seen peak import prices, with the MPM declining annually into negative territory by 2019, signaling lower import prices. This trend aligns with global supply chain dynamics and monetary policy. In 2020, the MPM rebounded due to the pandemic, indicating increased import prices, while a slight decline occurred in 2021, though it remained positive. Moving into 2022–2023, GDP growth slowed down, accompanied by a deceleration in import growth. By 2023, briefly affected by the global trade environment and dollar fluctuations, the MPM returned to negative territory, revealing an atypical relationship where imports did not align with GDP changes. Internal structural shifts within the US economy may have impacted import dynamics, such as the rise of domestic industries substituting imported goods or shifts in consumer and business demand.

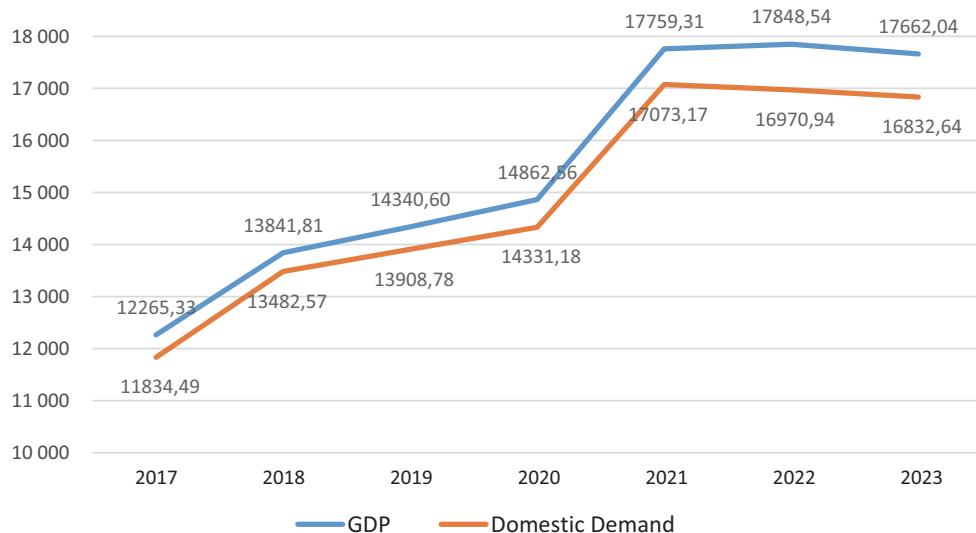
In the early years, particularly in 2018, the MPM for both were relatively aligned, suggesting a degree of similarity in their import behaviors. However, significant divergences emerged over time. In 2019–2020, China's MPM expressively declined, while the US experienced a modest decrease followed by a remarkable rebound in 2020. After that, both nations reported positive import values, though with differing magnitudes. By 2023, the US index reverted to negative, while China's remained positive and reached a peak.

Chart 9: Comparison of Marginal Propensity to Import Index (2017-2023) (compiled by the authors)

4. Import Penetration index

Chart 10: GDP & Domestic Demand Data for China (2017-2023) (billions of US dollars) (compiled by the authors)

This period reveals a complex trajectory of alterations in China. In the short term, China's import penetration increased during 2017–2018 due to domestic economic growth driving consumption upgrades and prompting to import technology and equipment to enhance production efficiency and quality. In 2021–2022, as China's economy rebounded, enterprises resumed operations and increased imports to satisfy demand, aided by restored trade channels. During the 2019–2020 downturn, rising trade tensions increased import costs, driving firms to pursue domestic alternatives, while the pandemic disrupted global supply chains, prompting a shift to local resources. In 2022–2023, high inflation with other challenges weakened market demand and pressured China's exports, causing to scale

back production and imports, while domestic industrial restructuring fostered import substitution. Despite short-term fluctuations, long-term trends will likely stabilize and converge.

Chart 11: Exports and Imports Data for China (2017-2023)
(billions of US dollars) (compiled by the authors)

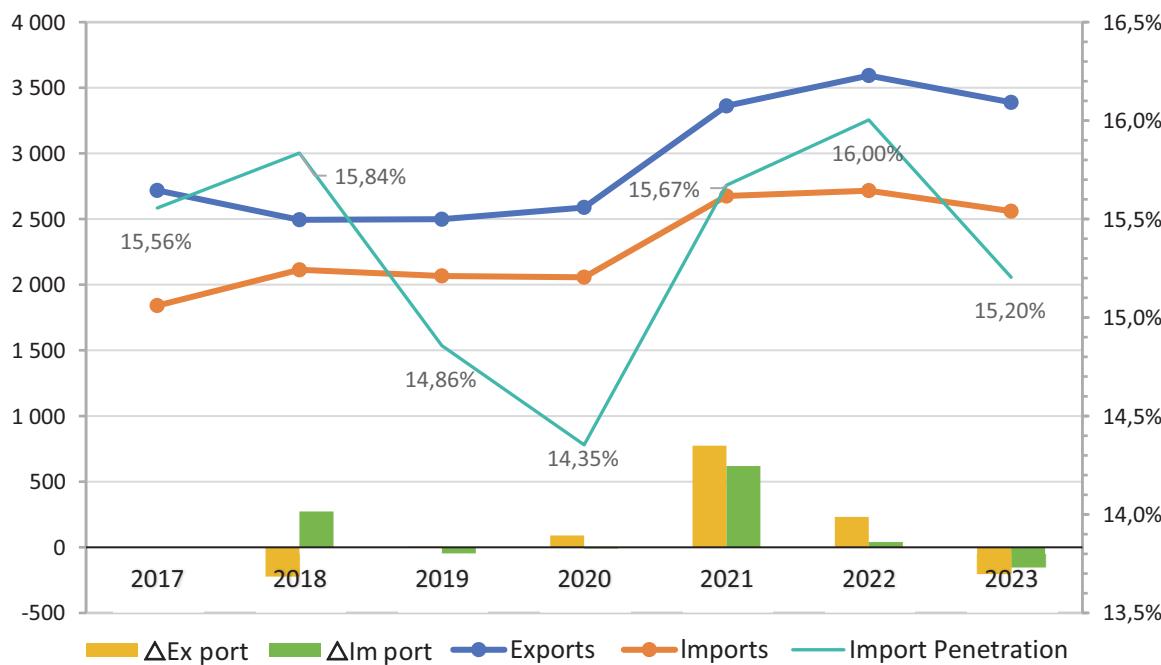

Chart 12: GDP & Domestic Demand Data for the USA (2017–2023)
(billions of US dollars) (compiled by the authors)

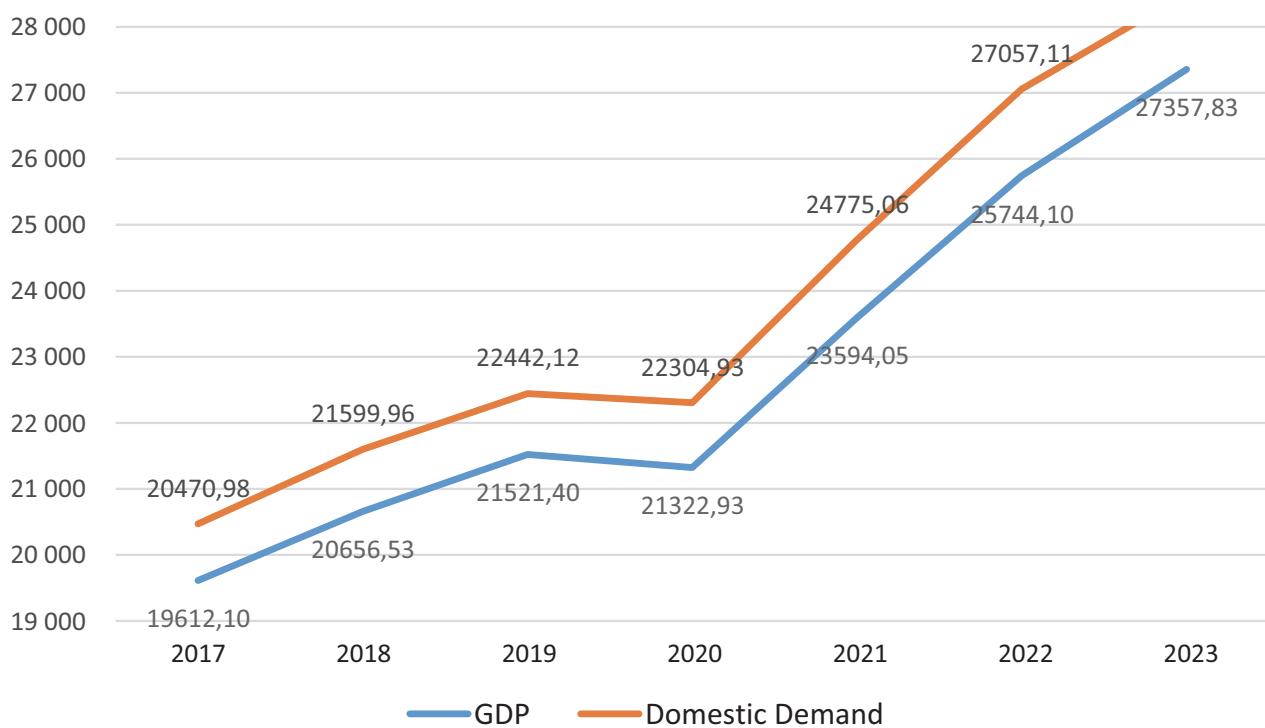
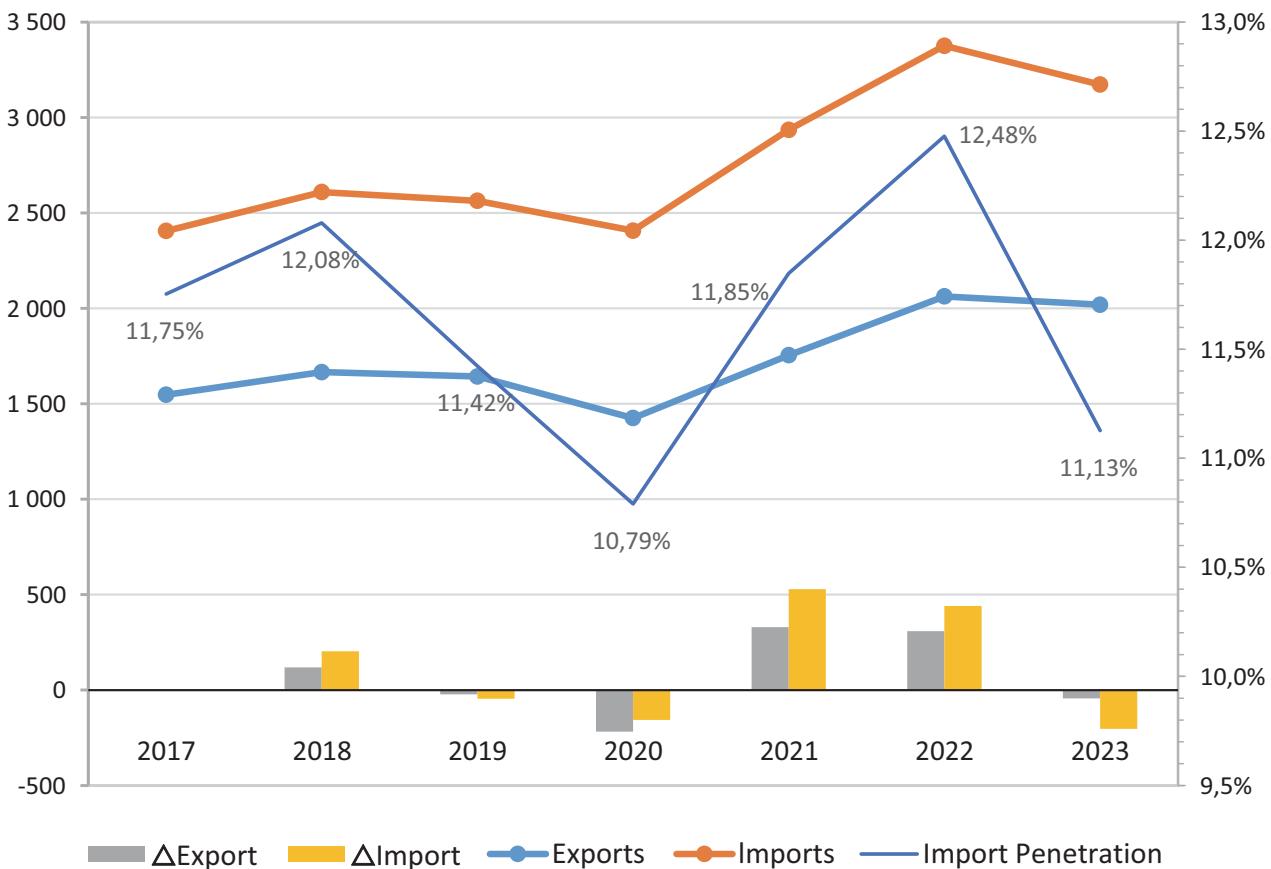

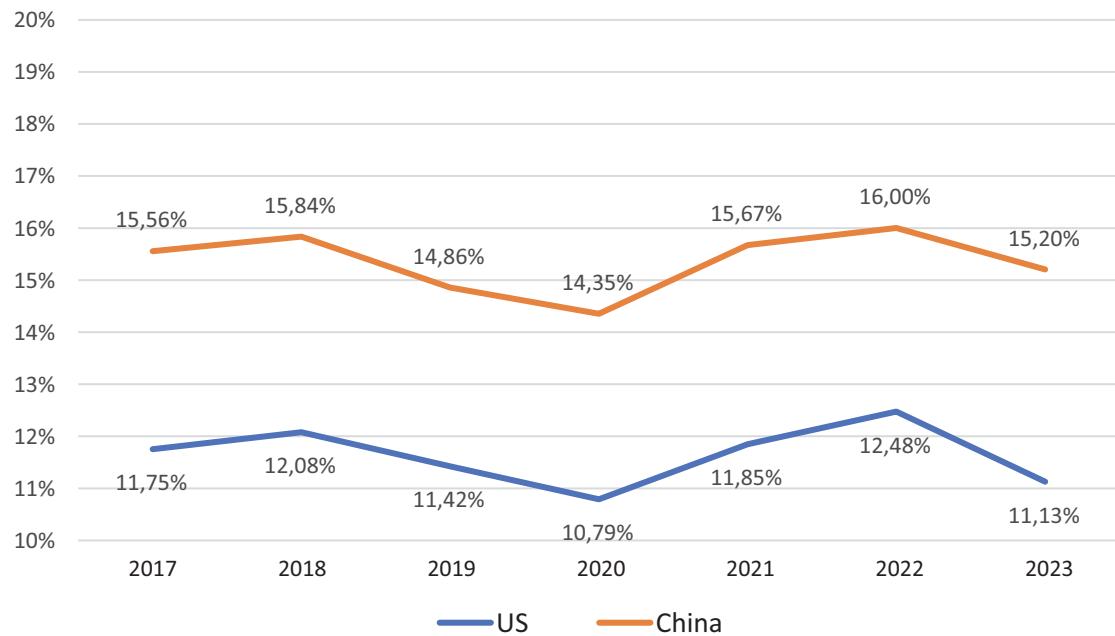
Chart 13: Exports and Imports Data for the USA (2017–2023)
(billions of US dollars) (compiled by the authors)

Starting at 11.754 % in 2017, it witnessed a gradual increase, indicating a growing dependency on imports to satisfy domestic consumption. However, a slight contraction occurred in 2019, suggesting a minor reduction in import reliance. The year 2020 experienced a significant drop, largely due to the pandemic-related disruptions and reduced import. Then, a recovery was evident with the index rebounding and it further surged in 2022 as the economy recovered and consumer demand heightened. In 2023, a slight decline was observed, potentially affected by changes in trade policy, increases in domestic production or shifts in consumer behavior. This data highlights the ongoing dependency of the US on imports with the index consistently remaining above 11 %, while illustrating the effects of economic fluctuations and global occurrences on import penetration.

From 2017 to 2023, China's import penetration index consistently surpassed that of the US, indicating a higher openness to imports and a greater degree of dependency on foreign goods in certain aspects. However, this dependency is not necessarily negative, which reveals China's active role in international trade and global economic integration. For example, as a major manufacturing country, its substantial demand for raw materials and intermediate goods results in significant import penetration. Conversely, the US's lower index suggests reduced import dependency, probably due to a more diversified domestic capacity that meets substantial demand, and US trade policies, particularly protectionism, curtail import inflows, further reducing the index. Meanwhile, trade asymmetry is apparent in China's high import penetration. This asymmetry stems from divergent trade policies and global economic conditions with China's liberalization promoting imports while US protectionism constrains them.

**Chart 14: Comparison of the Import Penetration Index (2017-2023)
(compiled by the authors)**

IV. CONCLUSION

The analysis of economic indicators reveals trade dynamics between China and the United States. China's high but declining Sectoral Hirschmann index indicates export diversification. The decreasing index shows efforts to penetrate various international markets, reducing reliance on specific regions, particularly the US. Conversely, the US maintains a stable but low Sectoral Hirschmann index with a diversified export structure that mitigates sector-specific shocks. Nonetheless, the recent increase in this index points to a growing reliance on certain export sectors. The US's lower import penetration index reflects strong domestic production to satisfy internal demand, yet it remains vulnerable to global trade volatility, as evidenced by pandemic-related disruptions. To conclude, in terms of absolute value, the United States is relatively more independent but in terms of prevailing trends, the economic strategies implemented by China post-trade war have demonstrated effectiveness, whereas the United States' development appears to be lagging. Hence, if this trend continues, the US risks losing its dominant position and will also be likely to lose the trade war in the future, given China's strong growth potential.

As mentioned before, the enduring dominance of the United States is under unprecedented challenges. The dynamic asymmetry between the United States and China is in a state of flux. China's increasing diversification in export sectors and markets suggests it is taking a proactive approach to reducing dependency on any single market, including the US. This strategy could lead to a more balanced trade relationship, where China is less susceptible to US trade policies and can negotiate from a position of strength. As a manifestation of anti-globalization, trade wars will only bring obstacles to the global flow of capital, commodities and human resources, which will not be beneficial to the long-term development of any country. We hope the strategic shifts in dependency levels will drive negotiations and shape the dynamics of trade policies in the future, restoring the principles of free trade to the international community. However, whether the trade war stops or not, it is imperative

for a nation to actively pursue a strategy of trade diversification, thereby diminishing its dependence on any single market and enhancing its resilience against geopolitical and economic uncertainties.

Reference:

1. Bellora, C., Fontagne, L. G. (2020) Shooting Oneself in the Foot? Trade War and Global Value Chains // CEPII Working Paper. – №. 2019. – 18.
2. Benguria, F., Choi, J., Swenson, D. L., Xu, M. (2022) Anxiety or pain? The impact of tariffs and uncertainty on Chinese firms in the trade war // Journal of International Economics. – Vol. 137. – 103608.
3. Bolt, W., Mavromatis, K., van Wijnbergen, S. (2019) The Global Macroeconomics of a Trade War. The Eagle Model on the US-China Trade Conflict / De Nederlandsche Bank Working Paper. – №. 623.
4. Carvalho, M., Azevedo, A., Massuquetti, A. (2019) Emerging Countries and the Effects of the Trade War between US China // Economies. – Vol. 7. – №. 2 – 45.
5. Danilin I. V. (2020) Sino-American Technology War: Risks and Perspectives for PRC and Global Technological Sector // Comparative Politics. – №. 4. – Pp. 160–176.
6. Fajgelbaum, P. D., Khandelwal A. K. (2022) The Economic Impacts of the US-China Trade War // Annual Review of Economics. – Vol. 14. – Pp. 205–228.
7. Fajgelbaum, P., Goldberg, P., Kennedy, P., Khandelwal, A., Taglioni, D. (2024) The US-China Trade War and Global Reallocations // American Economic Review: Insights. – Vol. 6. – №. 2. – Pp. 295–312.
8. Gordienko, D. V. (2021) Trade War and Sanction Struggle of USA and PRC // Herald of MFJU. – №. 1. – Pp. 68–88.
9. He, C., Li, J., Wang, W., Zhang, P. (2024) Regional resilience during a trade war: The role of the global connections and local networks // Journal of World Business. – Vol. 59. – №. 5. – 101567.
10. Itakura, K. (2020) Evaluating the Impact of the US-China Trade War // Asian Economic Policy Review. – Vol. 15. – Pp. 77–93.
11. Kapustina, L., Lipkova, L., Silin, Y., Drevalev, A. (2020) US-China Trade War: Causes and Outcomes // SHS Web Conf. – Vol. 73. – P. 01012. – DOI 10.1051/shsconf/20207301012. – EDN YDGYXD
12. Neradovskih, A. D. (2020) Perspectives of Development of Trade War between PRC and USA // Herald of Science and Education. – №. 15-2 (93). – Pp. 29–32.
13. Park, C.-Y., Petri, P.A., Plummer, M.G. (2021) The Economics of Conflict and Cooperation in the Asia-Pacific: RCEP, CPTPP and the US-China Trade War // East Asian Economic Review. – Vol. 25. – №. 3. – Pp. 233–272.
14. Steinbock, D. (2018) U.S.-China Trade War and Its Global Impacts // China Quarterly of International Strategic Studies. – Vol. 4. – №. 4. – Pp. 515–542.

Литература:

1. Беллора, Ц., Фонтане, Л. Стрельба себе в ногу? Торговая война и глобальные цепи стоимости // Рабочая Газета СЕПИ. – 2020. – № 2019. – 18.
2. Бенгурия, Ф., Чой, Дж., Свенсон, Д., Ксу, М. Беспокойство или боль? Влияние тарифов и неуверенности на китайские фирмы и в торговой войне // Журнал Международных Экономик. – 2022. – Т. 137. – 103608.
3. Болт, В., Мавроматис, К., ван Виджнберген, С. Глобальная макроэкономика торговой войны. Модель EAGLE для американо-китайского торгового конфликта // Рабочая Газета Нидерландского Банка. – 2019. – № 623.

4. Карвальхо, М., Азеведо, А., Массукьетти, А. Возникающие Страны и эффекты торговой войны между США и Китаем // Экономики. – 2019. – Т. 7. – № 2 – 45.
5. Данилин, И. В. Американо-китайская технологическая война: риски и возможности для КНР и глобального технологического сектора // Сравнительная политика. – 2020. – № 4. – С. 160–176.
6. Фейгельбаум, П. Д., Хандельваль, А. К. Экономическое воздействие американо-китайской торговой войны // Ежегодный обзор экономики. – 2022. – Т. 14. – С. 205–228.
7. Фейгельбаум, П., Гольдберг, П., Кеннеди, П., Хандельваль, А., Тальони, Д. Американо-китайская торговая война и глобальное перераспределение // Американский экономический обзор: Инсайты. – 2024. – Т. 6. – № 2. – С. 295–312.
8. Гордиенко, Д. В. Торговая война и санкционная борьба США и КНР // Вестник МФЮА. – 2021. – № 1. – С. 68–88.
9. Хе, К., Ли, Дж., Ван, В., Дзанг, П. Региональная устойчивость в течение торговой войны: роль глобальных связей и локальных сетей // Журнал мирового бизнеса. – 2024. – Т. 59. – № 5 – 101567.
10. Итакура, К. Измеряя влияние американо-китайской торговой войны // Обзор экономической политики Азии. – 2020. – Т. 15. – С. 77–93.
11. Капустина, Л., Липкова, Л., Силин, Я., Древалев, А. Американо-китайская торговая война: причины и исходы // Веб-конференция SHS. – 2020. – Т. 73. – 01012 – DOI 10.1051/shsconf/20207301012. – EDN YDGYXD
12. Нерадовских, А. Д. Перспективы развития торговой войны между КНР и США // Вестник науки и образования. – 2020. – № 15-2 (93). – С. 29–32.
13. Парк, С.-Ю., Петри, П., Пламмер, М. Экономика конфликта и коопeração в Азиатско-Тихоокеанском регионе: ВРЭП, ВПТПП и американо-китайская торговая война // Восточно-азиатское экономическое обозрение. – 2021. – Т. 25. – № 3. – С. 233–272.
14. Штайнбок, Д. Американо-китайская торговая война и ее глобальное влияние // Китайский ежеквартальный обзор международных стратегических исследований. – 2018. – Т. 4. – № 4. – С. 515–542.

Для цитирования / For citation:

Andrey Y. Trapeznikov, Li Caiyue, Yang Boyi. Trade Wars: the Impact of Interdependence and Asymmetry in Economic Relations on their Outcomes // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2025. – Т. 11. – № 1 (29). – С. 85–101.

Проблемные аспекты правового регулирования «культуры отмены» в России*

Щеглова Анна Константиновна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; юридический факультет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
студентка 4-го курса бакалавриата;
e-mail: ascheglova-21@ranepa.ru
ORCID: 0009-0006-6556-9347.

Научный руководитель:

Кречуняк Георгий Александрович, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; кафедра политологии и политического управления (Москва, Российская Федерация)
преподаватель кафедры;
e-mail: kreichunyak-ga@ranepa.ru

Аннотация

В статье представлена характеристика «культуры отмены» как деструктивного общественного явления, нарушающего основополагающие правовые принципы: презумпцию невиновности, право на доступ к правосудию, свободу мысли и слова, право на труд и творчество и некоторые другие.

Методологическую основу исследования составил общенациональный диалектический метод, с помощью которого был подробно изучен объект и предмет исследования. При подготовке работы также применялись историко-правовой и формально-логический методы, а также конкретно-социологический, системный и сравнительный анализы.

Такая форма общественного мнения, как «отмена» кого-либо, является прямым основанием для последующей деградации общества, перечеркивая все достижения человечества в области прав и свобод. Выявлена тенденция к развитию «культуры отмены» в России. При этом российское законодательство достаточным образом не успело отреагировать на этот вызов: новые нормы не введены, а существующие не могут быть должным образом реализованы. Причина этого видится в неполном осознании опасности набирающей популярность «культуры отмены» и несерьезным отношением людей к ее последствиям. Об этом, в частности, свидетельствует практически полное отсутствие судебного вмешательства в наиболее резонансные случаи «культуры отмены».

В статье проанализировано действующее административное и уголовное законодательство Российской Федерации на предмет определения подходящих механизмов борьбы с «культурой отмены», предложены варианты дополнения законодательства для обеспечения правовой защиты личности от негативных последствий «культуры отмены», что может быть использовано в правоприменительной, законотворческой и правозащитной деятельности, а также при дальнейших научных исследованиях по данному и смежным вопросам.

Ключевые слова: культура отмены; кэнселинг; права и свободы человека; институт репутации; презумпция невиновности; самосуд; травля; вигилантизм.

* Статья подготовлена в рамках участия в программе обучения молодых исследователей «Научный код» (Президентская академия, 2023–2024 уч. год). Результаты обучения были представлены на Молодежной секции научной конференции «Государственное управление и развитие России: новые горизонты и образ будущего», состоявшейся 20–21 мая 2024 года.

Problematic Aspects of the Legal Regulation of the «Cancel Culture» in Russia**

Anna K. Shcheglova, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Faculty of Law (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student;

e-mail: ascheglova-21@ranepa.ru

ORCID: 0009-0006-6556-9347.

Academic Supervisor:

Georgy A. Krechunyak, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Department of Political Science and Political Management (Moscow, Russian Federation)

teacher of the Department;

e-mail: krechunyak-ga@ranepa.ru

Abstract

The paper presents the characteristics of ‘cancellation culture’ as a destructive social phenomenon violating the fundamental legal principles: the presumption of innocence, the right to the access to justice, freedom of thought and speech, the right to labor and creativity and some others.

The methodological framework of the study is based on the universal scholarly dialectical method, which was implemented for the detailed analysis of the object and subject of the study. The research also involved the application of historical-legal and formal-logical methods, as well as concrete-sociological, systemic and comparative analyses.

Such form has been shown as an obvious foundation for subsequent degradation of society, negating all the achievements of mankind in the realm of rights and freedoms. The trend has been identified towards the development of ‘cancellation culture’ in Russia. At the same time, Russian legislation has not had enough time to respond to this challenge: new norms have not been introduced, and the existing ones cannot be properly implemented. The reason for this is believed to be a lack of awareness of the danger of the ‘cancellation culture’ gaining popularity and people’s somewhat frivolous attitude to its consequences. This is evidenced, in particular, by the almost complete absence of judicial intervention in the most high-profile cases of the ‘cancellation culture’.

The paper analyzes the current administrative and criminal legislation of the Russian Federation to identify appropriate mechanisms to combat the «cancel culture». The author suggests the solutions for supplementing legislation to ensure legal protection of individuals from the negative effects of the «cancel culture» to be employed in law enforcement, legislative and human rights activities, as well as in further academic research into this issue as well as some related problems.

Keywords: cancel culture; canceling; human rights and freedoms; the institution of reputation; the presumption of innocence; lynching; bullying; vigilantism.

** The article was produced within the framework of participation in the training program for young researchers “Academic Code” of the Presidential Academy (2023–2024 academic year), the results of having been presented at the Youth Section of the Scientific Conference Session “Public Administration and Development of Russia: New Horizons and Image of the Future” held on 20–21 May 2024.”

ВВЕДЕНИЕ

«Культура отмены», иначе кэнселинг (от англ. “cancel” — отмена) или травля, как социальное явление многолико и способно обращаться не только к конкретным людям, но и к таким обширным социальным группам, как народы и государства. Так, согласно опросам ВЦИОМ, 42 % российских граждан ощущают политическую «отмену» России западными странами, а 11 % сталкивались с ней лично¹. Наиболее ярко «личностная отмена» проявляется по отношению к публичным людям: общественное забвение с последующими сложностями в трудоустройстве и потере значимых регалий касалось таких известных людей, как американский актер Джонни Депп, российская телеведущая Регина Тодоренко, британская писательница Джоан Роулинг и многих других. В современной России единственным, кто имеет право осуществлять правосудие и признавать кого-либо виновным, является суд², и хотя бы поэтому попытки общества наказать провинившегося без закона и предусмотренного им процесса разбирательства должны пресекаться, в том числе правовыми методами. Более того, «отменяемому лицу» должны быть предоставлены способы защиты от любого обвинения, будь оно обоснованным или нет³.

На сегодняшний день отмечается рост проявлений «культуры отмены» в России. К примеру, в рамках исследования так называемой «новой этики» PBN Hill+Knowlton Strategies и исследовательское агентство MAGRAM Market Research обнаружили, что 67 % опрошенных россиян считали отказ от продуктов конкретной компании эффективным способом влияния на ее деятельность, а каждый третий опрошенный россиянин применял на практике данную меру⁴. Результаты попыток оценить рост «личностной отмены» в свободном доступе не представлены, однако и без социологического опроса можно вспомнить громкие случаи травли известных людей. К примеру, футболист Артем Дзюба за всплывшие в Интернете подробности его интимной жизни и телеведущая Регина Тодоренко за неаккуратную фразу, произнесенную в онлайн-трансляции, едва не лишились карьеры. Подобные примеры внеправового воздействия за деяния, не являющиеся наказуемыми в соответствии с российским законодательством, свидетельствуют о серьезнейших нарушениях прав человека, поскольку игнорируются основополагающие правовые принципы: презумпции невиновности, законности, справедливости наказания и возможности наложения его только уполномоченными на то субъектами [10, с. 109]. Более того, объем наказания также устанавливается исключительно судебной властью, а потому «общественная нагрузка» в виде расторжения контрактов, профессионального бойкота, другого воспрепятствования нормальной жизнедеятельности человека вдобавок к установленной в законе санкции чрезмерна и должна быть облечена в правовые рамки. Последствия «отмены» часто не сопоставимы с деянием осуждаемого лица: из-за неосторожной фразы человек может лишиться профессии, друзей, приобретенных за всю жизнь регалий. И всё это происходит без государственной санкции, хотя именно государству, согласно договорной теории возникновения государства, общество когда-то делегировало разрешение споров и установление общеобязательных правил для нормализации межличностных отношений.

¹ И снова об «отмене России» // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/i-snova-ob-otmene-rossii>

² Ст. 118 Конституции Российской Федерации: принятой всенародным голосованием 12.12.1993 [с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ] // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>

³ См. там же, ст. 45.

⁴ Более 60 % россиян готовы к новой этике // <https://www.sostav.ru/publication/kultura-otmeny-50888.html>

Дискуссионным остается вопрос о том, что представляет из себя такое поведение общества — утверждение закона или вызов ему? С точки зрения социологической концепции права весьма справедливым кажется аргумент о наибольшей эффективности законов, исходящих от народа, а значит, и признание законными действий, поддерживаемых обществом. Позитивисты считают иначе, указывая на то, что не может быть достигнут правопорядок путем нарушения закона, принятого легитимной и легальной властью, которая и избиралась обществом для принятия законов [17, с. 1227]. Вероятно, можно найти множество аргументов, оправдывающих действия приверженцев «культуры отмены», для оценки которых, однако, необходимо в большей степени рассматривать их результат. Он же, в свою очередь, чаще всего представляет собой нарушение основополагающих, а значит, одобренных обществом, прав. Не стоит забывать и о том, что невозможна консолидация всего общества — всегда найдутся люди с иным мнением. Соответственно, принятие обществом единого решения неосуществимо [19, с. 5–6], а предлагаемые государством механизмы участия населения в отправлении правосудия (например, посредством суда присяжных) не считаются достаточными и отвергаются [7, с. 265].

Ряд отечественных исследователей действительно придает кэнселингу характер противодействия интересов различных социальных групп [8, с. 249] и борьбы за определенную точку зрения [12, с. 37], что несколько нейтрализует его негативные оценки. Однако «культура отмены» на то и культура, что формирует у современных людей положительное отношение к решению социальных конфликтов путем травли, что постепенно может стать нормой регулирования общественных отношений. Последнее, в свою очередь, представляется огромным «шагом назад» в достижениях приверженцев естественного права, а потому «культура отмены» рассматривается нами как негативное явление.

МЕТОДОЛОГИЯ

Методологическую основу исследования составил всеобщий диалектический метод познания, наряду с которым широко применялся историко-правовой, конкретно-социологический, а также формально-логический и системно-структурный методы.

АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА «КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Исследователи предлагают различные подходы к пониманию «культуры отмены», однако многие сходятся во мнении, что как явление она преследует человечество практически с начала его существования — в форме реакции общества на деяния, которые по каким-либо причинам носят в глазах большей части его представителей негативный характер. По мере усложнения общественных отношений часть таких действий (бездействий) будут урегулированы правовыми нормами и выйдут из сферы влияния общественности, став прерогативой государства. С этого момента общество будет использовать внеправовые механизмы влияния на тех людей, которые не соответствуют нормам этики, то есть чье поведение представляет опасность для ценностей данного общества. В связи с этим не все рассматривают кэнселинг как исключительно негативное явление, ведь урегулировать правовыми нормами все общественные отношения невозможно, и, таким образом, социум самостоятельно и вполне естественно устраняет то, что нарушает «нормальное» его состояние или угрожает его существованию. Так, в современной трактовке «культура отмены» определяется как «рычаг давления» на лиц и объединения, имеющие высокий социальный статус, тем самым привлекая их к ответственности путем публичного осуждения [6, с. 586] и действуя при этом в формате «жесткой силы» [11, с. 53].

Кэнселинг также рассматривается в качестве способа предотвращения серьезных последствий аморального поведения [14, с. 37]. Рассматривается «культура отмены» и как способ разрушения репутации отдельных личностей, продвижение новых ценностей и «оружие» в информационных войнах [2, с. 164], в том числе в качестве политического инструмента. Природа же социальных сетей позволяет людям объединяться на фоне резонансных случаев нарушения каких-либо социальных норм, обеспечивая анонимность их действий и ощущение практически полной безнаказанности.

Некоторые проявления «культуре отмены» рассматриваются исследователями и как своеобразная форма доноса граждан о совершенном, по их мнению, правонарушении, обращенная к государству с целью принятия последним соответствующих мер [16, с. 201]. То есть «культура отмены» способна выступать своеобразным способом участия граждан в государственном управлении посредством повышения осведомленности о произошедшем инциденте.

Мы же соглашаемся с мнениями авторов, считающих, что современный облик «культуре отмены» становится всё больше схож с травлей за вполне правомерные высказывания [1, с. 15], которые если и считаются аморальными, то только в отдельных социальных группах.

С юридической точки зрения «культуру отмены» можно представить как *внеправовой инструмент, представляющий собой возложение на лицо обязанности претерпевать неблагоприятные последствия за совершенное им деяние, выраженное в нарушении неформальных норм, и характеризующийся произвольной интерпретацией при отсутствии выработанных процессуальных правил*. И именно с позиций права «культура отмены» представляется наиболее деструктивной, поскольку нарушаются основополагающие права личности — достижение человечества, к которому оно шло веками. Так, отказ от смертной казни в большинстве стран мира считается высшим проявлением гуманизма, так как признается ценность человеческой жизни в ее биологическом значении. Для человека же не менее важна его социальная жизнь, которой, подобно действию смертной казни, лишается «отмененная» жертва, иначе говоря, происходит «социальная казнь». Как известно, любое государство наказывает лиц, совершивших убийство, если только они не наделены соответствующими полномочиями экзекутора. Если уж поступок человека достоин высшей меры наказания, его приводят в исполнение государственные органы. Получается, «культуру отмены», если она не инициирована самим государством, возможно рассматривать как «социальное» убийство, то есть нечто неправомерное и требующее вмешательства уголовного закона.

Обратимся к истории вопроса. Считается, что термин «культура отмены» зародился еще в 1990-е годы, однако особую популярность приобрел с 2017 года с началом кампании #meetoo, связанной с обвинениями кинопродюсера Харви Ванштейна в сексуальных домогательствах, позже — в связи с деятельностью движения “BLM” [9, С. 40], получив распространение во многом благодаря интернет-технологиям. Вообще следует сказать, что многие формы общественной расправы зародились и активно применялись именно в США (например, суд Линча, виджилантизм и др.), возможно, именно поэтому современное течение, с которым «отмена» людей возродилась в новом виде, пришло оттуда. Сегодня во многих странах, в том числе и в США, распространена деятельность «цифровых мстителей» (“digital vigilantes”), иначе — вигилантов, то есть граждан, которые берут обеспечение правопорядка в свои руки, игнорируя тем самым существующую в стране систему правоохранительных органов и их работу, которая, по мнению таких лиц, недостаточно эффективна. Они так же, как и компетентные органы, собирают доказательственную базу, используя при этом, как правило, информацию из социальных сетей, публикуют ее на всеобщее обозрение, однако не руководствуются в своей деятельности

выработанными в юридической науке и практике методами расследования правонарушений [17, С. 25]. Это способно привести не только к некачественным, что в большинстве случаев означает — несправедливым и ложным, выводам, но и к нарушению права на частную жизнь лица, которое защищается при проведении расследования государственными органами.

Указанное выше не значит, что кэнселинг изначально характерен только для США. Например, в древнегреческом обществе практиковался остракизм, в средневековой Европе — различного рода «предания анафеме», в истории России присутствовал такой прообраз «культуры отмены», как солдатский и матросский самосуд. В современной России также есть представители вигилантских движений, например, «Лев против», борющееся с распитием спиртных напитков и курением в общественных местах; «Хрюши против», занимающееся контролем качества продуктов в магазине и на рынках [4, с. 124], и некоторые другие. Несмотря на очевидную общественно полезную цель указанных движений, некоторые из них в своей деятельности использовали насилие (в частности, распыление перцовых баллончиков), а также изъятие и уничтожение чужого имущества, что не может быть рассмотрено как правомерное участие общества в борьбе с правонарушениями.

При всем этом было бы неправильно отрицать значительную роль американского общества в распространении и популяризации таких методов выражения общественного мнения, как «отмена». Появление так называемой «новой этики» и ее распространение на территории СНГ связывают именно с процессами, происходящими в западных странах [5, с. 91]. Этот факт придает особую значимость зарубежному опыту при выборе средств для нейтрализации негативных проявлений кэнселинга в России, тем не менее ориентироваться исключительно на него не стоит ввиду специфики общественных отношений в каждой стране. Так, следует вспомнить, что попытка легализации социального неодобрения, которое, в свою очередь, служило идеологическим целям, была предпринята при создании «товарищеских судов» в СССР. Возрождение данного института, несмотря на присутствие некоторых его неоспоримых достоинств, невозможно в современной России, заявившей о себе как о демократическом и правовом государстве. Отечественные исследователи предлагают и иные способы урегулирования общественного мнения. Так, Ю. Д. Щипун считает эффективным способом «нейтрализации» негативных проявлений кэнселинга принятие ряда этических кодексов [15, с. 260]. С нашей точки зрения, это, безусловно, облегчило бы правоприменительную практику, поскольку перестал бы стоять вопрос о том, что соответствует нормам морали, а что нет. Однако формализация моральных норм, во-первых, автоматически превращает их в правовые, а во-вторых, невозможна в современной России ввиду большой вариативности представлений о нравственности.

Таким образом, «культуру отмены» можно определить как попытку общества вернуть себе часть делегированных государству полномочий в сфере определения обязательных правил поведения и наказания за их неисполнение, что подтверждается в том числе распространением практики самосуда и смежных социальных явлений в периоды ослабления ресурсов государственной власти (во время революций, гражданских войн, иной внутренней нестабильности). Между тем такие попытки ставят под угрозу существование самого государства, нарушают стабильность его функционирования, сообразованного с разработанными веками политико-правовыми конструкциями наиболее справедливого разрешения возникающих в обществе споров и разногласий. В связи с этим ставится под сомнение эффективность действующих механизмов участия граждан в осуществлении государственных функций (осуществления правосудия и уголовного преследования, применения иных мер публичного принуждения), потому как очевидна неудовлетворенность современного общества действующими моделями.

«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» В ПЛОСКОСТИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОТРАСЛЕЙ

Несмотря на назревший кризис в отношениях человек – государство, хаотичное, негрегулированное «вмешательство» в согласованный порядок реализации государственными органами возложенных на них полномочий по-прежнему не только препятствует их нормальному функционированию, но и, нарушая установленную процедуру, умаляет основополагающие права личности. Указанное требует правовой оценки, при этом в зависимости от конкретного проявления «культуры отмены» действие (бездействие) лица можно квалифицировать по-разному. Отметим только, что у всех составов будет схожий объект — репутация физического или юридического лица, субъективная сторона — умысел, объективная сторона — действие.

Общественная опасность, то есть фактический или потенциальный вред от правонарушения, выступает критерием разграничения действия уголовного и административного закона. Применительно к «культуре отмены» следует сказать, что в долгосрочной перспективе любое ее проявление опасно для сохранения того уровня развития общественных отношений, на котором человечество находится сейчас. Иначе говоря, кэнселинг выступает детерминантой общественной деградации, поскольку правовые способы разрешения конфликтов с выработанными тысячелетиями механизмами защиты отдельно взятой личности заменяются беспорядочными, зачастую несправедливыми последствиями возмущения толпы [3, с. 17].

Рассматривая общественную опасность кэнселинга в узком смысле, мы должны отметить, что проявления «культуры отмены» нарушают основополагающие права человека, закрепленные в Конституции РФ. Полагаем, что составы менее опасных деяний, представляющих собой проявление «культуры отмены», должны быть закреплены в главе 5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), а более опасных — в главе 19 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

В частности, предлагается дополнить содержание КоАП РФ и УК РФ составом «Травля»⁵ с разницей в том, что преступлением будет считаться деяние, повлекшее наступление существенного вреда правам и законным интересам граждан (потерю места работы, контрактов на сотрудничество, лишение авторства и др.). Понятие «травля» является обобщающим для всех видов социальных притеснений, включая мобинг, регулирование которого между тем возможно и трудовым законодательством [13, С. 93]. Квалифицирующим признаком данного преступления должно выступать совершение его с использованием сети Интернет, в частности, в виде присоединения к тренду на «отмену». Объективная сторона должна выражаться в личном участии в акции травли, в том числе в виде публичных призывов отказаться от социального взаимодействия с конкретной личностью (организацией) или продуктами их труда (например, путем демонстративного уничтожения предметов, связанных с жертвой), а также фактическими действиями, препятствующими социальному проявлению лица (профессиональный бойкот, запрет творчества лица, лишения авторства и др.).

Говоря о действующем законодательстве, нормы которого могли бы применяться по отношению к некоторым проявлениям «культуры отмены», нельзя не упомянуть «Хулиганство». Так, ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ устанавливает ответственность за мелкое хулиганство — нарушение общественного порядка, под которым понимается, помимо прочего, распространение в информационно-телекоммуникационных сетях информации, «выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общест-

⁵ Примечание: травля рассматривается автором как одна из наиболее популярных форм «культуры отмены».

венную нравственность»⁶. Ответственность за грубое нарушение общественного порядка предусмотрена ст. 213 УК РФ, в том числе таковым признается хулиганство, совершенное «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы»⁷, что довольно часто характерно для проявлений кэнселинга. От предложенного нами состава «Хулиганство» отличается основным мотивом, который выражается в виде хулиганских побуждений; лицо же, осуществляющее травлю, может действовать по личному мотиву — желанию восстановить, по его мнению, нарушенную социальную справедливость или наказать за совершение аморального, опять-таки, по его мнению, деяния. Наконец, травля является продолжаемым преступлением, состоящим из ряда тождественных действий преступного характера, объединенных единым умыслом, то есть направленных на достижение своей цели — утраты лицом положительной репутации с вытекающими последствиями в виде препятствий в социальном взаимодействии. Хулиганство, выраженное, например, в оскорблении, может быть эпизодом продолжающейся травли, и в таком случае оно не должно квалифицироваться отдельно.

С другой стороны, принцип экономии уголовной репрессии и административного принуждения заставляет нас дополнительно проверять общественную опасность каждого из рассмотренных нами деяний, которые хоть и содержат признаки преступления, но таковым не являются в силу своей малозначительности. Так, малозначительным деянием может быть признана перепубликация комментария пользователя, содержащего призыв «отменить» конкретное лицо или организацию, иным образом выраженное в пассивной форме одобрение действий лица, осуществляющего травлю, — в том числе путем проявления «лайка».

Полагаем также, что предлагаемый нами состав «Травля» следует относить к преступлениям средней тяжести и к делам частно-публичного обвинения по той причине, что, во-первых, анализ санкций статей главы 19 УК РФ определяет, что наибольшее число преступлений против конституционных прав человека относятся к категории средней тяжести ввиду своего объекта; во-вторых, во внимание берется сложность самостоятельного доказывания обстоятельств уголовного дела без участия правоохранительных органов, а также необходимость определить «сущность» нарушения прав и свобод, что, вероятно, может сделать только более опытный судья, то есть, как презюмируется, судья второго судебного звена, а не мировой судья. В-третьих, дела частно-публичного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя, таким образом, лицо, ставшее жертвой кэнселинга, может самостоятельно определить необходимость возбуждения уголовного дела, определив факт нарушения своих прав и свобод и оценив его характер, при этом дела частно-публичного обвинения не подлежат прекращению в связи с примирением.

ВЫВОДЫ

Сегодня «культура отмены» по-прежнему многолика. Выражаясь в массовых акциях травли, она превращается в инструмент борьбы отдельных социальных групп из-за разногласий по отдельным вопросам сосуществования. В ситуациях, когда такие конфликты основаны на разных морально-этических представлениях, их разрешение может

⁶ Ст. 20.1 ч. 3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002.

⁷ П. «б» ч. 1 ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996.

оказаться вне рамок правового регулирования, что, однако, не должно означать полную вседозволенность в выборе способа урегулирования возникшей проблемы.

При этом в России до сих пор отсутствует практика борьбы с «культурой отмены». На наш взгляд, это связано с неполным осознанием опасности набирающей популярность «культуры отмены» и несерьезным отношением людей к ее последствиям в совокупности со сложностью реализации правовых конструкций в силу специфики доказывания события правонарушения и установления виновных лиц. И тем не менее право обязано реагировать на любые факты умаления основополагающих прав и свобод человека, в том числе проявляющиеся под видом «общественного мнения».

Стоит отметить и другую «сторону» кэнселинга, а именно отражение через него потребности общества в большей вовлеченности в государственное управление. В период кризиса общество компенсировало слабость государства «своими руками». На сегодняшний день возрастающее внимание к такому способу разрешения конфликтов, как «отмена» кого-то, помимо прочего, может быть объяснена возрастающим гражданским самосознанием современных людей, которое и приводит к неудовлетворению старыми конструкциями участия в управлении делами государства. Указанная проблема — вызов современным системам государственного управления всех стран мира, потому как и «культура отмены» носит интернациональный характер.

Литература:

1. Ахмедова, Ю. Д. Культура отмены и персонификация политического дискурса / Ю. Д. Ахмедова, И. А. Быков // Вестник Кабардино-балкарского государственного университета: журналистика. Образование. Словесность. – 2021. – Т. 1, № 1. – С. 15–26.
2. Былевский, П. Г. Феноменологический анализ явления «культура отмены» / П. Г. Былевский, Е. П. Цацкина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 2 (857). – С. 162–168.
3. Виноградов, В. А. Анализ феномена «культура отмены» как инструмента регулирования общественных отношений / В. А. Виноградов // Журнал российского права. – 2023. – № 27(3). – С. 17–30.
4. Волкова, А. В. Гендерное измерение цифрового вигилантизма в России / А. В. Волкова, Г. В. Лукьянова, Т. А. Кулакова // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2022. – № 1. – С. 120–135.
5. Гусейнов, А. А. Что нового в «новой этике»? / А. А. Гусейнов // Ведомости прикладной этики. – 2021. – № 58. – С. 91–105.
6. Киселева, А. Э. Cancel culture и институт репутации в России / А. Э. Киселева, А. В. Муромская // Молодой ученый. – 2020. – № 48 (338). – С. 585–588.
7. Коротков, З. А. Актуальные проблемы деятельности суда присяжных в современных условиях / З. А. Коротков // Молодой ученый. – 2021. – № 48 (390). – С. 265–267.
8. Костенко, О. В. Историко-философские предпосылки становления понятия «культура отмены» / О. В. Костенко // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 5 (109). – С. 248–252.
9. Кузнецов, Г. Культура отмены: история и современность / Г. Кузнецов, М. Ступко // Социодиггер. – 2022. – № 3–4 (17). – С. 40—44.
10. Лисица, К. Э. «Культура отмены» как форма проявления стигматизации / К. Э. Лисица, В. А. Туркулец // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 6. – С. 107–110.
11. Савельчев, Л. А. Высшее образование как ресурс «мягкой силы» России в новых геополитических условиях. Часть 1: литературный обзор и постановка проблемы / Л. А. Савельчев // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 1 (10). – С. 10–20.

- вельчев // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2023. – Т. 9, № 3 (23). – С. 48–55.
- 12.** Субботина, М. В. Культура отмены: проявление социальной справедливости или новый инструмент манипуляции / М. В. Субботина // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 3 (95). – С. 34–37.
- 13.** Тимофеева, Е. В. Законодательное регулирование проявлений моббинга: российские правовые реалии и мировой опыт / Е. В. Тимофеева // Administrative Consulting. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 84–96.
- 14.** Филиппович, Ю. С. О некоторых особенностях феномена «культура отмены» / Ю. С. Филиппович, Г. С. Стрекалов // Электронный научный журнал «Коллекция гуманитарных исследований». – 2021. – С. 36–41.
- 15.** Щипун, Ю. Д. «Культура отмены» в России и США: сравнительное исследование / Ю. Д. Щипун // Материалы научного мероприятия «Дни студенческой науки». Хабаровск, 2021. – С. 257–260.
- 16.** Trottier D. (2019) Denunciation and doxing: towards a conceptual model of digital vigilantism/ D. Troitter // Global Crime. – Pp. 196–212. (In English) DOI: 10.1080/17440572.2019.1591952
- 17.** Haskel S. (2021) *Cancel Culture: A Qualitative Analysis of the Social Media Practice of Canceling* / S. Haskel // Boise State University. — P. 110. (In English)
- 18.** Hine K. D. (1998) Vigilantism revisited: an economic analysis of the law of extrajudicial self-help or why can't dick shoot henry for stealing jane's truck? / K. D. Hine // American University Law Review 47. — No. 5 (June 1998). — Pp. 1221–1255. (In English)
- 19.** Kantor A. (2010) “Understanding vigilantism” in Informal security providers and Security Sector Reform in Liberia // A. Kantor, M. Persson / Stockholm: Folke Bernadotte Akademien. — P. 39. (In English)

References:

1. Akhmedova Yu. D. The cancel culture and the personification of political discourse / Yu. D. Akhmedova, I. A. Bykov // Bulletin of Kabardino-Balkarian State University: Journalism. Education. Literature. – 2021. – Vol. 1, No. 1. – Pp. 15–26.
2. Bylevsky P. G. Phenomenological analysis of the phenomenon of “culture of cancellation” / P. G. Bylevsky, E. P. Tsatskina // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. – 2022. – No. 2 (857). – Pp. 162–168.
3. Vinogradov V. A. Analysis of the phenomenon of “cancel culture” as a tool for regulating public relations / V. A. Vinogradov // Journal of Russian Law. – 2023. – № 27(3). – Pp. 17–30.
4. Volkova A. V. The gender dimension of digital vigilantism in Russia / A. V. Volkova, G. V. Lukyanova, T. A. Kulakova // Bulletin of the RUDN University. Series: Political Science. – 2022. – No. 1. – Pp. 120–135.
5. Huseynov A. A. What is new in the “new ethics”? / A. A. Huseynov // Vedomosti of Applied Ethics. – 2021. – No. 58. – Pp. 91–105.
6. Kiseleva A. E. The cancel culture and the Institute of the Republic in Russia / A. E. Kiseleva, A. V. Muromskaya // Young teacher. – 2020. – No. 48 (338). – Pp. 585–588.
7. Korotkov Z. A. Actual problems of the jury trial in modern conditions / Z. A. Korotkov // Young scientist. – 2021. – No. 48 (390). – Pp. 265–267.
8. Kostenko O. V. Historical and philosophical prerequisites for the formation of the concept of “cancel culture” / O. V. Kostenko // Society: philosophy, history, culture. – 2023. – No. 5 (109). – Pp. 248–252.

9. Kuznetsov G. Cancel culture: history and modernity / G. Kuznetsov, M. Stupko // Sociodigger. – 2022. – No. 3–4 (17). – Pp. 40–44.
10. Lisitsa K. E. “Cancel culture” as a form of stigmatization / K. E. Lisitsa, V. A. Turkulets // Humanitarian, social-Economic and social sciences. – 2022. – No. 6. – Pp. 107–110.
11. Savelchev L. A. Higher education as a resource of Russia’s “soft power” in new geopolitical conditions. Part 1: Literary review and problem statement / L. A. Savelchev // Novelty. Experiment. Tradition (N.E.). – 2023. – Vol. 9, No. 3 (23). – Pp. 48–55.
12. Subbotina M. V. Cancel culture: a manifestation of social justice or a new tool of manipulation / M. V. Subbotina // Society: sociology, psychology, pedagogy. – 2022. – No. 3 (95). – Pp. 34–37.
13. Timokheeva E. V. Secret regulation of mobbing activities: Russian authorities and world experience / E. V. Timokheeva // Management consulting. – 2021. – Vol. 7, No. 2. – Pp. 4–96.
14. Filippovich Yu. S. About some the peculiarities of the phenomenon of “cancel culture” / Yu.S.Filippovich, G.S. Strekalov // Electronic scientific journal “Collection of Humanitarian Studies”. – 2021. – Pp. 36–41.
15. Shchipun Yu. D. “Cancel culture” in Russia and the USA: a comparative study / Yu. D. Shchipun // Materials of the scientific event “Days of Student Science”. Khabarovsk, 2021. – Pp. 257–260.
16. Trottier D. (2019) Denunciation and doxing: towards a conceptual model of digital vigilantism/ D. Troitter // Global Crime. — Pp. 196–212. (In English) DOI: 10.1080/17440572.2019.1591952
17. Haskel S. (2021) Cancel Culture: A Qualitative Analysis of the Social Media Practice of Canceling / S. Haskel // Boise State University. — P. 110. (In English)
18. Hine K. D. (1998) Vigilantism revisited: an economic analysis of the law of extrajudicial self-help or why can’t dick shoot henry for stealing jane’s truck? / K. D. Hine // American University Law Review 47. — No. 5 (June 1998). — Pp. 1221–1255. (In English)
19. Kantor A. (2010) “Understanding vigilantism” in Informal security providers and Security Sector Reform in Liberia // A. Kantor, M. Persson / Stockholm: Folke Bernadotte Akademien. — P. 39. (In English)

Для цитирования / For citation:

Щеглова А. К. Проблемные аспекты правового регулирования «культуры отмены» в России // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2025. – Т. 11. – № 1 (29). – С. 102–112.

Некоторые проблемные аспекты противодействия незаконному обороту наркотиков в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»

Эвинян Виктория Араиковна, Кубанский государственный университет, юридический факультет имени А. А. Хмырова (Краснодар, Российская Федерация)
студентка 4-го курса специалитета;
e-mail: evinanvika@gmail.com
ORCID: 0009-0008-4824-7498.

Научный руководитель:

Горенко Максим Геннадьевич, Кубанский государственный университет, кафедра уголовного права и криминологии (Краснодар, Российская Федерация)
преподаватель кафедры, кандидат юридических наук;
e-mail: maxim_gko@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблемных аспектов противодействия незаконному обороту наркотиков в сети «Интернет», представляющего собой серьезную и постоянно растущую угрозу здоровью населения. Актуальность темы обусловлена спецификой онлайн-среды, дающей возможности для анонимности, трансграничной деятельности и быстрого распространения запрещенных веществ. Основная проблема, рассматриваемая в статье, заключается в выявлении и систематизации ключевых факторов, препятствующих эффективной борьбе с онлайн-наркоторговлей, несмотря на предпринимаемые усилия правоохранительных органов.

В ходе исследования применялся комплексный методологический подход, включающий системный анализ для рассмотрения проблемы как многоуровневой системы со взаимосвязанными элементами.

Результаты проведенного исследования позволили выделить ряд ключевых проблемных аспектов, включая стремительное развитие так называемого «дикрнета», использование анонимных технологий, высокую технологическую осведомленность преступников и их быструю адаптацию к новым инструментам, трансграничный характер Интернета, масштаб и скорость распространения информации о наркотиках в сети, а также трудности в идентификации субъектов незаконной деятельности.

Практическая польза от исследования заключается в возможности использования выявленных проблемных аспектов для разработки и совершенствования стратегий и тактик противодействия незаконному обороту наркотиков в сети «Интернет». Полученные результаты могут быть использованы при разработке новых законодательных инициатив, направленных на регулирование деятельности в онлайн-среде, а также при создании специализированных программ обучения для сотрудников правоохранительных органов, занимающихся борьбой с киберпреступностью. Кроме того, результаты исследования могут способствовать развитию сотрудничества в данной сфере и разработке эффективных технических решений для выявления и блокировки ресурсов, используемых для незаконного оборота наркотиков.

Ключевые слова: незаконный оборот, наркопреступность, наркотические средства, психотропные вещества, аналоги, виртуальное пространство, сбыт, информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет».

Some Problematic Areas of Countering Drug Trafficking in the Internet Information and Telecommunications Network

Victoria A. Evinyan, Kuban State University, Law Faculty named after A. A. Khmyrov (Krasnodar, Russian Federation)
specialist student;
e-mail: evinanvika@gmail.com
ORCID: 0009-0008-4824-7498.

Academic supervisor:

Maxim G. Gorenko, Kuban State University, Department of Criminal Law and Criminology (Krasnodar, Russian Federation)
Lecturer of the Department, PhD of Jurisprudence;
e-mail: maxim_gko@mail.ru

Abstract

The paper deals with the research into the problematic aspects of countering drug trafficking on the Internet, which is a serious and ever-growing threat to public health. The relevance of the subject could be accounted for by the specificity of the online environment, which provides opportunities for anonymity, cross-border activities and rapid distribution of illicit substances. The major issue addressed consists in identifying and systematizing the key factors hindering the effective combating online drug trafficking, despite the efforts of law enforcement agencies.

The research employed a comprehensive methodological approach, including systemic analysis to consider the issue as a multi-level system with interrelated elements.

The findings obtained highlighted a number of key problematic aspects, including the rapid development of the so-called ‘darknet’, the use of anonymous technologies, the criminals’ high technological proficiency, as well as and their rapid adaptation to new tools, the cross-border nature of the Internet, the scale and the rate at which drug information is disseminated online, and the challenges in identifying the actors involved in illicit activities.

The practical benefits of the study consist in the possibility of utilizing the identified problematic aspects to develop and improve the strategies and the tactics for countering drug trafficking on the Internet.

The findings can be used in the elaboration of new legislative initiatives aimed at regulating activities in the online environment, as well as in the design of specialized training programs for law enforcement officers involved in combating cybercrime. The results of the study may also contribute to developing cooperation in this area and generating effective technical solutions for identifying and blocking resources used for drug trafficking.

Keywords: illicit trafficking, drug crime, narcotic drugs, psychotropic substances, analogues, virtual space, sale, information and telecommunications network ‘Internet’.

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество сталкивается с масштабными вызовами, связанными с незаконным оборотом наркотиков, который значительно трансформировался под влиянием цифровых технологий. Информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» стала

не только важным инструментом коммуникации и обмена данными, но и средой, активно используемой преступными структурами для распространения наркотических средств. Анонимность, предоставляемая Интернетом, позволяет злоумышленникам скрывать свою личность, что существенно затрудняет работу правоохранительных органов по их выявлению и привлечению к ответственности [7].

Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности в 2024 году опубликован доклад, который убедительно демонстрирует рост употребления наркотиков. Так, по последним данным, в 2022 году примерно 292 млн человек во всем мире употребляли наркотики, что на 20 % больше, чем 10 лет назад¹. Более того, отмечается и увеличение числа людей, страдающих от наркотической зависимости: 39,5 млн. Этот показатель выше на 45 %, в отличие от того, который был установлен 10 лет назад². Отметим, что рост числа наркопотребителей создает спрос на запрещенные вещества, что, в свою очередь, стимулирует их незаконное производство и распространение.

МЕТОДОЛОГИЯ

При написании работы использовались методы анализа и синтеза для изучения законодательства, статистических данных, научных трудов и практических примеров, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Анализ позволил выявить существующие проблемы, а синтез — предложить возможные пути их решения. Кроме того, применялись методы дескриптивной статистики путем описания основных характеристик изучаемого явления. Формулирование выводов осуществлено на основе эмпирических приемов, в частности, посредством индукции при анализе эмпирических данных, а также дедукции, что проявляется в проверке теоретических положений на практике.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов (далее — незаконный оборот наркотиков) представляет собой одну из наиболее острых социальных и криминологических проблем современного общества. Так, согласно отчету Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД РФ) о состоянии преступности в РФ, за январь – сентябрь 2024 года было зарегистрировано 145 576 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков³.

С развитием информационно-телекоммуникационных технологий это негативное явление приобрело новые формы, значительно усложнившие процесс выявления, пресечения и расследования преступлений в рассматриваемой сфере. В частности, сеть «Интернет» стала мощным инструментом, используемым преступниками для распространения наркотиков и обхода традиционных методов государственного контроля.

Названный тезис находит свое подтверждение в «Обзоре судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов», утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 июня 2024 года. В частности, в нем указывается на устойчивую тенденцию

¹ Число людей, употребляющих наркотики, выросло на 20 процентов за 10 лет [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/06/1453676> (дата обращения: 10.01.2025).

² Число наркозависимых в мире за 10 лет выросло на 23 процента [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/06/1442332> (дата обращения: 10.01.2025).

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2024 года [Электронный ресурс]. – URL: https://mvd.ru/reports/item/56672721/?date_from=2024-1-1&date_to=2024-11-30&action=item®ion= (дата обращения: 11.01.2025).

к увеличению использования сети «Интернет» для поиска покупателей и организации бесконтактного сбыта запрещенных веществ. Анализ вступивших в силу судебных приговоров за 2023 год показывает, что почти половина осужденных за сбыт наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (а именно 47,2 %) совершили преступления, активно используя информационно-телекоммуникационные сети, в том числе и глобальную сеть «Интернет»⁴.

Учитывая вышеизложенное, целесообразно рассмотреть, с какими трудностями и препятствиями сталкиваются правоохранительные органы в процессе противодействия незаконному обороту наркотиков, преимущественно в сети «Интернет».

Во-первых, проблемой является стремительное развитие так называемого «дикнета», который представляет собой сегмент Интернета, недоступный обычным пользователям. В этой сети соединение устанавливается между доверенными участниками (пирами) в зашифрованном виде, с применением нестандартных портов и протоколов. Для доступа в «дикнет» требуется специальное программное обеспечение, а поиск информации осуществляется через «запароленные форумы» по приглашению (инвайту) от администраций или модераторов. Наркоторговцы создают в «дикнете» анонимные интернет-магазины для продажи наркотиков [2].

С конца октября 2016 г. действует крупнейшая торговая площадка Hydra, насчитывающая несколько сотен интернет-магазинов. Все сделки и расчеты проводятся напрямую на площадке, а оплата осуществляется криптовалютой. Указанный Tor-сайт охватывает широкий спектр теневого бизнеса — от продажи наркотиков до реализации поддельных документов, банковских карт и др. [4].

В качестве примера использования данного ресурса в сфере незаконного оборота наркотиков можно привести уголовное дело, согласно материалам которого К. договорился с неустановленным лицом, пользующимся на сайте Hydra в сети «Интернет» учетной записью «Каэр Морхен», о приобретении у того наркотического средства через тайник, после предварительной оплаты, путем перевода денег на номер счета банковской карты. По факту поступления денежных средств неустановленное лицо сообщило координаты местонахождения вещества, содержащего наркотическое средство — мефедрон⁵.

Отметим, что в декабре 2024 года суд в Подмосковье вынес обвинительный приговор основателю онлайн-площадки Hydra Станиславу Моисееву, а также 15 его соучастникам, занимавшимся незаконной продажей наркотиков⁶. Однако закрытие одного «дикнет-маркетплейса», полагаем, может привести к появлению нескольких новых, что, в свою очередь, усложнит контроль и мониторинг за их незаконной деятельностью.

Для решения названной проблемы целесообразным видится внедрить инструменты искусственного интеллекта и машинного обучения для их использования в государственных органах при осуществлении автоматического мониторинга «дикнета». Такие системы должны анализировать трафик, выявлять подозрительные активности, идентифицировать торговые площадки и отслеживать совершаемые финансовые транзакции.

Во-вторых, использование шифрования, VPN-сервисов, прокси-серверов и анонимных платежных систем позволяет скрывать реальные IP-адреса, местоположение и фи-

⁴ Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2024) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479925/

⁵ Приговор № 1-88/2019 от 17 апреля 2019 г. по делу № 1-88/2019 Слободского районного суда Кировской области [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/xYGHFkA41TNS/?page=46®ular-txt=%22%D0%92%D0%9E%D0%A0%D0%9E%D0%91%D0%AC%D0%95%D0%92%D0%90+%D0%A2.%D0%92.22&snippet_pos=3758 (дата обращения: 12.01.2025).

⁶ Основателю Hydra дали пожизненный срок [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/22552935> (дата обращения: 12.01.2025).

нансовые транзакции. В частности, наркоторговцы используют мессенджеры с функцией сквозного шифрования [1] (например, Telegram) для общения с покупателями, делая переписку недоступной для правоохранительных органов без физического доступа к устройству. Сбыт наркотиков через Telegram обычно осуществляется двумя способами: либо через прямые переговоры продавца и покупателя в секретном чате с последующей передачей товара через закладку, либо через автоматизированные чат-боты, где покупатель выбирает товар и получает координаты закладки [10].

Более того, оплата наркотиков криптовалютами, к примеру, Bitcoin, Ethereum, Monero и др. затрудняет отслеживание финансовых потоков. Примечательно, что Monero, в отличие от многих других, изначально проектировалась с акцентом на обеспечение максимальной анонимности транзакций. Эта особенность сделала ее привлекательным инструментом для проведения нелегальных операций и сделок с наркотиками. Несмотря на многообразие доступных криптовалют, Bitcoin занимает лидирующие позиции в теневом секторе российской экономики, связанном с наркоторговлей [8].

Для подтверждения рассмотрим пример из судебной практики. Так, по делу № 1-313/2022, которое рассматривал Зеленоградский районный суд г. Москвы, было установлено, что покупатели наркотических средств и психотропных веществ переводили денежные средства на счет интернет-магазина Z1, размещенного на платформе Hydra, с использованием децентрализованной платежной системы в виде криптовалюты Bitcoin. Средства, полученные от незаконного сбыта наркотиков, распределялись «организатором» преступного сообщества между его участниками посредством переводов криптовалюты на биткоин-кошельки, принадлежащим его членам. В дальнейшем эти средства выводились участниками через серию «сквозных» электронных кошельков QIWI, оформленных на подставных лиц либо на самих участников преступной сети. После этого деньги переводились на банковские счета или карты, с которых впоследствии обналичивались с целью их последующей легализации⁷.

Считаем, что урегулирование данной ситуации необходимо произвести посредством введения требований для провайдеров VPN-сервисов и мессенджеров с функцией сквозного шифрования регистрироваться в национальных реестрах и предоставлять доступ к данным пользователей по запросу правоохранительных органов. В России уже существует закон о хранении данных (закон Яровой)⁸, который можно дополнить таким обязательством.

В-третьих, Интернет не имеет границ, что позволяет преступникам действовать из любой точки мира, координируя поставки и продажи наркотиков не только в рамках одной страны, но и нескольких. Допустим, наркотики могут производиться в одной стране, рекламироваться на сайте в другой, а оплата и доставка осуществляться через третьи страны. Для наглядности рассмотрим схему работы преступников в этой сфере на примере материалов практики Кемеровского областного суда. Так, злоумышленники устанавливают контакт через Интернет с лицами, которые находятся на территории Китая (КНР), либо с посредниками из других регионов России, получающими вещества из КНР. После этого преступники размещают заказ, переводят денежные средства на счета отправителей и ожидают получения посылки или бандероли. Международные посылки из страны отправления поступают на Шереметьевскую таможню в Москве, оттуда перенаправляются в населенные пункты получателей. Отметим, что именно поэтому обеспечение эффективного взаимодействия

⁷ Приговор № 1-313/2022 Зеленоградского районного суда г. Москвы [Электронный ресурс]. – URL: <https://mosgorsud.ru/rs/zelenogradskij/services/cases> (дата обращения: 12.01.2025).

⁸ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О противодействии терроризму“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016 № 374-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/ (дата обращения: 13.01.2025).

Главного управления по контролю за оборотом наркотиков МВД РФ, Федеральной таможенной службы РФ и АО «Почта России» играет ключевую роль в борьбе с наркопреступностью [6].

В перспективе для противодействия вышеуказанной проблеме стоит предусмотреть уголовную ответственность за размещение и распространение запрещенной информации о наркотических средствах и психотропных веществах в сети «Интернет». В настоящее время в Российской Федерации уже существуют законодательные механизмы, направленные на борьбу с этим явлением. Так, статья 6.13 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации предусматривает ответственность за пропаганду наркотиков⁹. Однако практика показывает, что меры административного воздействия зачастую оказываются недостаточными для предотвращения рецидивов и снижения уровня преступной активности в этой сфере. Учитывая высокую степень общественной опасности деяния и возможного наступления опасных последствий, целесообразно предусмотреть в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) состав с административной преюдицией, то есть при повторном совершении административного правонарушения лицо будет привлечено к уголовной ответственности [5]. Это позволит эффективно пресечь пропаганду наркотиков и снизить уровень наркозависимости.

В-четвертых, быстрое развитие технологий постоянно опережает возможности правоохранительных органов. В частности, использование стеганографии (скрытие информации внутри других файлов, например, изображений) позволяет наркоторговцам передавать сообщения и инструкции, не вызывая подозрений. К тому же автоматизированные боты и скрипты могут использоваться для рассылки рекламных сообщений о продаже наркотиков, что затрудняет их ручное отслеживание и блокировку. Вместе с тем размещение информации на децентрализованных платформах и в пиринговых сетях делает невозможным ее цензурирование и удаление.

Необходимо в рамках противодействия незаконному обороту наркотиков легализовать и регламентировать использование правоохранительными органами методов внедрения в «дикнет», включая создание фальшивых магазинов, участие в сделках под прикрытием, а также проведение DDos-атак на нелегальные ресурсы.

Рассматривая вопрос противодействия незаконному обороту наркотиков, нельзя не согласиться с мнением И. Г. Чекунова и Р. Н. Шумова, которые отмечают высокую латентность преступлений в данной сфере [9]. Действительно, в отличие от многих других преступлений (например, краж или грабежей), где есть потерпевший, желающий заявить о преступлении, при незаконном обороте наркотиков потребитель сам является участником незаконной деятельности. Он не заинтересован в обращении в правоохранительные органы, так как это может повлечь за собой уголовную ответственность за приобретение и (или) хранение наркотиков, в частности, по ст. 228 УК РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целях противостояния выявленным проблемам законодатель усилил уголовную ответственность, внеся в УК РФ более 20 новых составов за последние несколько лет. В частности, была криминализована деятельность, связанная с бесконтактным распространением наркотиков, что нашло отражение в п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, введенном Федеральным законом от 01.03.2012 № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3].

⁹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/a0b56735925bbd4bb79e312166a9c8d48d89c025/ (дата обращения: 13.01.2025).

Ко всему прочему, необходимым видится предпринять следующие меры по противодействию незаконному обороту наркотиков в информационно-телекоммуникационных сетях:

1. Предусмотреть уголовную ответственность за организацию и администрирование онлайн-платформ, предназначенных для сбыта наркотиков, даже если администраторы сами не участвуют в сбыте.

2. Уточнить понятие «сбыт», включив в него действия по распространению информации о местах «закладок» и способах приобретения наркотиков в сети «Интернет».

3. Усилить ответственность за вовлечение несовершеннолетних в рассматриваемую преступную деятельность.

Отметим, что противодействие незаконному обороту наркотиков в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» является сложной и многогранной задачей, требующей постоянного внимания со стороны общества и государства. Только комплексный подход, включающий в себя правовые, организационные, технические и профилактические меры, позволит эффективно бороться с этим опасным явлением и обеспечить здоровье и безопасность населения.

Литература:

1. Алимова, В. В. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ с использованием телекоммуникационных сетей и устройств / В. В. Алимова // Теология. Философия. Право. – 2017. – № 3. – С. 51–58.
2. Арсланова, А. Р. Даркнет как площадка для совершения преступлений / А. Р. Арсланова // Закон и право. – 2022. – № 7. – С. 140–142.
3. Гулиева, Н. Б. Бесконтактный сбыт наркотических средств и психотропных веществ через Интернет: судебная практика Кемеровской области / Н. Б. Гулиева, Р. Г. Драпезо, В. Н. Шелестюков // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. – 2020. – № 2. – С. 353–367.
4. Земцова, С. И. Криптовалюта в незаконном обороте наркотических средств: вопросы деанонимизации и ответственности / С. И. Земцова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 1 (13). – С. 54–63.
5. Капинус, О. С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики / О. С. Капинус // Журнал российского права. – 2019. – № 6. – С. 76–79.
6. Поляков, В. В. Криминалистические особенности бесконтактного способа совершения наркопреступлений / В. В. Поляков, М. В. Кондратьев // Известия АлтГУ. – 2015. – № 2 (86). – С. 83–86.
7. Сулайманов, Э. Р. Проблемы расследования незаконного сбыта наркотиков посредством сети Интернет / Э. Р. Сулайманов // SAF. – 2023. – Т. 8, № 2. – С. 61–64.
8. Фильченко, А. П. Учет особенностей обращения криптовалюты в процессе доказывания причастности лица к незаконному обороту наркотиков / А. П. Фильченко, В. Ю. Жандров // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – № 4 (46). – С. 561–567.
9. Чекунов, И. Г. Современное состояние киберпреступности в Российской Федерации / И. Г. Чекунов, Р. Н. Шумов // Российский следователь. – 2016. – № 10. – С. 44–47.
10. Яшин, А. В. Проблемы противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемым посредством сети Интернет / А. В. Яшин, В. Р. Шишкевич // Вестник ПензГУ. – 2020. – № 3 (31). – С. 107–112.

References:

1. Alimova V. V. (2017) Illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances using telecommunication networks and devices // Theology. Philosophy. Law. – No. 3. – Pp. 51–58. (In Russ.)

2. Arslanova A. R. (2022) Darknet as a platform for committing crimes // Law and Order. – No. 7. – Pp. 140–142. (In Russ.)
3. Gulieva N. B., Drapezo R. G., Shelestyukov V. N. (2020) Contactless sale of narcotic drugs and psychotropic substances via the Internet: judicial practice of the Kemerovo region // Bulletin of St. Petersburg State University. – Series 14. Law. – No. 2. – Pp. 353–367. (In Russ.)
4. Zemtsova S. I. (2020) Cryptocurrency in the illegal drug trafficking: issues of deanonymization and liability // Forensic science: yesterday, today, tomorrow. – No. 1 (13). – Pp. 54–63. (In Russ.)
5. Kapinus O. S. (2019) Administrative prejudice in criminal law: problems of theory and practice // Journal of Russian law. – No. 6. – Pp. 76–79. (In Russ.)
6. Polyakov V. V., Kondratyev M. V. (2015) Forensic features of the contactless method of committing drug crimes // Bulletin of Altai State University. – No. 2 (86). – Pp. 83–86. (In Russ.)
7. Suleimanov E. R. (2023) Problems of investigating the illegal sale of drugs via the Internet // SAF. – Vol. 8, No. 2. – Pp. 61–64. (In Russ.)
8. Filchenko A. P., ZhandoV V. Yu. (2021) Taking into account the peculiarities of cryptocurrency circulation in the process of proving a person's involvement in illegal drug trafficking // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – No. 4 (46). – Pp. 561–567. (In Russ.)
9. Chekunov I. G., Shumov R. N. (2016) The current state of cybercrime in the Russian Federation // Russian investigator. – No. 10. – Pp. 44–47. (In Russ.)
10. Yashin A. V., Shishkevich V. R. (2020) Problems of counteracting crimes in the sphere of illegal drug trafficking committed via the Internet // Bulletin of PenzSU. – No. 3 (31). – Pp. 107–112.

Для цитирования / For citation:

Эвинян В. А. Некоторые проблемные аспекты противодействия незаконному обороту наркотиков в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2025. – Т. 11. – № 1 (29). – С. 113–120.

**«Новизна. Эксперимент. Традиции» (Н.Экс.Т) /
“Novelty. Experiment. Traditions” (N.Ex.T)**

**Том 11. Выпуск 1 (29) – 2025
Российский научно-практический журнал
(сетевое издание)**

18+

**Выходит 4 раза в год
Все статьи рецензируются**

**Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ
Заведующая издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ
Редактор
Ю. Н. КОПЯТИНА
Корректор
М. П. КУЛИКОВА
Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНКОК**

**Сдано в набор 14.03.2025.
Подписано к публикации 17.04.2025.**

**УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия Эл № ФС 77-82820 от 18 февраля 2022 г. («Новизна. Эксперимент. Традиции» (Н.Экс.Т) / “Novelty. Experiment. Traditions” (N.Ex.T)).

**(С 2014 по 2021 г. журнал выпускался под названием “Administrative Consulting”,
свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77-59415 от 22 сентября 2014 г.)**

**Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61.
Тел. (812) 335-94-97.**